

ОГОНЁК

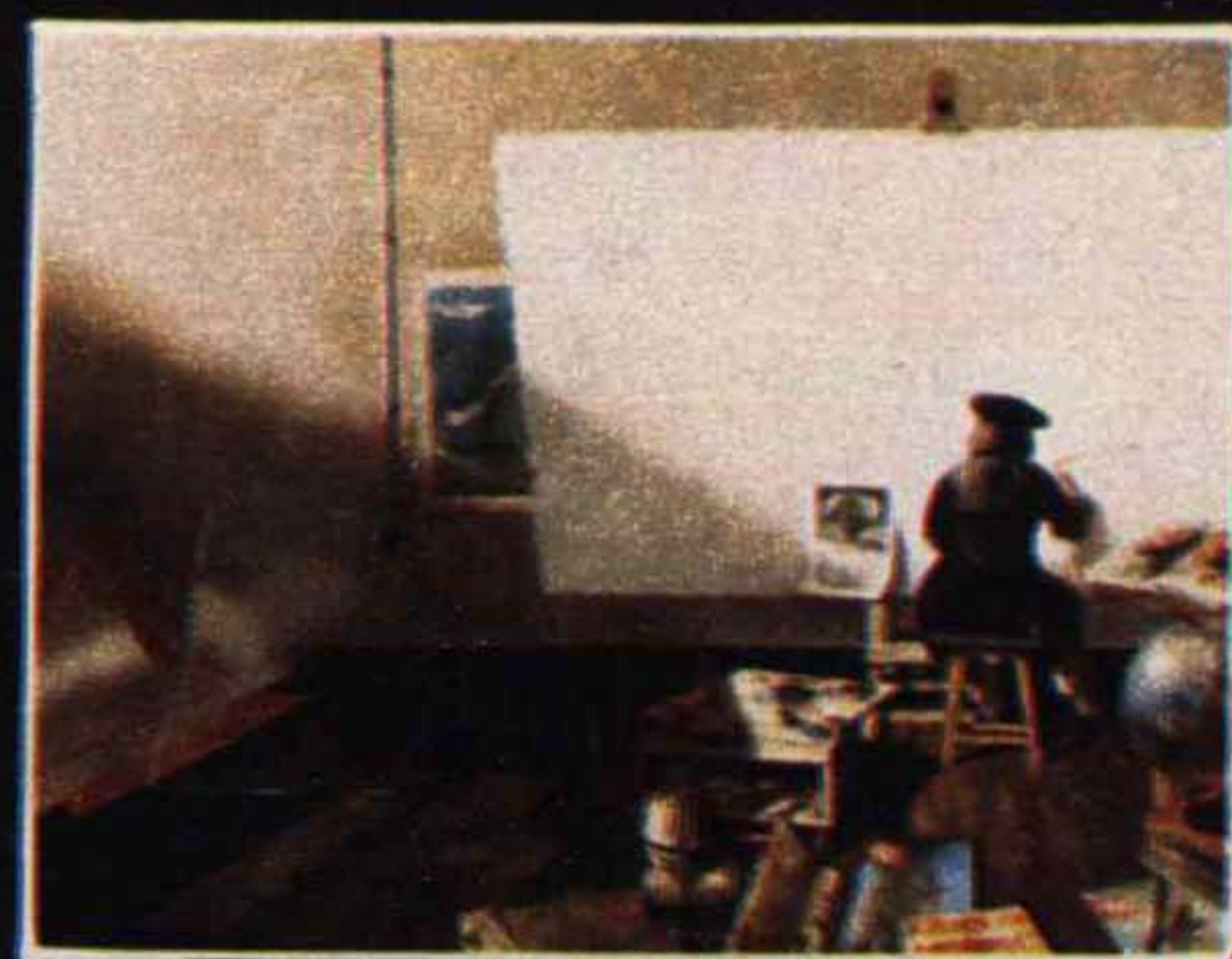
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 февраль 1988

НОВЫЙ
СТАРЫЙ МХАТ

О ПЕРЕСТРОЙКЕ
В НАУКЕ

КЛАССИКА В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В. КАБАИДЗЕ:
«ОТ СВОЕЙ
ПРОГРАММЫ
ДЕЙСТВИЙ
МЫ
НЕ ОТСТУПИМ»

85

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 7 (3160)

13—20 ФЕВРАЛЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор

В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

**Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
Л. Н. ГУЩИН**

(первый заместитель
главного редактора),

**К. А. ЕЛЮТИН,
Н. А. ЗЛОБИН,
С. С. ЛЕСНЕВСКИЙ,
В. Д. НИКОЛАЕВ**

(заместитель
главного редактора),

**Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
А. Б. СТУКОВ,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.**

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В. П. Кабаидзе — генеральный директор Ивановского станкостроительного производственного объединения имени 50-летия СССР. (См. в номере материал «Острые углы хозрасчета».)

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Коллекционер знаков трудовой доблести, профессор Валерий Владимирович ЛЯХОВИЧ.

Фото Михаила САВИНА.

Оформление **Е. М. КАЗАКОВА**
при участии **Г. Н. СИДОРОВОЙ**

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27;
Отделы: Публицистики — 212-21-88; Между-
народный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69;
Искусства — 212-15-39; Морали и писем —
212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформление —
212-15-77; Литературных приложений —
212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 25.01.88. Подписано к печати 09.02.88. А 10312. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 1869.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

**Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.**

ПЕРЕСТРОЙКА:

ПРОВЕРКА

ДЕЛОМ

*С генеральным директором
Ивановского ордена Ленина
станкостроительного
производственного
объединения
имени 50-летия СССР
Героем Социалистического
Труда Владимиром
Павловичем КАБАИДЗЕ
беседует специальный
корреспондент «Огонька»
Леонид ПЛЕШАКОВ.*

Я ПРИЕХАЛ В ИВАНОВО ЗА ТРИ ДНЯ ДО НОВОГО ГОДА. ТАК ПРЕДЛОЖИЛ САМ КАБАИДЗЕ: БЛИЖЕ К «ЕЛКЕ» МОЖНО БУДЕТ ПОДВЕСТИ ИТОГИ РАБОТЫ ОБЪЕДИНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ САМОФИНАНСИРОВАНИЯ И ХОЗРАСЧЕТА, НА КОТОРЫЕ ТУТ ПЕРЕШЛИ С ЯНВАРЯ 1987 ГОДА, ПОСМОТРЕТЬ, ЧТО ДАЛ ЭКСПЕРИМЕНТ ЗА ИСТЕКШИЕ ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ. НЕСМОТРЯ НА ПРЕЖНЮЮ ДОГОВОРЕННОСТЬ, ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ ОТНЕССЯ К ПРЕДСТОЯЩЕЙ БЕСЕДЕ БЕЗ ОСОБОГО ВОСТОРГА.

У

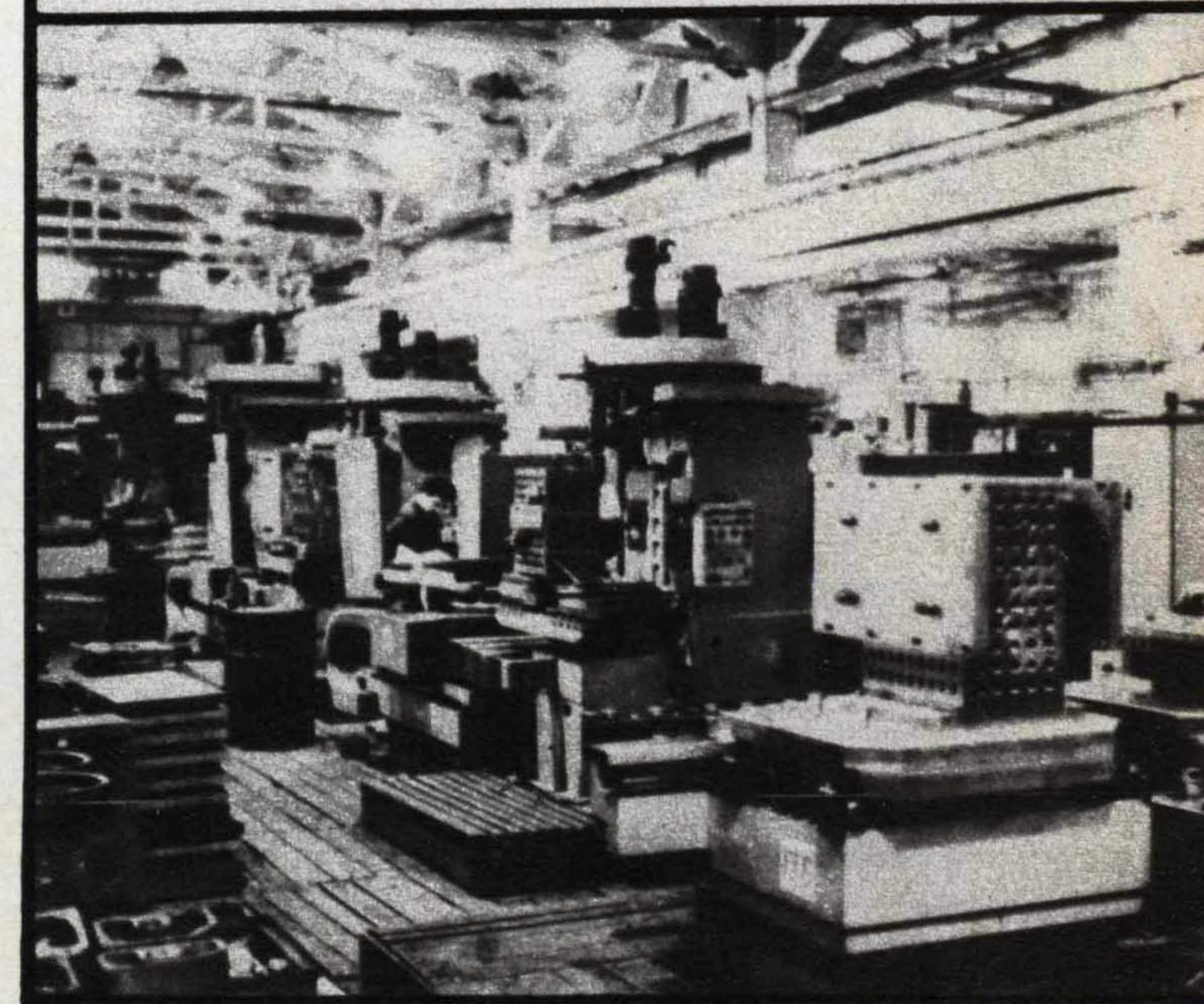
меня есть друг, — сказал он, — который собирает все, что публикуется обо мне и нашем объединении. Он называет это «Кабаидзелогией». Хорошо, что он мой приятель со школьной скамьи. Для него все эти журнальные и газетные вырезки — мелкие радости. А представьте, другому человеку начнут все время долбить: Иваново, Иваново, Кабаидзе, Кабаидзе — вызовет раздражение. Особенно у коллег-директоров — все время тычут: делайте, как они, делайте, как они. Такое уже не раз было, то примутся за какого-нибудь председателя колхоза, то за директора завода: смотрите, смотрите, подражайте. Но дело от этого не улучшается.

— **Почему?**

— Есть, значит, какие-то причины.

— **А вы, например, видите, почему у вас получается, а у других нет?**

— Думаю потому, что слишком много людей помнит, какой ценой нам это далось. Сейчас-то все хорошо: наше

Е УГЛЫ ХОЗРАСЧЕТА

Идет совещание в кабинете генерального директора.

Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА.

Автоматизированная линия на Ивановском станкостроительном производственном объединении им. 50-летия СССР.

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

объединение на виду, народ неплохо зарабатывает, многие отмечены наградами, директор не забыт. Но ведь двенадцать лет мы тут работали без прогрессивки и премий. Мне мои коллеги говорят: «Вот ты пробился, молодец, но попробуй я хотя бы три месяца прогрессивку не уплатить — побегут». Кому захочется после этого такие вериги на свою шею взваливать?

— **Однако у вас почему-то не победили...**

— Тут целый комплекс причин. Так вот сразу и не объяснишь.

— **Тогда поговорим о хозрасчете и самофинансировании. Ваше объединение отработало по новой схеме целый год. Как вы считаете, эксперимент удался?**

— Пока что нет.

— **Ваше мнение основано на каких-то конкретных фактах, расчетах, наблюдениях?**

— Конечно. Но чтобы понять, почему я не спешу дать эксперименту восторженную оценку, мне хотелось бы вернуться к самому его началу.

А история его внедрения на нашем объединении такова. Где-то в сентябре 1986 года к нам из Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности пришел приказ: подготовиться с января 1987 года работать на основе самофинансирования. Психологически мы к этому были готовы давно. Зачем, спрашивается, всю прибыль предприятия сначала надо перекачивать в Москву, а потом наш брат, директор, должен ехать туда и выцарапывать какую-то ее часть в меру своих сил и пробивных способностей. Последнее обстоятельство приводило к тому, что нарушался принцип справедливости. Часто в выигрыше оказывался тот, у кого локти покрепче. Правильнее было бы, чтобы деньги оседали там, где они зарабатывались. Понятно, что часть прибыли должна идти в центр на какие-то дела, что стоят выше интересов конкретного коллектива, — допустим, нашему Минстанкопрому или на общегосударственные цели. Но вполне логично, что какая-то вполне определенная часть должна оставаться тем,

кто эту прибыль заработал: пусть они сами себя кормят.

Короче, то, что нам предложили, было вполне симпатично — лучше не надо.

Тогда же, в сентябре 1986 года, мы стали изучать все, что было опубликовано в печати на эту тему. Больше всего писали о сумском варианте, который, судя по всему, проходил довольно успешно. Правда, смущало в нем одно обстоятельство: это был единственный академический опыт, а как он покажет себя в массовой практике — еще вопрос. Проиграли мы его на бумаге с начальником планово-экономического отдела Владимиром Валентиновичем Павлычевым в нашем ивановском преломлении, и все отлично получилось. Топор, как говорится, под лавкой лежал, а мы его так долго искали. Стали терзать министерство: дайте скорее подтверждение, что имеем право, как Сумы работать. Но в Москве что-то тянут, ничего толком не говорят. Наконец в январе 1987 года получаем ответ. Читаем, разбираемся, видим: петля.

— В каком смысле?

— Все коэффициенты, которые мы нарисовали, согласно сумскому опыту, проигнорированы, расчеты перечеркнуты. А без них новинка оставалась старой песней.

— Не совсем ясно, объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду?

— Чтобы стало понятно, я должен сделать небольшое отступление в историю нашего предприятия. Вы, наверное, заметили, что на нашей территории возводятся новые корпус, этакий «сарай» тысяч на сто квадратных метров, фактически новый завод. Там должно быть примерно столько же производственных площадей, сколько мы имеем на старом заводе. По поводу нашего расширения в свое время было принято много постановлений. Однако к строительству долгое время не приступали, а когда его начали, то дело шло, как говорится, ни шатко ни валко. И вот, пока тянулась эта волюнка, мы в Иванове пришли к выводу, что нам этот «сарай» совсем не нужен. Да и вообще в России, на наш взгляд, для машиностроения ничего нового строить не надо.

— Почему?

— Вы, наверное, знаете, что наше объединение много работает «по горизонтали», то есть, минуя все иерархии управления, налаживает связи с крупными заказчиками напрямую, разрабатывает для них и новые машины, и технологии, а также дает советы, как надо перестраивать производство на базе новой техники. Так вот, чтобы все это делать квалифицированно, нам приходится изучать работу многих предприятий, часто весьма привилегированных, хорошо оснащенных, не обремененных повышенным вниманием. И вот представьте: приезжаешь на какой-нибудь из этих прославленных гигантов, а там недавно поставленный новый корпус тысяч на сто, двести квадратных метров, набитый универсальными станками, стоит почти пустой — нет людей. Спрашивается: зачем строили?

Когда я поехал по стране, насмотрелся всюду одного и того же, задумался и о своем предприятии. Его начали строить в 1956 году практически без жилья. Когда закончили в 1969 году, оказалось, что на промплощадке освоено 95 процентов выделенных капиталовложений. Не успели сдать всего один объект — инженерно-лабораторный корпус. Но вот жилье, соцкультбыт, даже предусмотренные проектом, практически не строили вовсе.

Я помню время, когда машиностроение в стране работало в три смены...

— И я помню...

— Потом мы стали наращивать парк станков. Догнали их производство сначала до 125 тысяч штук в год, потом до двухсот, двухсот сорока тысяч... Самая главная цель была: количество. А что такое 125 тысяч металлорежущих станков в год? Это значит — через короткое время третья смена пропала. А 200 тысяч? Стала пропадать и вторая. Вскоре оказалось, что и первая уже не может быть полностью обеспечена рабочими-станочниками. Но отрасль все гнала и гнала новые универсальные станки, все наращивала их парк. Сейчас сложилась дикая ситуация: рабочих-станочников у нас в стране много меньше, чем станков, а мы все орем: даешь новые станки! Еще, еще, больше! Где-то году в 1968-м — я работал тогда в Рязани — этот перекоп стал бросаться в глаза. Но вместо того, чтобы проанализировать положение и принять грамотное решение, стали придумывать новые показатели, новые лозунги: «Увеличим коэффициент сменности!» Как, с какими кадрами — не ясно...

— Откуда шло это головотяпство?

— Когда хозяйство ведется некомплексно, обязательно появляется отставание в чем-то, ну и, чтобы наверстать упущенное, бросается клич: надо! Если из общей хозяйственной цепи выдирается какое-то одно звено, пусть даже самое архиважное, и не анализи-

руется весь шлейф его связей, то при всех наших благих намерениях все решение останутся не более чем пустозвонством.

Вот почему — возвращаясь к началу темы, — проанализировав ситуацию, мы пытались исходить из логики: зачем строить новый корпус, если, напихав в него сотни универсальных станков, мы не будем иметь рабочих?

— Вы не слишком категоричны, Владимир Павлович?

— Нисколько. Давайте считать вместе. Сегодня в Ивановской области на селе осталось всего шесть процентов работоспособного населения. Именно поэтому наш завод вынужден посылать летом на сельхозработы до шестисот человек. Это при наших шести тысячах общей численности. Если мы построим еще один корпус и «пробьем» жилье к нему, я должен буду забрать из села и остальных его тружеников. Уверен, пойдут: зарплата у нас хорошая, предприятие престижное, всякие там городские блага предоставляем. В результате я должен буду посылать в село в будущем не 600, а две тысячи человек. И пошлю, естественно, не лучших, а с низкой квалификацией, вчерашних селян. Значит, я должен заранее знать, что беру к себе не работников, а временщиков, которые и в городе еще ничему не научились, и в селе будут трудиться спустя рукава. Такая вот взаимосвязь.

— Неужели вы не могли воспротивиться этому строительству раньше?

— Пытались. Я выступил против него еще в 1981 году. Мы даже тут, в Иванове, разработали свои встречные предложения, которые и доложили министерству. Постройте, мол, нам инженерно-лабораторный корпус, который станет мозговым центром не только для Иванова, но и для целого ряда заводов-смежников, которые будут работать по нашим чертежам и вместе с нами образуют одно объединение. Мы просили деньги только на жилье и оборудование. Это позволило бы перевести людей на непрерывный режим работы. Посчитали: экономия государству — сто миллионов рублей.

Но тогда были еще не те времена, чтобы выступать с подобными инициативами. Да и у нас, честно говоря, еще не было достаточного авторитета. В общем, наши предложения не приняли. А, наоборот, решили расширять производство прежними экстенсивными методами: увеличивая производственные площади. Короче, заложили фундамент нового корпуса.

И вот в конце марта 1985 года неожиданно меня пригласили на беседу в ЦК КПСС и предложили говорить не так, как надо (как это делалось раньше), а по существу. Там я и сказал: в стране ничего нового строить в машиностроении не следует, увеличивать производство нужно только за счет перевооружения. А еще, сказал, надо резко сократить выпуск того, что не нужно народному хозяйству, в частности универсальных станков. Ну, а мощности нашего общего несчастья, строительства, обратить только на решение социальных вопросов. Я повторил это же и на совещании по научно-техническому прогрессу, которое прошло в том же году.

Но, увы, даже в 1987 году, когда мы начали работать в условиях самофинансирования и хозрасчета, у нас ничего не изменилось.

— Однако согласно положению о самофинансировании, насколько я знаю, предприятия в рамках определенного коэффициента получают право решать, в каких пропорциях тратить заработанную ими прибыль на развитие производства, научно-технический прогресс, материальное поощрение работников, на соцкультбыт и жилищное строительство.

— Именно так первоначально предполагали и мы. Но прошло время распоряжаться заработанным, и все вернулось на круги своя. За 1987 год на развитие производства — считайте на строительство нового корпуса — из на-

ших прибылей было направлено 19 миллионов рублей, что составило 251 процент по отношению к предыдущему году. Зато по фондам соцкультбыта мы не добрали за тот же срок одиннадцать процентов...

Еще более характерная картина «самофинансирования» складывается на 1990 год, когда наше строительство будет уже закончено. Если сравнить год 1986-й (перед самофинансированием) с годом 1990-м, то увидим, что средства, оставшиеся у предприятий, падают с 43,8 процента от общей прибыли до 31,5 процента. В переводе на русский язык эта абракадабра означает еще большую централизацию, чем прежде. И это называется самофинансированием? Не берусь утверждать, что подобная картина у всех предприятий, так как даже в период гласности невозможно узнать, что дали другим заводам. Возможно, это происходит из-за боязни критики, а может быть, «наверху» и сами не разобрались, что творят. Кто бы объяснил мне: зачем такая жесткая регламентация в распределении той доли прибыли, что осталась на заводе? Какие мы тогда хозяева, если за нас «наверху» решают, сколько процентов мы можем отдать на соцкультбыт, сколько в фонд материального поощрения, сколько на техническое перевооружение?

— Кто так решил?

— Наше министерство. Как и прежде, с нас сначала списали все, а потом выделили столько, сколько сочли нужным, и на те цели, которые посчитали главными. Поверьте, я не о своей обиде говорю. Мне ведь все равно ничего теперь не остается делать, как заканчивать этот «сарай». Я возмущаюсь неодолимостью нашей психологии: надо строить и как можно больше. И любые попытки отойти от стереотипов вязнут в неодолимом сопротивлении.

— Хорошо. Теперь хотелось бы коснуться вашей продукции. Почему она сделала ваше объединение столь популярным?

— Сейчас во всем мире признано, что одним из показателей индустриального уровня страны является имеющийся у нее парк обрабатывающих центров, которые как бы на два поколения опережают универсальные металлорежущие станки. По нашим оценкам, мы производим обрабатывающих центров пока что в десятки раз меньше, чем того требует народное хозяйство. Правда, в то же самое время продолжаем «гнать» огромное количество универсальных станков. Казалось бы, нелепость. Но спросите в Госплане, и вам скажут: по-прежнему есть спрос на универсальные станки. Как ни странно, это положение сохраняется сегодня, когда никого не надо убеждать, что обрабатывающий центр лучше, что это прогресс и так далее... Думаю, в основе этого парадокса лежит примерно такое рассуждение: обрабатывающих центров мало, их все равно не допросишься, так что лучше брать то, что есть. Обычная психология, рожденная дефицитом. Вся беда только, что платят за старье не из своего кармана.

Короче, тут столько навязалось всяких крючков, что их невозможно распутать даже сегодня. Разумно было бы, чтобы десятки заводов прекратили выпуск устаревших станков, потому что, кроме разорения стране, они ничего принести не могут. Своей продукцией они определяют наше техническое отставание в будущем. Что толку, если я произвожу прибыльные для себя станки, которые окажутся разорительными, убыточными или вообще ненужными у заказчика? Что толку в самофинансировании, если будут одни процветать в ущерб другим, в ущерб государству?

— Но потребитель, сев на самофинансирование, не станет покупать то, что ему не нужно.

— При условии, что у него будут связаны руки и не будет дефицита на нужную продукцию. Честно говоря, я бы признал и волевое решение

«сверху» для изменения структуры нашего станкостроения. Беда, что никто его не принимает.

— Но ведь министерство-то должно понимать что к чему...

— Оно понимает, но ему каждый день говорят: дай товар! Ты не выполняешь план! Тут надо бы разобраться, что нужно сегодня стране — рубли, которые принесет предприятие, или будущий технический прогресс. Рубль сделать просто, но на освоенной продукции он дешево стоит. А лезть в новое дело — риск для предприятия. У наших конкурентов на Западе станкостроение обновляется каждые пять — семь лет. У нас некоторые ухитряются не менять номенклатуру по десяти, пятнадцать, а то и двадцать пять лет. И если так разорительно, немобильно станкостроение, то нечего нам ждать сдвигов от тракторосельхозмашей, продмашей, легмашей и так далее. Как бы ни заклинали мы их, как бы ни призывали к прогрессу и обновлению — ничего не выйдет. Станкостроение стоит на острие научно-технического прогресса. Отстало оно — автоматически отстает все остальное. И нечего там ждать перемены. К сожалению, самофинансирование тоже не приглашает делать новую продукцию.

— Почему же? Если вам разрешат продавать ваши станки по цене, которая полностью компенсирует ваши затраты и принесет достаточную прибыль...

— Даже в этом случае стимул невелик. Процесс перехода на новые машины всегда проходит достаточно болезненно. Причем не только у нас, но и у зарубежных конкурентов. Не зря перед каждым рынком вперед они стараются накопить резервные фонды, которые позволяют ослабить болезненность ситуации. Мы же этого не можем сделать. У нас, например, за первый год пятилетки перевыполнение по товарной продукции составило примерно три миллиона рублей, а в 1987 году в связи с переходом на новые машины мы не добрали 1,8 миллиона. Таким образом, за два года мы все-таки имеем «плюс». Но это, к сожалению, не мой резерв. Все списано с наших счетов. Что с воза упало, то пропало.

Мы считаем обновление продукции важнейшим показателем в станкостроении. У нас оно по годам пятилетки нарастает так: в 1986 году — 8,2 процента, в 1987-м — 25 процентов, в 1988 году — 81 процент, к 1989 году достигнет 92 процентов. Такого обновления продукции не знает ни один станкостроительный завод страны.

— То, что вы делаете сейчас, пользуется колоссальным спросом. Меняете машины на более совершенные, потому что боитесь отстать от конкурентов?

— Если не будем постоянно их менять, даже не дожидаясь падения спроса, — обязательно отстанем. А мы не хотим этого. Беда только, что экономически нас к этой гонке не приглашают. А в моральном плане, как я только что вам сказал, даже понуждают к обратному.

И министерство, но не только оно — вся система... Послушайте еще одну историю. Долгое время у нас надо было иметь успех не только каждый год, но и каждый месяц. Благо, что в последнее время стали считать по текущим итогам с начала года. Но я хорошо помню недавний случай. В 1985 году наш завод дал за семь месяцев сверх плана почти на восемь миллионов рублей продукции, а в августе по объективным причинам не выполнил на пятьсот тысяч рублей! Что тут поднялось! Меня вытащили на коллегию министерства, и наш бывший министр стал громить: «Это безобразие! Как вы позволили провалить план!»

Разнос состоялся по первому разряду. Думаете, что у него обо мне голова болела? Ничего подобного. Со мной он был так крут, потому что у него провалили план июля и первого полугодия многие заводы, и он надеялся, что нашими сверхплановыми рублями можно

будет покрыть невыполнение других заводов, которые и ругать не имело смысла, столь безнадежно было их положение.

Так что ведомственные прорехи проще латать нашими рублями, а не нашими обещаниями запустить в производство технику завтрашнего дня.

— Но хозрасчет должен теперь все это резко изменить...

— Да, на это надеются многие. Но я с самого начала говорил: самофинансирование и хозрасчет — не панацея, не «палочка-выручалочка», которая все сразу решит. Дело новое, его надо хорошенько испытать, отладить, прежде чем взваливать на него все, что нам не удавалось ранее. И то, что мы даже в условиях эксперимента ведем свою безуспешную войну против нового корпуса, является тому доказательством.

— А если бы вам разрешили, перестали бы его строить?

— К сожалению, сейчас уже поздно прекращать: вложено то 15 миллионов рублей. Теперь речь может идти только об ускоренном завершении строительства.

— Был иной способ увеличить выпуск обрабатывающих центров?

— Когда мы разрабатываем идею будущей машины, приглашаем потенциальных заказчиков, спрашиваем, заранее зная ответ: «Хотите такую?» «О-о-о!» — мечтательно восклицают они. «Тогда вступайте в кооперацию. Мы поможем вам организовать по нашим чертежам производство узлов для этой машины, ими вы будете расплачиваться с нами за готовое изделие». Расчет простой: каждый «кооператор» поставит на всю мою продукцию какой-нибудь один узелок, который состоит всего из двух-трех десятков деталей, а взамен получит сложный обрабатывающий центр.

— А вам какая выгода?

— Прямая. Мы, с одной стороны, наращиваем производство, а с другой — имеем возможность перебазирувать освободившиеся силы для создания новых машин.

— То есть накапливать интеллектуальный задел на будущее?

— Да!

— Но тут я вижу одну тонкость. Пойти на подобную, скажем так, неформальную кооперацию с вами могли только те предприятия, которые не могли прожить без вас и без ваших, как вы выражаетесь, машин, ибо только на них можно было обрабатывать выпускаемую этими партнерами продукцию. В свою очередь, их продукция была очень важна для страны, и за ее выпуск был особый спрос...

— Это так. Но постепенно к нашей работе стали подключаться другие предприятия: ЗИЛ, ГАЗ и так далее.

— Но и они, выражаясь спортивным языком, выступают в супертяжелой весовой категории...

— Согласен. Но не только в этом суть. К тому времени в стране появились генеральные директора, которые мыслили по-новому, искали новые способы работы, то есть рано или поздно они выходили на нас. Не могли не выйти.

— И начинали работать с вами «по горизонтали», как с общей копилкой?

— Примерно. Мы им платим за изготовленные для нас узлы, они платят нам за готовые обрабатывающие центры. Сколько за каждый — сказать не могу. За все время у нас прошло 35 видов этих машин, сейчас в работе находится одновременно десятка полтора. Цены разные.

— Во сколько раз обрабатывающий центр увеличивает производительность труда по сравнению с обычным станком?

— Примерно от пяти до двадцати раз. Но их преимущества нельзя видеть только в более высокой производительности труда. Есть параметры, по которым два этих поколения станков просто нельзя сравнивать: точность,

качество обработки изделий. Приведу пример. В свое время мы поставили на ленинградское объединение «Кировский завод» обрабатывающий центр, который был необходим для обработки одной сложной детали. Каждая проходила через множество операций, для чего их надо было переставлять со станка на станок. От этого терялась точность, начинались споры с приемкой и так далее. Когда кировцы получили нашу машину и наши программисты составили программу на обработку этих деталей, месячная продукция стала выполняться всего за четыре смены при отличном качестве, без нервов, при полном взаимопонимании с контролерами и приемкой. Так что обрабатывающий центр — это иной уровень производства, иные условия труда, если хотите, иная философия, а не только более высокая производительность.

Да и нам они развязывают руки в таком сложном деле, как переход с одного вида машин на другой. Мы имеем возможность очень быстро перестраиваться. Это очень важно, ибо над любым производством всегда довлеют два фактора: как вступить в рынок и как из него выйти. О первом у нас более или менее еще говорят. А вот о втором я ничего вразумительного не читал и не слышал. А ведь вторая проблема мучает массу заводов. Даже когда признано, что они гонят дрянь, брак, они не могут прекратить выпуск. Вот недавно был подвергнут критике комбайн «Енисей». Он никому не нужен, а его тем не менее продолжают клепать. Причина: технология его производства так завязана, что ее нельзя перестроить на новую продукцию. Однажды, войдя в рынок, завод не может из него выйти. Для любой западной фирмы неумение выходить из рынка — убийственный фактор. А у нас обществу приходится расплачиваться за выпуск ненужной продукции. Таких примеров много.

К сожалению, мы очень долгое время уделяли свое внимание увеличению производства и повышению производительности труда. Механизм же обновления продукции у нас не отработан. Боюсь, что хозрасчет и самофинансирование не смогут в этом деле гарантировать нам успех.

— Почему вы пришли к такому выводу?

— Во-первых, самофинансирование даст отдачу не сразу. А у нас привычка: поднимать шумную кампанию по поводу любой спасительной новинки, а когда она не дает быстрых ожидаемых результатов, мы ее либо забываем, либо охаиваем и увлекаемся следующей.

Во-вторых, мне кажется, что многие, кому дадут хорошие коэффициенты при распределении прибылей, какие-то другие льготы, способны провалиться, даже не поняв, почему это произошло.

— Почему?

— У них не развито стремление к риску. Это качество у нас не особенно поощряется. Если ты рисковнул и у тебя получилось, тебя могут похвалить. Но если твой рискованный эксперимент окончился неудачей или не дал результата, скорее всего накажут, а то и освободят от работы. Хотя сказано: за одного битого двух небитых дают. Так что «поощренный» наказанием вряд ли захочет рисковать еще раз. А на его опыте учатся не рисковать и другие. Так вот, мы очень много теряем из-за того, что многие утратили ген риска.

— А у вас он сохранился?

— К счастью, да. Хотя мое заявление может показаться не совсем скромным. Мы уже много лет работаем на свой страх и риск. Мы привыкли к этому состоянию. Наш инженерный (особенно конструкторский) состав приучен давно, что ему не надо ни с кем ничего согласовывать. Генеральный директор объединения — последняя инстанция.

— Но кто-то же вам их все-таки разрешал, с кем-то их производство вы согласовывали?

— Никто и ни с кем. Сначала мы,

конечно, испытывали некоторое сопротивление, а потом на нас махнули рукой как на отпетых. В конце концов «вверх» тоже сидят люди понимающие, видят: успех, успех, признание заказчиков (а заказчик у нас серьезный) — и оставили нас в покое.

— Так что теперь вы как бы пожинаете плоды вашей «генетической» склонности к риску? Но вкус работать в подобном режиме может появиться и у других...

— Дай-то бог. Я вовсе не хочу сказать, что склонность к риску — монополия только нашего коллектива. Есть и другие. Только хочется подчеркнуть: успех при работе в новых условиях будет определяться во многом и этим качеством. Его следует не подавлять, а всемерно поощрять.

— Условия самофинансирования и хозрасчета, по-видимому, будут способствовать этому?

— Не уверен. Во всяком случае, пока что создаются предпосылки к обратному. Как вы, наверное, знаете, все потери, которые несет предприятие в виде различных экономических санкций, отражаются на оставшейся в его распоряжении части прибыли. Из этих средств мы расплачиваемся за недопоставку продукции по договорам, за отступление от стандартов, за сверхнормативные запасы, за несвоевременный ввод основных фондов и многое-многое другое. Ясно, что любой поиск нового ведет к каким-то сбоям. Выходит, риск материально наказуем. И когда наш маневр ограничен всего 31,5 процента прибыли, становится понятно, что гораздо спокойнее и выгоднее не рисковать.

— Скажите, Владимир Павлович, в январе 1987 года вы все-таки рассчитывали на большее, чем вам дал эксперимент на самом деле?

— Год назад мы считали, что сможем «сыграть» по-сумски, тогда бы танцевали лезгинку. У нас все оказалось хуже и сложнее. Мне кажется, что у сумчан все получилось потому, что они начали эксперимент первыми, а в таких случаях всегда создаются условия наибольшего благоприятствования: им оставили 71 процент прибыли, нам же, как я уже говорил, всего 31,5. То есть не только вдвое меньше, чем сумчанам, а даже в полтора раза меньше, чем мы имели до перехода на новые условия работы. Повторилась старая история: когда эксперимент закончен, изучен, обобщен и запускается в широкое применение, то к этому этапу условия меняются, обычно в худшую сторону. А ссылки идут как бы на накопленный Сумами опыт.

Но принципиально вопрос сейчас, моему, даже не в этом. Сейчас, когда дело выходит на широкий простор, обретает масштабность, на эту тему по радио и телевидению выступает много директоров предприятий, которые, исходя из личного опыта, вносят всякие предложения. Какое-то время все это мне казалось крайне симпатичным. Но потом задумался: а судьи-то кто? Кто даст оценку всей этой местной специфике? Кто та светлая голова, которая учтет особые условия?

Я пришел к такому выводу: надо установить единый для всех коэффициент — больше ничего. Если начнем учитывать специфику каждого, тогда «хромые и нищие» кинутся выбивать для себя особые права. Это пойдет в ущерб тем, кто рвет упряжку, такое особенно опасно теперь, когда каждый директор несет «наверх» свои просьбы, подкрепленные силой своего трудового коллектива, партийных органов и так далее.

Дело, между прочим, усложняется еще и тем, что мы многие предшествующие годы любили выводить «красивые» показатели. Райком требует: дай сверх плана! Обком тоже: дай сверх плана! Родимое министерство: дай сверх плана! Но заметьте (это симпатично) НИКОГДА я не слышал, чтобы от меня требовали, просили обновления продукции. Требование всюду одно, и схема всюду одна. Допустим, в районе

пять предприятий. Два плана выполняют. Два — постоянно и безнадежно валят. Одно — ходит в передовиках и всегда перевыполняет. Если общими силами они сработают план на сто процентов (не надо даже ста пяти), секретарь райкома в порядке. Если будет 99,9 процента плана, ему говорят: не обеспечил. Хотя его влияние на работу предприятий весьма и весьма условно. Ну кто, кроме меня, разберется в моем кипящем котле?

Так вот, все сейчас великолепно овладели этим завидным искусством урвать показатели. С тех, кто валит план постоянно, с этих спрос маленький. А вот с того, кто ходит в перевыполняющих, не грех спросить дополнительные проценты, пусть покрывает недобор отстающих.

Положение обкома, начальника главка, министра аналогично райкомовскому. И все требуют прибавить, покрыть чужую недоработку. А так как наше объединение всегда давало хорошие показатели, всегда имело превышение над предыдущим годом, то где таской, где лаской, под любым лозунгом и райком, и обком, и родимое министерство, все, вместе взятые, всегда старались и стараются выдавить из нас что-нибудь дополнительное. А другим будут подавать: они-де бедные, они несчастные.

Я знаю заводы, которые многие годы проваливают задания. Что делают местные власти? Жалуются в Москву: помогите своему предприятию. А в чем видят помощь конкретно? Сбавь план, прибавь ресурсы. Значит, кому-то план набавь, у кого-то ресурсы заberi. Очень уж любим мы «хромых и нищих». И если снова будем входить в их положение, опять в невыгодных условиях окажутся те, кто идет впереди. Из их средств начнут оказывать вспомоществование.

— Но, кроме хозрасчета, сейчас вступает в силу еще и Закон о государственном предприятии (объединении). Он гарантирует вам большие права. Теперь вы можете предъявить счет даже своему министерству, если оно приняло в отношении вас неправильное решение, из-за которого ваше предприятие, допустим, понесло убытки...

— Кому счет предъявить? Своему министерству? Закон-то принят, только вот административный восторг не прошел. Даже если по отношению к нам учинят что-то незаконное, я ведь все равно ничего никому доказать не смогу. Пример? Пожалуйста. Сейчас принята еще одна новинка — госзаказ. Умное дело. Надо бы его приветствовать, а мы с ним воюем, пишем во все инстанции.

— Почему вы против?

— По смыслу госзаказ для любого предприятия — самое важное задание государства. Умри генеральный директор вместе со своим коллективом, но его обязательно выполни. В ГДР такая форма давно существует. Я ездил туда, разбирался. Мой старый друг и коллега, генеральный директор одного из станкостроительных комбинатов Руди Винтер объяснил мне: «У нас госзаказ занимает в общем объеме производства всего 15—20 процентов. Но их обязательно надо выполнить. На остальную продукцию завод сам ищет клиентов, заключает с ними договор, согласно которым определяет остальную номенклатуру».

Как видим, им предоставлена довольно большая свобода, работают на длинной веревке.

Я изучил немецкий опыт и решил, что получить госзаказ всего в 15—20 процентов для нас нереально, а вот процентов пятьдесят — будет как раз то, что устроит всех. Обратился со своим предложением в министерство, потом выше. Там его рассмотрели, сочли, что 50 процентов свободы для нас слишком жирно, и урезали ее до 15. Только эту часть своей продукции мы можем определять сами, остальные 85 процентов — госзаказ. Жаль, думаю, что нас так обкорнали, но все равно

Продолжение на стр. 8

УЧИМСЯ ДЕМОКРАТИИ

Учимся демократии. Это — нелегкое учение, особенно потому, что многое приходится постигать заново, многое вспоминать, оживать в душе, а то и с трудом воспитывать, освобождаясь от устоявшихся стереотипов. Недавно опубликованное сообщение Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930—1940 и начала 1950-х годов, дает великолепный урок предметной борьбы за справедливость и за достоинство, подчеркивает, что в условиях народовластия справедливость несокрушима.

Урок этот всемирный. Советская демократия сегодня поучительна своим умением решать проблемы. То, во что вчера еще многим не верилось, а кое-кому не хотелось верить, осуществляется с впечатляющей последовательностью. Этот-то урок твердости и достоинства необходим всем нам; преподанный государственно, он обязан преобразовываться в личный опыт, в дела; невозможно без него прийти к будущему, достойному ленинской мечты.

Учимся демократии. Не принимаем к рассмотрению анонимок, стараемся не верить слухам, не бояться говорить правду вслух. Учимся спорить, учимся понимать, что консолидация — это не вынужденное сообщество убежденных с неприемлющими и не противоестественный союз подхалимов с хозяевами, а общность равноправных советских людей, объединенных принципами и целями перестройки.

Учимся демократии. Отвыкаем от окриков, от того, что угрозу чьим-то сугубо личным интересам можно объявить политической диверсией, от того, что могут быть напрочь закрыты от критики зоны. Ответственность наша обязана повышаться в процессе такой учебы. Нет зон, свободных от критики, но нет и не может быть зон, свободных для оскорблений. Ответственность критикующего повысилась многократно. Довольно уже и тех уроков, что нам хорошо известны, достаточно и нынешних поучительных всенародных усилий по очищению людей и событий от клеветы, от наговоров и незаслуженных поруганий.

Учимся демократии. Только что нам преподан великий урок справедливости: партия, возглавляющая революционный процесс, сняла необоснованные обвинения с людей, многие из которых вместе с Лениным создавали Страну Советов. Правда всегда своевременна, когда бы ни приходила она; но все же, все же, все же... Исторически важно и ответственно находиться на уровне нашего времени, не только пресекающего прошлые несправедливости, но и активно останавливающего новые, не допускающего зарождения завтрашних бед. В этой борьбе мы должны, обязаны быть едины, последовательно отстаивая высокие принципы своей общности. Жизненно важны нынешние уроки партийной принципиальности; последовательно и неутомимо надлежит утверждать их в каждодневном труде.

Виталий КОРОТИЧ,
главный редактор «Огонька»

■ Когда патетически восклицают о том, какую непомерную ношу ради нашего блага взвалили на себя кооперативы и индивидуалы, я как-то не очень проникаюсь сочувствием и не спешу восторгаться их подвижничеством. Конечно, нелепо было бы ждать от них бескорыстия. И все же корысть во многих случаях чрезмерно велика.

В. Яковлев в № 52 за 1987 год в статье «...И ни копейкой меньше!» рассказал о том, как в кооперативной кафе «Сказка» цена чашки кофе выросла с 50 копеек до 1 рубля за тот короткий отрезок времени, пока он его пил, просто волею председателя кооператива.

Автор предлагает единственно верный, по его мнению, путь борьбы с фантастическими ценами в кооперативных кафе — всемерное увеличение числа последних. Схема проста: чем больше кооперативных кафе, тем больше предложение, а следовательно, тем ниже цены.

Но как быть с тем, что кофе у нас в дефиците, и весьма остро? Попробуйте его купить в магазине! И на рынке его нет по той простой причине, что в наших широтах кофе не произрастает. Возникает вопрос: где же кооператоры его достают? Думаю, ответ ясен: в госторговле, и только в ней. И не надо делать вид, что у нас с вами, то есть у массового покупателя, шансы приобрести кофе в магазине такие же, как у кооперативов. Мы ведь с вами хотим купить кофе по государственной цене, а кооператору ничего не стоит переплатить, все равно он за счет нас внакладе не останется.

А теперь представим, что таких кафе, как «Сказка», стало в десятки, сотни раз больше. Вот тут и работает не замеченный В. Яковлевым другой экономический закон — кооператору за кофе придется переплатить намного больше, поскольку возрастет спрос на дефицитный товар. Подешевеет ли чашка кооперативного кофе?

С увеличением числа кооперативных кафе вряд ли можно ожидать и снижения стоимости, скажем, мясных блюд. Ведь мясо у нас пока тоже далеко не в избытке.

Так что же делать? Автор статьи советует ничего не делать. Дескать, все образуется само собой, если будет больше «Сказок», «Грез», «Уютов». Не могу с этим согласиться. По-моему, необходимо добиться строгого соблюдения закона об ИТД, который запрещает извлечение нетрудовых доходов. Нельзя допускать индивидуальной и кооперативной деятельности, обостряющей дефицит и паразитирующей на нем. И наоборот — поощрять индивидуалов и кооператоров, которые помогают ликвидировать дефицит, утилизируя хозяйственные отходы.

Н. П. МАНЬКОВ
Вильнюс

■ Уже не один десяток лет в печати ведутся разговоры о несовместимости пьянства и управления автотранспортом. В недавних телепередачах ответственные товарищи с похонами на плечах, вплоть до генеральских, призывают усилить воспитательную работу и для убедительности приводят огромные циф-

ры людских жертв, материальных потерь от дорожно-транспортных происшествий.

Скажу сразу: я не сторонник абсолютной трезвости. Но, может быть, к пьянству пора все-таки принимать действенные меры? Убежден, что если водитель личного транспорта, задержанный за рулем в нетрезвом состоянии, будет непременно лишаться прав на всю оставшуюся жизнь, а его «транспортное средство» конфисковываться как средство потенциально-го преступления, то охотников прокатиться с ветерком резко поубавится. В сочетании с гласностью через местную печать такая мера, безусловно, даст эффект.

Конфискованный же автомобиль продавать через комиссионный магазин, а вырученные деньги возвращать бывшему владельцу — для утешения.

Д. А. УТКИН,
водитель-любитель
с 15-летним стажем
Иваново

■ Мне 28 лет, как и автору письма «о потерянном поколении», напечатанного в № 38 за минувший год. Но в отличие от него я свое поколение потерянными не считаю. С. Баев горюет о лучших годах нашей жизни, безутешно оплакивает молодые наши силы, без остатка растраченные в попытках сохранения «хоть чего-нибудь святого в душе». По его мнению, нам, его ровесникам, этих сил только и осталось на то, чтобы поднять лапки вверх и перед лицом новых веяний и дел ощущать, как оттаивают «наши озябшие души». Не слишком ли уныло?

Да, было двуличие. И за это с нас еще спросится. Но не было «тотального безверия, апатии». Потому что Родина нуждалась в нас. И теперь мы не только «за» перестройку. Мы выходим для борьбы в первые ряды. И силы есть.

Не потерял ли сам С. Баев свое поколение?

В. И. АЛЕКСЕЕВ
Ленинград

■ Почти на всех железнодорожных и авиавокзалах существуют залы для депутатов Верховного Совета. А потолкались бы они так же, как их избиратели, на общих скамейках, в общих очередях, лучше бы узнали чаяния народа и соответственно активнее стали бы вмешиваться в жизнь прямо тут, на месте. Депутат, откуда бы он ни был, может и должен помочь наладить нормальную обстановку. А то много ли он увидит из своего депутатского зала. Помещения же эти отдать матерям с детьми, инвалидам. Это будет еще один шаг на пути демократизации нашей жизни.

А. БУРАШНИКОВ,
буровой мастер, 52-х лет
Октябрьский Башкирской АССР

■ Пытаюсь понять, почему перестройка идет медленней, чем хотелось бы, и думаю, что главная при-

чина в нас самих. Прежде всего мы малообразованны и плохо обучены на всех уровнях: рабочие, крестьяне, интеллигенция, каждый по-своему не готов к борьбе, а самое печальное — многие не приучены трудиться в полную силу. Поэтому среди всех важных проблем, которые мы сейчас решаем, проблемы образования, прежде всего школьного, надо поставить на первое место.

Читая в № 1 письмо Э. Горюхиной в Академию педагогических наук, еще раз убедился, что повторяется, увы, традиционная беспомощность. С одной стороны, не может не радовать, что у нас так много настоящих учителей, которые за свои, совсем не большие, деньги едут за тридевять земель за опытом новаторов. Но меня не умиляет, а заставляет кричать картина, когда учительница из Иванова вынуждена сидеть на уроке у Амонашвили с малолетней дочерью и через переводчицу вслушиваться в магический смысл урока Мастера. Я снимаю шапку перед этими паломниками, но считаю, что нужны немедленные меры действительного тиражирования достижений замечательных педагогов. Неужели так сложно оснастить всех новаторов современной видеоаппаратурой или камерой, снять лучшее — словом, на современном уровне издать этот опыт. Творчество Шаталова и Щетинина, Амонашвили и Католикова уникально, и его необходимо немедленно зафиксировать, причем качественно, чтобы потом не было горечи безвозвратной потери... Естественный вопрос: «Где взять деньги?» А может быть, подумать о немедленном резком сокращении аппарата в системе народного образования — от Минпроса и АПН до роно?

Рискнул сообщить о своем мнении только потому, что в вопросах школы посторонних нет, а проблемы, поднятые Э. Горюхиной, по-моему, из тех, за которые нужно бороться до конца, то есть до полного решения.

Б. В. ДРАБКИН,
инженер,
главный специалист ВНИИЭТО
Харьков

■ Порой слышишь разговоры о том, что при Сталине каждый год снижались цены на продовольствие и продукты питания, лучше было с дисциплиной на производстве.

Считаю, что необходимо разъяснять людям, за счет чего проводились все снижения цен, рассказать о положении бесправного колхозника, который был лишен даже паспорта. Следует также показать состояние науки, производства, социальной сферы того времени, которые и привели к отставаниям сегодняшнего дня.

В. В. МОНАСТЫРЕВ,
преподаватель техникума
Тамбов.

■ Посылаю вам заметку (одну из многих!) из газеты «Вечерняя Одесса» от 2 ноября под названием «Ил на Золотом берегу» — о загрязнении города. Нет слов, чтобы оха-

рактизовать плачевное состояние, в котором мы находимся. К сожалению, статья в «Правде» «Ох, Одесса!», описывающая наши беды, не привела к заметным сдвигам. Городская «Вечерка» как один в поле воин борется с отравителями Днепра (мы пьем его воду), с теми, кто загрязняет море, разрушает или способствует разрушению исторических памятников и зеленой зоны, но все безуспешно. Одесса привлекательна лишь на открытках и в кинофильмах, а на самом деле — разваливающиеся дома в центре, горы мусора (даже на Дерибасовской). Но самое главное — погибающее на наших глазах море. Уже этим летом тысячи отдыхающих неделями не могли даже подойти к пляжам из-за неполадок с водостоками — тысячи отдыхающих со всех концов страны!

Я родилась, выросла и работаю в Одессе, мне стыдно смотреть в глаза приезжим. Согласно на любое количество субботников, согласна перевести деньги в фонд восстановления города, но что я еще могу сделать?

Л. Л. ЛЬВОВСКАЯ,
педагог
Одесса

Прочитал в № 51 письмо учителя К. Г. Малакурбанова в защиту «строгостей» Сталина и вспомнил стихи Некрасова:

...Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господя.

У Малакурбанова прямо-таки тоска по колючей проволоке!

П. А. КУЗИН,
пенсионер Вооруженных Сил
Севастополь

В № 51 напечатано письмо Кузнецовой из Челябинска, где она с болью в душе пишет: «Где командиры, где политработники? Глубоко сомневаюсь, что они не знают ничего... Надо срочно что-то делать, а не рассуждать о типичности или нетипичности «дедовщины». Наверно, так рассуждает не одна она, а вы подливаете масла в огонь».

Уважаемая редакция, читательская аудитория, мамы и папы, помните: в армии никто из командиров и политработников не учит «дедовщине». Эту заразу привозят с собой из разных уголков ваши и наши дети. За те 18 лет, что они «мужают» до службы в армии, мы не внушили им, что обижать слабого — безнравственно, что отнимать чужое — преступление, что у нас давно отмечено или ликвидировано прислуживание. Наши дети призываются на службу, и командиры обучают их воинскому труду. От подъема до отбоя они с ними, и, поверьте, при командирах наши с вами дети никого не «раздевают» и не заставляют стирать свои портянки.

Так почему же мы, не воспитавшие за 18 лет порядочного, достойного человека, хотим, чтобы это сделали командиры? В армии нянек нет. Если вы не научили детей стирать, мыть за собой посуду, прибирать в квартире, — тяжело таким приходится. Родителям нравится, когда они получают лестный отзыв о сыне. Наверное, надо теперь писать и об обидных случаях, — родители отвечают за свое чадо, — писать в газетках, в «Окнах сатиры», объявлять на работе. Ведь и те, кто обижает, тоже чьи-то дети!

Пройдите в иное ПТУ, присмотритесь

к ребятам в классах, во дворе, и вы увидите, что не армия вырабатывает «дедовщину», а наши сыновья приходят туда с такими задатками. Четыре призыва за два года — и создаются искусственные ступеньки, по которым одни поднимаются сами и помогают следующим, а другие препятствуют идущим за ними. Мы кидаемся искать виновных, но не хотим видеть собственную вину: пусть отвечает кто угодно, только не я.

Я. Т. ДЖАРУЛЛАЕВ
Ростов-на-Дону

Популярность многих журналов сейчас растет, в рознице их достать все труднее. Но для многих людей с низким заработком, инвалидов и пенсионеров подписка материально затруднительна. От библиотек отвыкли, да и время из работы ограничено.

Почему бы не разрешить («все, что не запрещено, то можно») в киосках «Союзпечати» принимать уже прочитанные и старые журналы, еженедельники с оплатой по договоренности с киоскерами для повторной уцененной продажи. Хорошо бы даже открыть такие букинистические киоски в рамках ИТД.

Удовлетворение духовных потребностей сотен тысяч людей, на мой взгляд, стоит тех комиссионных рублей дохода, которые будет иметь киоскер.

Н. С. КОЗЛОВ,
ветеран войны, инвалид 1-й группы
Страшены Молдавской ССР

Прочитав почту в № 52, я, как и Г. Двойник из Алма-Аты, хочу поделиться своей обидой.

Мы с мужем долго собирались в Ленинград. Муж работал председателем колхоза, жители мы деревенские, не всегда найдется время уехать от дома, от хозяйства. Однажды выдался такой момент, и мы решили посмотреть прекрасный город. Все нам понравилось, очень мы были довольны поездкой.

В последний день хотели побывать в Смольном. Но попасть туда не удалось. Нас не пустили, сказали, что вход только иностранным туристам. Перед нами захлопнулась дверь. Иностранцы гости или большими группами, не замечая и толкая нас, а мы лишь смотрели им вслед, очень сожалели в эти минуты, что мы не иностранные туристы. С болью в душе уезжали из города. Вряд ли еще удастся туда попасть.

Л. И. ТЕРСКАЯ,
зав. медпунктом
с. Нероновка Куйбышевской области

Такое прекрасное начинание, как организация подсобных хозяйств предприятий, стало вменяться всем, без оглядки на объективные условия, в том числе и предприятиям местной промышленности. Не секрет, что большая их часть ютится в старых помещениях, имеет примитивное оборудование, слабую материальную базу, постоянные проблемы с выполнением государственного плана, сбыта продукции и т. д. Да плюс к этому выполнение шефских обязанностей в каком-нибудь колхозе или совхозе.

Думаю, что не стоит такие предприятия обязывать иметь подсобные хозяйства, разумнее сделать их самих подсобными предприятиями крупных совхозов или колхозов. Выгода здесь реальная: перейдя на баланс и став цехом или другим структурным подразделением совхоза или колхоза, они в период пика сельскохозяйственных ра-

бот полностью или частично будут заняты в поле, а осенью с помощью колхозников выполнят государственные задания. Польза обоюдная, да и рентабельность гарантирована. Итак, подсобное хозяйство или подсобное предприятие?

О. В. САВКО,
юрисконсульт, 30 лет
с. Белозерье Ульяновской области

В январском номере журнала «Дружба народов» читаю у московского критика В. Кожина: «Лысенко был, в сущности, тупым орудием в руках таких «теоретиков», как Деборин и Презент». До тошноты, до душевной боли знакома эквилибристика словом, когда исподволь, нарочитым подбором фамилий с «нужным» звучанием все ставится с ног на голову. Потому что из заявленного напрашивается лишь один вывод: истинные виновники трагедии советской биологической науки — все те же инородцы, все та же, по терминологии «Памяти», сатанинская сила. То есть лысенковщина как общественное явление вторична, первичен «деборинизм-презентизм».

Нечто подобное и у плодovitого минского публикатора В. Бегуна. Распутин, всемогущий временщик последнего царя, ставший символом агонии прогнившего режима, — не более чем марионетка своего секретаря-сиониста.

Шовинизм не способен на созидание, его философия всегда разрушительна. Особенно в многонациональном государстве.

А. М. БЛОХ,
научный работник
Москва

В № 50 прочитала статью о творческих планах наших кинематографистов.

После XXVII съезда КПСС причину своих слабых фильмов они оправдывали тем, что время было плохое, «застойное». Но прошло уже более двух лет, а хороших фильмов все нет и нет. И на «застой» уже ссылаться как-то неудобно. Теперь все чаще стали появляться в печати, в телепередачах ссылки на плохую киноленту. В связи с этим у меня возникли два вопроса. Насколько лучше, благоприятнее было то время, когда выходили на экраны такие произведения, как «Чистое небо», «Летят журавли», «Сорок первый»? И какого качества была кинолента тех далеких лет, ведь не стала же она для них преградой.

Мне кажется, зрители и сейчас великодушно простили бы не очень высокие свойства пленки, лишь бы фильмы были по-настоящему хорошими. Так когда же они будут, хорошие фильмы?

В. К. ЧЕРНЕЦОВА,
инженер
Пенза

10 января с пятилетним сыном были на новогоднем празднике в доме культуры «Созидатель».

Перед спектаклем на сцену вышел массовик — крупный, среднего возраста человек в национальном костюме и объявил, что ребята увидят «Новогоднюю сказку», а после нее — мультфильмы. Артисты театра студии разыграли приключения Деда Мороза и Снегурочки, и снова вышел тот же затейник, сказав, что будет загадывать загадки. Кто

отгадает, останется смотреть мультики. Дети радовались предстоящему, были возбуждены, отвечали хором, старались востро. Атмосфера становилась приподнятой. И когда предвкушение, нетерпение достигли пика, человек сказал: «А теперь все дети пойдут по домам и будут смотреть мультфильмы по телевизору. Не забудьте его включить!»

Долго пришлось уговаривать сына уйти из зала. Доброй все время торопился, боялся опоздать. Но в тот день в телепрограмме мультфильмов не оказалось. Пришлось выдумывать что-то про «Спокойной ночи, малыши!».

Я потом пыталась найти этого человека, хотела спросить, зачем ему понадобился такой постыдный прием. Но праздники кончились, удалось только узнать, что во время школьных каникул он выходил на сцену на каждом представлении — трижды в день! Сколько же детей обманул этот затейник? И можно ли вообще допускать подобные методы в работе с детьми?

Н. А. СИНЕЛЬНИКОВА
Москва

Наш адрес: 101456,
Москва, ГСП,
Бумажный проезд, 14

ЕЩЕ РАЗ О КУЛЬТУРЕ ДИСКУССИИ

После публикации литературного фельетона Н. Ильиной в № 2 «Огонька» редакция получила множество откликов. Выступление журнала было неоднократно обсуждено в Союзе писателей. Понимая право каждого человека высказывать и отстаивать свое мнение, мы тем не менее были поражены обилием переделок и личных выпадов, отразившихся в ходе спора и в некоторых речах, и в части материалов, опубликованных другими органами печати. Взаимная терпимость, культура полемик необходимы сегодня как никогда. Если дипломаты, говорящие не то, что они думают, все еще остаются, то писателей, не думающих, что они говорят, быть не должно. Пытаются, к примеру, иные критики прибегать к оскорблениям; жаль их, но не оскорблять же на самом деле в ответ... Не в личных обидах дело; задуматься бы, как мы дошли до жизни такой. Стоит понять, что, плохо полемизируя и хорошо сквернословя, мы можем доставить радость только тем, кто жаждет разрушения, а не исправления общего дома. «Огонек» надеется, что понимание принципиальной общности дисциплинирует и тех, кто разделяет нашу точку зрения, и оппонентов. Споря, давайте уважать друг друга и великую цель, во имя которой выясняется истина.

Отдел литературы

Беседа с председателем Комиссии по иностранным делам Верховного Совета Литовской ССР, писателем и журналистом Альбертасом ЛАУРИНЧЮКАСОМ

«НЕ ВМЕШИ

НЫНЕШНИЙ ГОД
ДЛЯ ЛИТОВСКОГО НАРОДА
ЮБИЛЕЙНЫЙ.
16 ДЕКАБРЯ
БУДЕТ ОТМЕЧАТЬСЯ
70-ЛЕТИЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ.

ОДНАКО
ЗАРУБЕЖНАЯ ПРОПАГАНДА
НАСТОЙЧИВО И ШУМНО
НАПОМИНАЕТ
О ДРУГОЙ ДАТЕ —
16 ФЕВРАЛЯ 1918 ГОДА.
ЧТО ЭТО ЗА ДАТА?
ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ.

Обратим сначала наш взор в 1795 год, — говорит Альбертас Казевич, — когда в результате третьего раздела польско-литовского государства Литва перешла в руки царской России. В 1915 году почти вся Литва была оккупирована войсками кайзеровской Германии.

Октябрьская революция оказала огромное влияние на судьбу литовского народа. Много литовских революционеров встало в ряды активных защитников завоеваний Октября. В Литве активизировалось революционное движение, трудящиеся открыто выражали симпатии Советской власти в России. Но литовская буржуазия при поддержке германских оккупационных властей изо всех сил гасила революционные настроения на нашей земле. 16 февраля 1918 года представители буржуазии подписали документ, который позже был назван актом провозглашения независимой буржуазной Литвы. Этот акт, по существу, не имеет ничего общего с реальной государственностью Литвы. Реальную власть буржуазия в Литве приобрела только в начале 1919 года, когда с помощью иностранных интервентов задушила Советскую власть.

Как известно, 16 декабря 1918 года Временное революционное правительство рабочих и беднейших крестьян Литвы манифестом провозгласило создание Литовской Советской Социалистической Республики. Через несколько дней Владимир Ильич Ленин подписал Декрет о том, что правительство Советской России признает независимость Литовской Советской Социалистиче-

ской Республики. За короткое время в республике был создан государственный аппарат, проведены глубокие социальные реформы и начали строить новую жизнь.

Но продолжалась она недолго. Национальной буржуазии при поддержке Антанты, немецкой оккупационной армии и польских легионеров удалось в 1919 году на долгие годы подавить революционное движение в республике. Подавить, но не приостановить. Справедливость и демократия пришли позже. И мы с полным правом и с полным основанием считаем национальным праздником литовского народа именно 16 декабря, тот день, когда было провозглашено создание Литовской Советской Социалистической Республики.

— **Недавно сессия Верховного Совета Литовской ССР приняла Заявление, которое было направлено конгрессу США. Чем это было вызвано? Какие события предшествовали столь необычной акции?**

— Антисоветски настроенные конгрессмены Соединенных Штатов постоянно вмешиваются во внутренние дела нашей республики. Так, например, они организуют «недели поработанных народов», постоянно наполняют эфир ложью про наш народ, клеветой на него. Особенно злобно и тенденциозно выступили конгрессмены и средства массовой информации в августе минувшего года. Радиостанции, расположенные на территории США, Западной Германии, Франции, подстрекали наших сограждан развернуть антисоветские выступления в Вильнюсе у костела Святой Анны и памятника Адаму Мицкевичу. И что же? Кое-кто поддался на

провокацию, в указанных местах собрались группы людей с националистическими лозунгами.

Западные «голоса» поначалу сообщили, что в Вильнюсе в националистической демонстрации участвовали пять тысяч человек. Но вот посмотрите. У меня в руках «Нью-Йорк таймс» от 25 августа прошлого года. Взгляните на эту маленькую сноску. Извиняются за ошибку: не пять тысяч, а пятьсот. Вроде бы нулик лишний случайно проскочил, только и всего. Но ведь все равно наврали: не пятьсот, а двести.

Однако за остальную клевету, за подстрекательство никто извиняться не собирается. Сколько же можно это терпеть? В Заявлении, принятом 11 ноября 1987 года Верховным Советом Литовской ССР, есть такие слова:

«В последнее время Конгресс Соединенных Штатов, некоторые его члены, другие государственные деятели выступали с неоднократными заявлениями, в которых допускались искажения исторических фактов, грубое вмешательство во внутренние дела Литовской Советской Социалистической Республики...»

...Верховный Совет Литовской Советской Социалистической Республики заявляет решительный протест против любых попыток, в том числе и со стороны членов Конгресса США, исказить историческую правду, ослабить дружбу литовского народа с другими народами Советской страны. Современная государственная, экономическая и общественная жизнь Советской Литвы является убедительным доказательством того, что наш народ избрал для себя верный путь и никогда не свернет с него».

— **А реакция на Заявление?**

— Из Соединенных Штатов — никакой, хотя с той поры минуло почти три месяца. Зато в Президиум Верховного Совета Литовской ССР хлынул целый поток писем от трудящихся Литвы, ведь полный текст Заявления опубликован в республиканских газетах. Десятки тысяч людей подписали эти письма. Полное единодушие, полная поддержка Заявления, позиции Верховного Совета. «Не вмешивайтесь в наши дела, не пытайтесь расколоть

нас, ничего из этого не выйдет! Что вы знаете о нашем народе, о его истории?» — эти мысли так или иначе звучат в каждом послании.

Тем, кто сейчас приезжает к нам из США, мы показываем эти письма. Пусть сами убеждаются в том, как настроены литовцы. И пусть расскажут об этом всем.

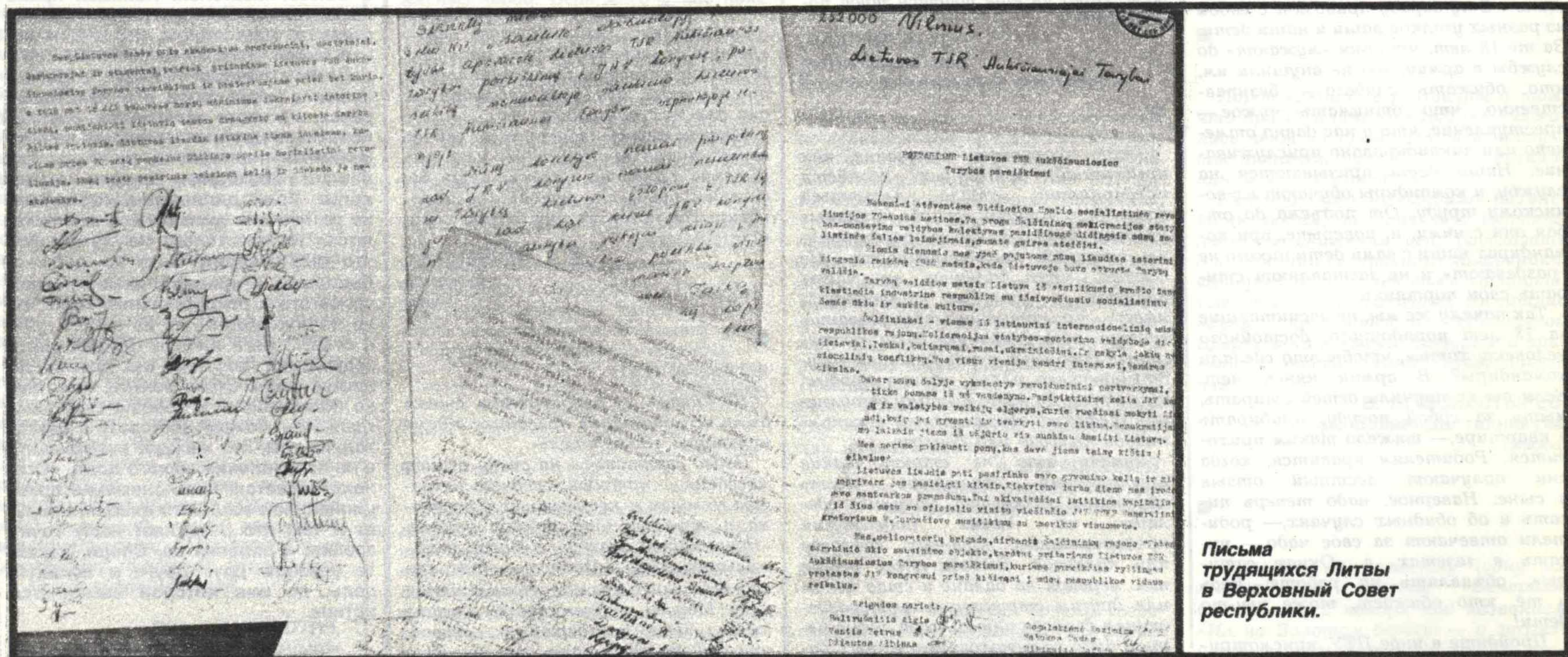
— **Давайте продолжим разговор об истории Литвы, тем более что историческая тема в наши дни актуальна, как никогда. Мы сейчас открыто говорим о том, что нужно ликвидировать «белые пятна». При чем на Западе эти вопросы сильно раздувают.**

— Вся разница в подходе, в отношении к предмету изучения, в конечной цели этого процесса. Да, в книге истории нашей республики есть «белые пятна». Но еще больше черных. Мне интересно было бы прочесть написанный западными историками рассказ о том, как в двадцать шестом году в Литве был совершен фашистский переворот, как, по существу, ликвидированы демократические права, как был введен жестокий террор. Как расстреливались коммунисты и беспартийные. Как гноили людей в тюрьмах только за то, что они просто стремились к нормальной, человеческой жизни. Как вспыхнувшее в 1935 году крестьянское восстание в Сувалкии было потоплено в крови. Как некоторые из его участников, дожив до тридцати девятого года, были затем умерщвлены в Каунасе, в газовой камере.

— **Извините, а это не ошибка? Ведь газовые камеры — это как будто более позднее «изобретение».**

— Не знаю, я не занимался изучением этого вопроса. Но точно известно, что участник Сувалкийского восстания А. Маурушайтис был уничтожен в газовой камере первого форта в городе Каунасе.

Власть литовского диктатора Сметоны держалась до 1940 года. И все это время на Западе никто, кроме прогрессивных сил, не протестовал против этой диктатуры, против методов удержания власти, основанных на страхе и насилии, на пренебрежении к нуждам простых людей.

Письма
трудящихся Литвы
в Верховный Совет
республики.

ВАЙТЕСЬ В НАШИ ДЕЛА!»

Вся жизнь буржуазной Литвы показывает, что она была и экономически, и политически зависима от западных стран. Еще в 1919 году, стараясь расправиться с Советской властью в Литве, буржуазное правительство предоставило войскам буржуазной Польши возможность захватить столицу республики — Вильнюс. А через двадцать лет те же господа послушно склонили голову перед Гитлером и отдали ему древнюю, исконно литовскую землю Клайпеды. Трагическая участь ждала наш народ. Я работал в США, много бывал в других странах. И, конечно, всегда и всюду интересовался тем, как там описывают историю моего народа. Мало правды, очень мало.

— **Нередко доводилось вам читать и слышать, что Советская власть въехала в Литву в 1940 году «на танках».**

— Я был всего лишь подростком, но хорошо помню, как рабочие моего города Шяуляя выходили на улицы с красными флагами, это были массовые демонстрации. Новое правительство, возглавляемое Юстасом Палецкисом, создало условия для всеобщих выборов в народный сейм. Избранные народом депутаты провозгласили Советскую власть и обратились в Верховный Совет СССР с просьбой о принятии Литвы в состав Советского Союза. Народ сам проголосовал за свою судьбу. Нет, не пишут об этом на Западе.

А Клайпеда стала литовским городом лишь после освобождения его от гитлеровских захватчиков. Только тогда Литва впервые за долгие годы получила обратно все свои исконные земли.

Недавно в Вильнюсе гостила группа американских редакторов из Новой Англии. В один из дней они захотели посмотреть на столицу республики сверху, с горы Гедиминас. Там мы остановились у небольшой металлической мемориальной доски, на которой написано, что в 1410 году объединенные силы литовцев, русских и поляков разбили войска крестоносцев под Грюнвальдом. И тогда один из наших гостей сказал: «Мне кажется, вы излишне часто вспоминаете свою историю. Вы напоминаете мне о том, что происходило более пяти веков назад». Я ответил ему, что история — это тот учитель, который дает мудрые советы на завтрашний день.

А на другой день мы побывали в Каунасе, в девятом форте, где во время гитлеровской оккупации было уничтожено несколько десятков тысяч людей. Когда мой вчерашний собеседник увидел тот страшный памятник прошлого, он не проронил ни слова. Мне показалось, что он кое-что понял.

Не счесть число литовцев, уничтоженных во время минувшей мировой войны. В деревне Пирчюпис фашисты согнали в сарай 119 человек и сожгли их заживо. Таких фактов много. А на ремнях палачей было написано «Gott mit uns!» — «С нами бог!». Почему-то «Голос Ватикана» умалчивает об этом. Или о злодеяниях генерала Плехавичюса, который еще в девятнадцатом году уничтожил сотни безвинных жителей на земле Жемайтии, а четверть века спустя уже служил новым хозяевам — гитлеровцам.

После войны этот «защитник» демократии оказался в Америке, где и завершил свой жизненный путь, торгуя виски.

Также в Соединенных Штатах закончил свои дни и бывший литовский диктатор Сметона. Когда я работал корреспондентом «Московских новостей» в этой стране, то познакомился с одной

американкой литовского происхождения — А. Лапиене. Она показала мне фотографии Сметоны — жалкого, убогого человека. Рассказывала, что общения с ним чурались как прогрессивно настроенные литовцы, так и иные, все знали про его былые злодеяния. В свое время говорили, что такие люди, как Сметона, в огне не горят, в воде не тонут. Оказалось — как раз наоборот. Загорелось жилище Сметоны, он успел выйти из него, но вернулся за шубой. И погиб. Жалкий конец человека, который всегда шел против своего народа.

— **Но вспомним других, тех, кто отдавал за него жизни свои...**

— Летом прошлого года в Горьковской области проходили Дни культуры Советской Литвы, посвященные 70-летию Великого Октября. Это были замечательные, незабываемые дни. Далеко от берегов Волги до берегов Нямунаса. Но мосты дружбы, связывающие их, давние и прочные. Как тут не вспомнить, например, что Максим Горький одним из первых разглядел талант великого Чюрлениса и других деятелей нашей национальной культуры.

В городе Балахне мы побывали в музее боевой славы. В этом волжском городе во время Великой Отечественной войны была сформирована 16-я стрелковая Литовская дивизия, которая прошла трудный и достойный боевой путь до Балтики. Известно, что фронтовые дороги привели бойцов дивизии в Ясную Поляну, только что освобожденную от фашистов. Они посетили могилу величайшего русского писателя. После чего отправились в бой. Дивизия участвовала в освобождении моего родного Шяуляя, дошла до Клайпеды.

В Балахне в составе особой роты готовилась к выброске в немецкий тыл — в оккупированную Литву — и Марите Мельникайте. Она погибла на своей земле. Посмертно ей было присвоено звание Героя Советского Союза.

— **Вы написали книгу очерков о России — «Вечные березы»...**

— Пусть не покажется это странным, но название книги родилось в Америке. Когда в Нью-Йорк приехал на гастроли наш замечательный ансамбль «Березка», я повел на концерт в Карнеги-холл своих знакомых американцев. Реакция их была самая восторженная, а после концерта они сказали: «Что за удивительная фантазия у русских. Они заставляют танцевать даже дерево». И тогда я подумал, что березка для русских куда больше, чем дерево. Это символ всего русского. А символ не умирает, он вечен. Эта книга — итог многочисленных поездок по земле российской. Я писал ее для литовцев, хотел, чтобы они еще лучше узнали Россию. Но книгу перевели на русский, украинский, а потом на английский и другие языки. Пусть за рубежом больше узнают о том, что значат литовцы и русские друг для друга. Старая мудрость гласит, что человек не может выбирать мать и отца. Но он может делать себе врагов и выбирать друзей. Трудная судьба у моего народа, и тем дороже ему друзья, которых он выбрал сам.

— **Вы говорили о том, что установление Советской власти в республике видели глазами подростка. Но ведь, наверное, немало довелось вам услышать и от своих родителей?**

— Отец был железнодорожным рабочим. Помню, как к нему частенько заходили соседи, товарищи по работе. Говорили о сражениях в Испании, о том, как итальянцы воюют в Абиссинии.

О том, что Гитлер готовится к покорению Европы. К отцу люди тянулись, уважали его. Во многом потому, что знали: отец раньше жил в Петербурге, был участником революционных событий. Он был уверен, что буржуазной власти в Литве скоро придет конец.

Когда я получил первые заработанные деньги — пас коров у кулака, мама купила мне ботинки. Настоящие, мужские. Но они были мне слишком велики. Однако мама сказала: «Это я специально, в таких ботинках до школы быстрее дойдешь». Я тогда понял ее буквально и поверил ей. Но позже увидел в тех словах более глубокий смысл. И мудрость. Думаю, не нужно бояться носить «ботинки на вырост». Мне кажется, мой народ это хорошо понимает.

— **Видимо, вы неплохо знакомы с литовскими эмигрантами, проживающими в Америке. Расскажите, пожалуйста, о них.**

— По неполным данным, их более полумиллиона. Та машина пропаганды, о которой мы вели с вами разговор, опирается на реакционно настроенных литовцев, которые (либо они, либо их родители) очутились в Америке после разгрома гитлеровцев. Но много и прогрессивно настроенных, друзей нашей страны, социалистической Литвы. Они издают свои газеты — «Лайсве» в Нью-Йорке, «Вильнис» в Чикаго, «Вага» в Буэнос-Айресе. В этих газетах про нас пишут правду, всю правду, ту, на которую способны истинные друзья.

Я бы условно выделил и третью группу литовцев — нейтральную. Они живо интересуются вестями с родины, стремятся узнавать о ней как можно больше.

В последнее время — время глубоких перемен, переживаемых нашим обществом, мы чувствуем резкое возрастание к нам интереса американцев литовского происхождения. Они больше читают наши газеты, больше контактируют с приезжающими из нашей страны, из Литвы, оживилась переписка с родственниками и знакомыми.

Мне хотелось бы рассказать об одном эмигранте-литовце. Это известный художник Казимерас Жеромскис. Он уехал из Литвы перед второй мировой войной, жил в Испании, Латинской Америке, а в последнее время в Нью-Йорке. Причем жил неплохо, отнюдь не бедствовал. Я бывал в его студии на 23-й стрит. И знал, как он тоскует по родине, знал, что, несмотря на преклонный возраст, он собирается вернуться. И вернулся. Живет в Вильнюсе, получил здесь квартиру. Работает, выставляется. Недавно несколько его полотен приобрела Третьяковская галерея. Я не раз бывал в его студии. С интересом жду, когда он завершит свой давно начатый цикл: «Нью-Йорк, 23-я стрит».

Чрезвычайно интересна и поучительна судьба еще одного эмигранта — Повиласа Венты. Еще в детстве он понял всю несправедливость буржуазного строя в Литве и активно включился в революционную борьбу. Был арестован. Когда началась гражданская война в Испании, Повилас Вента отправился туда добровольцем бороться с международным фашизмом. Сражался в Интербригаде имени Авраама Линкольна. После поражения прогрессивных сил Испании очутился в лагере на территории Франции. Ему удалось бежать, и он оказался в США, в Балтиморе. Там его застала вторая мировая война, и он решил продолжить борьбу против международного фашизма на стороне американской армии. Судьбе

было угодно бросить его в сражения против японской армии...

После победы над Японией Повилас возвратился в Соединенные Штаты и решил готовиться к возвращению на землю своих предков, где установилась Советская власть. Но вышло иначе: он активно включился в борьбу за демократию в рядах прогрессивно настроенных литовцев-эмигрантов. Помогал издавать газету «Лайсве», позже стал ее редактором. Не раз приезжал в нашу страну в качестве гостя общества «Тевишке» («Родина»). И каждый раз я слышал от него: «Очень хочу вернуться сюда навсегда». Но его всегда ждали дела в Нью-Йорке, ждали товарищи по борьбе. Как-то я вместе с группой деятелей культуры Литвы приехал в Нью-Йорк на юбилей газеты «Лайсве», Повилас пригласил нас в клуб имени Маяковского, где американцы праздновали День Победы над фашистской Германией. Помню сказанные тогда Повиласом слова: «Каждая американская мать должна быть благодарна матерям советских солдат, так как их неисчислимые жертвы позволили многим американским солдатам возвратиться на родину».

Повилас Вента вернулся на землю отцов. Вернулся навсегда. Вернулся неплом, что привезла сюда, выполняя волю мужа, его вдова, чтобы захоронить прах Повиласа там, где он родился, — в городе Папиле...

Есть среди эмигрантов-литовцев и такие, как отец и сын Бразинкасы, восторженные пиаты и убийцы, пригретые в Соединенных Штатах, укрытые от возмездия американской Фемидой. На подобных им опирается, на них рассчитывает в своих деяниях западная пропаганда, стремясь посеять вражду между русским и литовским народами, между молодежью и старшим поколением, между рабочими и администрацией. Конгресс США неспроста ассигнует на эту работу немалые средства.

— **Я слышал, что в свое время вы встречались с хорошо известным советскому читателю американским писателем Эптоном Синклером, который в романе «Джунгли» писал о жизни литовских эмигрантов в США...**

— Да, и я тогда спросил Синклера, почему он решил рассказать о жизни именно литовских эмигрантов? Он ответил, что их положение в его стране было и остается очень нелегким. Не уверен, что «Джунгли» читали наши незадачливые «доброжелатели» из конгресса Соединенных Штатов. А если читали — не уверен, что все поняли.

Беседу вел Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ.

ОСТРЫЕ УГЛЫ ХОЗРАСЧЕТА

Окончание.

Начало на II стр. обложки

хорошо: есть хотя бы прецедент. Опираясь на пятнадцать процентов, можно будет завоевывать постепенно новые территории.

Однако даже этот урезанный до крайности вариант был отмечен явочным порядком.

— Почему?

— Я бы и сам хотел разобраться почему. Месяца три назад нам прислали дополнительные данные по госзаказу на 1988 год. Мало того, что он почти на семь миллионов рублей превышал контрольные цифры по выпуску товарной продукции, он вдобавок еще содержал 35 позиций номенклатуры, из которых 21 позиция вообще не предусматривалась прежним планом.

— Простите, я не совсем понимаю. Контрольные цифры — это план предприятия на 1988 год. Под него уже давно вам были выделены соответствующие фонды. Он вошел составной частью в план всего народного хозяйства. Как же это можно было навешивать вам еще семь миллионов, ничем не обеспеченных?

— Спросите что-нибудь полегче. Но это, кстати, не все. Наше дело — выпускать станки. Вроде бы яснее ясного. А в этот дополнительный госзаказ напихали всего, чего только захотели. Сбор лома и отходов черных и цветных металлов, выпуск ширпотреба, а также специального технологического оборудования для себя и для отрасли, пиломатериалов...

— А это зачем?

— Видите ли, мы отправляем наши станки упакованными в деревянные ящики. Доски делаем сами, распуская круглый лес. Эти пиломатериалы нам нужны только для внутреннего потребления и столько, сколько выпустим станков, ни больше, ни меньше. Поэтому мы сами без Москвы знаем, сколько и какого леса надо напилить. Нет же, столица нам определяет и эту цифру, да еще записывает в госзаказ...

— По-моему, большую глупость придумать трудно...

— Трудно, но придумывают. Скажите, зачем нам указывают объем технологического оборудования для собственных нужд? Мы его сделаем, сколько надо. Лишнее делать не станем — невыгодно. И меньше тоже — затормозится основное производство. Мы сами это определим лучше, чем кто-либо другой. Но ведь нашелся все-таки чинуша — вписал.

Я, естественно, обратился к министру: «Что же вы делаете, зачем подрываете авторитет госзаказа?» Ответ: «Так распорядился Госплан». Пишу туда, на имя первого заместителя председателя Госплана. Ответа до сих пор нет.

— Извините, Владимир Павлович, но мне все-таки не совсем понятен вот какой момент. Вы все время говорите: будем бороться. Но в условиях самофинансирования главным «борцом» за справедливость должен быть рубль, экономические рычаги, которые бы и определяли логику хозяйственной деятельности предприятия...

— Если бы так все было! Осенью 1987 года областное КРУ решило списать с нашего счета полмиллиона рублей.

— За что?

— За добрые дела, разумеется. Вы, наверное, слышали, что наш завод работает на западной электронике: она надежнее нашей. Но все-таки и она

имеет право выходить из строя. Министры-потребители обратились к нам как-то с такой просьбой: возьмите на себя хлопоты по закупке за границей страхового запаса электроники, храните ее у себя и в случае выхода из строя какого-то блока или платы пришлите их нам.

В общем, я отправлял заказчикам запчасти за свой счет, а они мне после возвращали эти деньги. Набежало за все время полмиллиона, их-то и хотели списать в доход государства. Пошел я к начальнице Ивановского КРУ, объясняю: вы отлично знаете, какое наше предприятие и какая у него продукция. Если мы срочно не вышлем необходимый электронный блок вместо испорченного, будет стоять машина, что принесет государству большие убытки.

А она мне в ответ:

«Не положено. Для этого есть снабженческие организации. Полмиллиона вами получено незаконно».

Ладно, пишу бумагу в Министерство финансов. Отвечают: «Не положено». Обратился уже к самому министру финансов. Тот отвечает: «Ввиду важности дела, в порядке исключения эти деньги можно заводу вернуть».

Вроде бы справедливость восторжествовала, но я-то знаю, сыграла свою роль слава нашего предприятия, в определенной степени моя известность, а было бы это письмо от директора рядового завода, оно не дошло не то что до министра, а даже до начальника главка. Но и это еще не все. Когда я оптом закупаю электронику для всех своих клиентов, то трачу валюты примерно на двадцать процентов меньше, чем если бы они купили такое же количество в розницу. Государству прямая выгода, а меня обвиняют: нарушил инструкцию. А ведь эта инструкция старых времен.

Сейчас, согласно Закону о государственном предприятии (объединении), нам даны большие права для решения своих вопросов. Для этих целей предусмотрено создание советов трудовых коллективов. Однако все эти новшества останутся игрой в демократию, если по-прежнему «наверху» будут решать вопросы, вроде бы находящиеся в нашей компетенции. Ведь советы трудовых коллективов созданы не для того, чтобы держать в узде сатрапа-директора, а для решения конкретных дел на своем предприятии. Но к нам по-прежнему лезут с указаниями: сами, мол, вы не разберетесь. По-прежнему, как я уже говорил, все жестко регламентировано.

— Почему это происходит?

— Все хотят управлять, никто не хочет расстаться с властью, с привилегией решать за нас то, что мы и сами можем сделать без чьей бы то ни было помощи. Чиновник любит «функционировать», наша самостоятельность лишает его этого привычного занятия, ставит под сомнение необходимость и смысл его должности.

Чиновничий раж не знает границ, но мы прорвемся. Нас подpiraет наша продукция, придает нам силы. А вот как быть заводу в Краснореченске или Ивановке? Вы об их директорах побеспокойтесь. Ведь если они не прорвутся, тогда и нам будет плохо, нас оберут во имя помощи им, ведь расточительная благотворительность, как я понял, не отменена с переходом на хозрасчет.

— «Краснореченск», «Ивановка» — это как бы обобщенный вымышленный образ?

— Конечно. Хотя такие заводы на-

шего министерства действительно существуют, о заводе в поселке Ивановка на Украине я знаю из путаницы, которую иногда устраивает почта. Письма, адресованные директору того завода, приходят ко мне в Иваново. У наших «однофамильцев» я никогда не был, но по этим случайно прочитанным письмам могу судить, предприятие не первого ранга, и как ему трудно живется!

— Кстати, у вас большая текучка?

— У конструкторов практически нулевая. ИТР — 1,6 процента, а если считать в целом по заводу — 4,4 процента.

— Ваше производство требует, если можно так выразиться, большой творческой обеспеченности...

— Безусловно. У нас работает шестьсот конструкторов, триста инженеров-электронщиков. Если считать количество и качество подготовки последних, то это примерно половина того, что имеет вся наша отрасль.

— Наверное, поэтому и получаете, что они легко могут на много лет вперед просчитывать перспективу вашего объединения и развития станкостроения в целом?

— Да, мы им многим обязаны. Но я помню, когда мы заводили школу электронщиков, многие сомневались в ее целесообразности: накладные расходы большие, отдачу же надо ждать лет десять — двадцать. Но мы все наращивали и наращивали свою электронную кадровую мощь, хотя этих специалистов не так просто получить. Но вот сейчас я твердо знаю: не имей мы такой крепкой «электронной» команды, ничего бы у нас не получилось. Вы даже представить не можете, как они легко разбираются во всех самых сложных системах. Благодаря им у нас в этом деле нет проблем.

Теперь вот заводим школу математиков. Она тоже потребует расходов. Но сознательно берем эти затраты на свои плечи, так как знаем: в них будущее нашего предприятия. Лет через пять, а может быть, и раньше они выплывают идеи, расчеты, которые станут питать наше производство. И тот, кто сейчас экономит на математическом заделе, начнет привычно голосить в наш адрес: все подгребли под себя, сидят, как собака на сене. Ничего, переживем и это.

— Договариваясь с вами о встрече, я, Владимир Павлович, думал, что год жизни на эксперименте даст вам значительно больше, чем это оказалось на самом деле...

— Все мы ждали большего. Но если откровенно, это наша давняя беда. Как я уже говорил, мы возлагаем на всякое очередное новшество всегда много-много надежд, и если оно сразу их не оправдывает, мы его быстро списываем со счета, начинаем охаивать, затеваем следующую кампанию. Все время мы ищем «палочку-выручалочку». А надо бы по-иному, надо бы, как военные делают, когда проигрывают свои операции на ящиках с песком. Так попробуют, потом иначе. Выберут одно направление, потом другое. Разыгрывать различные варианты наступления на ящике с песком тоже имеет смысл, потому что в боевой обстановке, когда все горит, все рвется, учиться будет поздно.

— Но ведь вас не сразу бросили в боевую обстановку. Вам дали какое-то время на подготовку, да и весь год вы работали как бы в эксперименте. Пусть это не совсем ящик с песком, но все-таки еще и не сражение...

— В какой-то степени я с вами согласен. Но мне не нравится тенденция относиться к нынешней реформе, как к законченному варианту. В нашем хозяйстве навязано слишком много узелков, чтобы можно было их одним махом все развязать, распутать. Если бы так просто все было!

Вот я жалею, что нам мало оставили прибыли, которую мы могли бы пустить на соцкультбыт и жилищное строительство. Но если бы оставили

больше — нам что, стало бы легче? Вот сейчас у нас на эти цели имеется примерно один миллион триста тысяч рублей. Я не люблю, когда у меня деньги лежат без дела. Говорю строителям: «Берите миллион, стройте мне то-то и то-то». А они в ответ посылают меня куда подальше: не нужны им наши рубль. Конечно, какую-то часть денег мы еще можем пристроить: на пионерский лагерь, на путевки, — но очень много останется. От того, что окажется пять миллионов или десять, мы что, жить будем лучше?

— Думаю, нет.

— И я придерживаюсь того же мнения. К проблеме самофинансирования, проблеме, как заработать деньги, примыкает не менее сложная проблема — как истратить их, как отоварить. Лично я с нею сталкиваюсь дома ежемесячно. Зарплата у меня, грех жаловаться, хорошая. Приношу домой пачку денег, толще лошадиного дышла, а жена говорит: «Зачем мне твои деньги, лучше бы колбасы принес или икры». С предприятиями то же самое происходит. Подобных крамольных вопросов возникает немало.

— Но ведь другие как-то устраиваются...

— И мне предлагали не раз «устраиваться». Строй, говорят, клуб хозспособом. Я категорически против. Кирпича нет, перекрытий нет, панелей нет. Все надо «достать налево», учинить какую-нибудь махинацию. Строителей тоже нет. Значит, с ними тоже надо «договориться», простимулировать полузаконным способом...

Лично для меня приемлем только один путь: мы делаем машины и получаем за это деньги, а нам за наши деньги делают все, что нам необходимо. Остальное — не по мне. Нельзя на таких методах строить политику. Можно раз-другой «похулиганить», что-то построить на грани фола (в принципе такой грех есть на совести каждого директора), но превращать полузаконность в постоянное занятие — извините, плохо кончится...

— Другими словами, все должно быть логично, последовательно...

— И идти от жизни, а не от лозунгов и благих пожеланий. Тем более что положительный опыт подобного подхода к делу у нас есть.

Помните, мы долгое время митинговали вокруг выпуска экспортной продукции? Шума было много: задания, планы, словеса о престижности, чести заводской марки и так далее и так далее. Но дальше слов и планов дело не особенно шло, так как заниматься экспортом было невыгодно. Но наше объединение шло на международный рынок и только в развитые капитаны, так как считало, что продажа в условиях жесткой конкуренции лучше всего характеризует качество и технический уровень нашей продукции. Хотя материальные стимулы были просто смехотворны. И только с мая 1987 года наконец установлен новый порядок, при котором экспорт (и особенно на свободно конвертируемую валюту) стал исключительно выгоден предприятию. Это и есть отличный пример настоящего стимулирования. Теперь не требуется никаких призывов.

— Мне приятно, что нашу беседу мы заканчиваем на оптимистической ноте.

— Я, между прочим, тоже не хотел бы, чтобы мои критические замечания были восприняты как проявление пессимизма. Просто дело нами задумано большое, и очень бы хотелось, чтобы оно получилось. Самофинансирование, на которое с нового года переходят уже все предприятия, не должно остаться застывшей системой раз и навсегда. Она должна развиваться, должны обновляться и сопутствующие ей области нашего хозяйственного механизма. Новое содержание нельзя облечь в старую форму...

— Вы имеете в виду старые инструкции?

— Их в том числе. Но не только...

Рейно ТАММИК. Род. 1947. В МАСТЕРСКОЙ.

ПАЛИТРА

Галина ПЛЕТНЕВА

Все, очевидно, согласится с тем, что интерес к художественным выставкам в наши дни неизмеримо возрос. Больше появилось возможностей дифференцированного «потребления», при том, что выставки шедевров, как и ранее, собирают огромные очереди. Классика хороша уже тем, что она бесспорна.

В КОНТАКТЕ СО СВОИМ ВРЕМЕНЕМ

В наше бурное время наряду с приобщением к бесспорному идет и другой процесс. Все большую популярность приобретают художники, творящие сегодня. И разобраться в море современных течений, понять, в чем состоит «злоба дня», становится делом не одних только специалистов. Особое предпочтение зрители отдают тем живописцам, у которых круг избираемых сюжетов, манера исполнения отличаются сходством с «музейной» картиной. На чем основан широкий интерес к искусству, напоминающему классику? Есть одна важная психологическая особенность «встречи с прекрасным». Радость узнавания для человека составляет важную эмоциональную потребность. То, о чем когда-то читал, слышал или что видел ранее на выставках, зритель находит в работе современного художника особенно привлекательным. И все же согласимся, что «знакомое» должно открывать нам неизвестное. Иначе в чем цель творящего?

Существуют и иные, например, общественные причины усилившегося интереса зрителей и художников (спрос рождает предложение?) к классическому, объективному воспроизведению мира. Мы имеем в виду возросшую «ценность факта». И несомненное недоверие

к субъективной деформации, к «фантазийному». Такова реальность, возникающая как итог того, что человеческое сознание, сталкиваясь с тенденцией отторжения правды, внутренне стремилось противопоставить этому процессу свое доверие к «документу».

В искусстве, в живописи, например, это сказалось определенным стилевым течением — в моде на «предметность». Возникла волна последователей классики, ориентированных, скажем, на XV, XVI века — период формирования в европейском искусстве объективного художественного мышления. Это явление в искусстве в определенном отношении отразило социальные настроения.

Обращаясь к некоторым, чрезвычайно характерным для нашего времени работам эстонских живописцев, мы полагаем, что они помогут высветить ряд проблем нашего художественного развития.

...В интерьере современной творческой мастерской у белого, еще не начатого холста сидит человек в странном, «историческом» одеянии. Это автор будущей картины, которая сейчас находится на мольберте. Он рисует, появляются первые контуры. Таков сюжетный мотив полотна Рейно Таммика «В мастерской», построенного на некоем казусе. Почему персонаж в своем костюме, в берете, напоминает иную

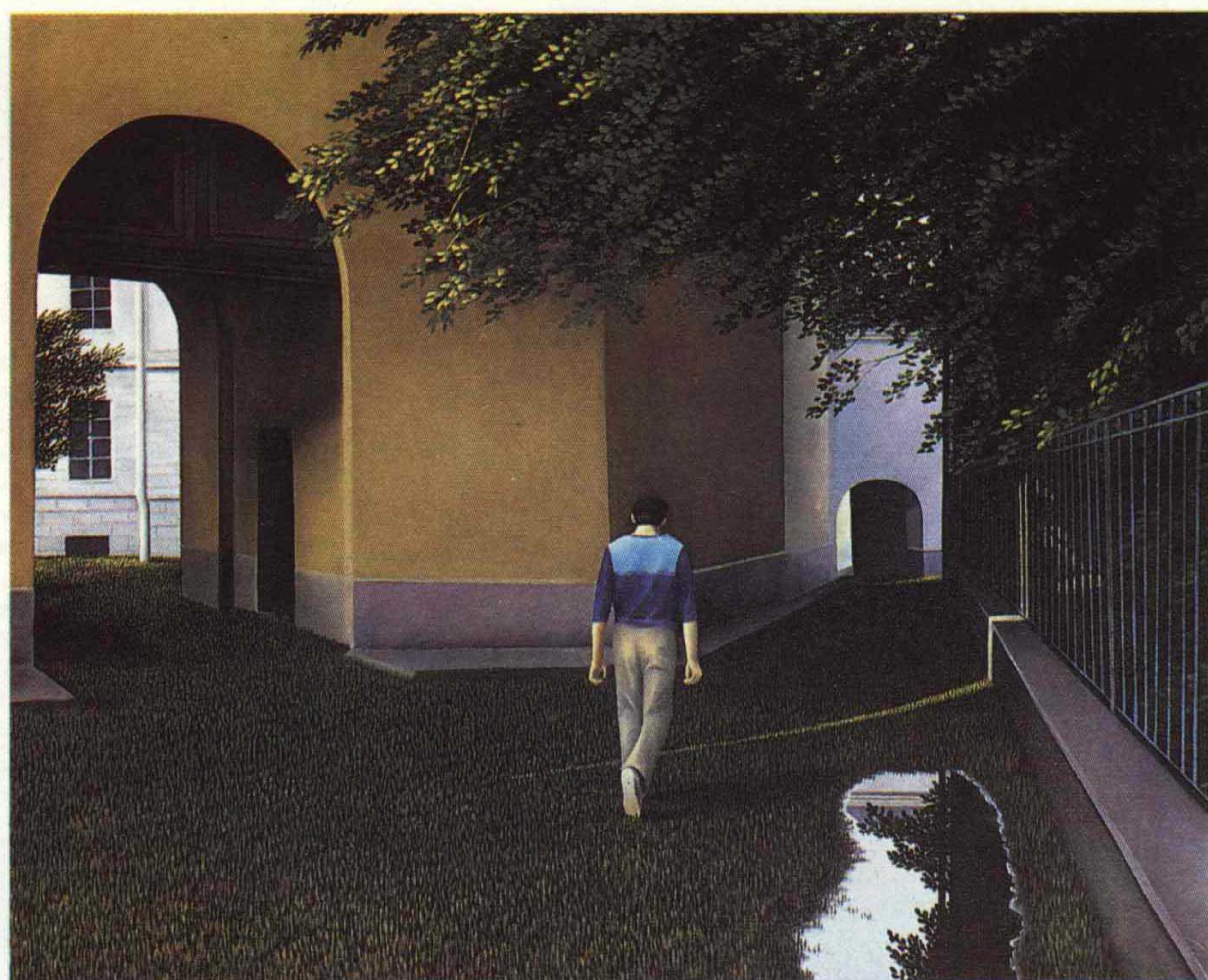
эпоху? Да и все пространство вокруг него, льющийся сбоку свет чем-то неуловимым переносят нас в атмосферу, знакомую по живописи Вермера Делфтского, тонкого мастера голландского бытового жанра.

Попробуем проникнуться идеей картины. Заметим еще одно противоречие между сюжетом, камерным по сути, значительностью композиции в целом, большим размером произведения. Несколько лет назад, когда картина «В мастерской» экспонировалась на Всесоюзной молодежной выставке в Москве, она активно воздействовала на зрителя на большом расстоянии. Ее живописная форма не боялась большого пространства Манежа. Более того, пространство изображенного на ней интерьера становилось как бы частью, продолжением реального пространства выставочного зала. Так композиция в целом «работала» на идею широкого обобщения. Характерны приметы нашего времени вокруг спокойно сидящей фигуры. Происходит вторжение нашего беспокойного века в святая святых творческого деяния. Мысль о преемственности творческого начала, о миротворящей деятельности художника во все времена выражена почти с публи-

**ТОМАС ВИНТ. Род. 1944.
В СТАРОМ ГОРОДЕ.
1985.**

См. вкладку 3.

ОСЕНЬ.
1985.

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ
МУЗА
XX
ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Илья ЭРЕНБУРГ

1891—1967

Был исключен из 6-го класса московской гимназии за участие в большевистской организации. В 1908 году эмигрировал в Париж, который для него стал с той поры второй родиной. Первые сборники «Будни» и «Я живу» были опубликованы там же. Вся жизнь Эренбургу, другу Пикассо, Леже, Арагона, суждено было стать курьером культуры между Россией и Европой. Эренбург прежде всего считал себя поэтом, но в нем всегда шла внутренняя борьба между поэтом, журналистом и прозаиком. К его чести, он создал шедевры во всех этих жанрах — блистательный сатирический роман «Хулио Хуренито», вышедший с предисловием Бухарина, стихи о гражданской войне в Испании и антифашистские стихи во время второй мировой войны. Однако было и так, что журналистика Эренбурга разъедала спешкой, небрежностью и его поэзию, и прозу. Знаменитый в свое время роман «Буря» сейчас читать невозможно. Художественно слабо была написана и повесть «Оттепель», однако давшая точное определение короткого либерализма хрущевского времени. Вместе с Жюлио-Кюри, Ивом Фаржем и Фадеевым Эренбург был одним из основателей движения сторонников мира, был избран вице-президентом Всемирного Совета Мира. Реакционная печать Запада и внутренние сплетни много раз обвиняли Эренбурга в его двучленной политическо-правственной позиции. Однако в том тяжелейшем положении, в котором оказался Эренбург, как между молотом и наковальней — между Европой и Сталиным, я думаю, он делал максимум возможного, чтобы помогать другим, не переходя, однако, грань, после которой его самого бы ждала колючая проволока. Судить Эренбурга издали легко, быть Эренбургом было тяжело. Но это именно он добился первого издания Цветаевой, именно он добился первой выставки Пикассо в Москве, именно он открыл такого замечательного поэта, как Слуцкий. Воспоминания Эренбурга «Люди, годы, жизнь» неоценимы, и жаль, что многие страницы написаны впроброс, слишком пунктирно. Желчный, ядовитый полемист, он умел восхищаться искусством других.

А в народной памяти Эренбург останется по-особому. Во время войны солдаты никогда не лепили самокруток из газет, если там была статья Эренбурга. Это дорогого стоит.

Я не трубач — труба. Дуй, Время!
Дано им верить, мне звенеть.
Услышат все, но кто оценит,
Что плакать может даже медь?
Он в серый день припал и дунул,
И я безудержно завыл,
Простой закат назвал кануном,
И скуку мукой подменил.
Старались все себя превзойти —
О ком звенела медь? О чем?
Так припадали губы тысяч,
Но Время было трубачом.
Не я рукой сухой и твердой,
Перевернув тяжелый лист,
На смотр веков построил орды
Слепых тесальщиков земли.

Я не сказал, но лишь ответил,
Затем, что он уста рассек,
Затем, что я не властный ветер,
Но только бедный человек.
И кто поймет, что в сплаве медном,
Трепещет вкрапленная плоть,
Что прославляю я победы
Меня сумевших побороть?

1921

«Разведка боем» — два коротких слова.
Роптали орудийные басы,
И командир поглядывал сурово
На крохотные дамские часы.
Сквозь заградительный огонь прорвались,
Кричали и кололи на лету.
А в полдень подчеркнул штабного палец
Захваченную утром высоту.
Штыком вскрывали пресные консервы.
Убитых хоронили, как во сне.
Молчали.

Командир очнулся первый:
В холодной предрассветной тишине,
Когда дышали мертвые покоем,
Очистить высоту пришел приказ.
И, повторив слова: «Разведка боем»,
Угрюмый командир не поднял глаз.
А час спустя заря позолотила
Чужой горы чернильные края.
Дай оглянуться — там мои могилы,
Разведка боем, молодость моя!

1938

Нет, не забыть тебя, Мадрид,
Твоей крови, твоих обид.
Холодный ветер кружит пыль.
Зачем у девочки костыль?
Зачем на свете фонари?
И кто дотянет до зари?
Зачем живет Карабачель?
Зачем пустая колыбель?
И сколько будет эта мать
Не понимать и обнимать?
Раскрыта прямо в небо дверь,
И если хочешь, в небо верь,
А на земле клочок белья,
И кровью смочена земля.
И пушки говорят всю ночь,
Что не уйти и не помочь,
Что зря придумана заря,
Что не придут сюда моря,
Ни корабли, ни поезда,
Ни эта праздная звезда.

1938

ГОНЧАР В ХАЗНЕ

Где люди ужинали — мусор, щебень,
Кастрюли, битое стекло, постель,
Горшок с сиренью, а высоко в небе
Качается пустая колыбель.
Железо, кирпичи, квадраты, диски,
Разрозненные, смутные куски.
Идешь — и под ногой кричат огрызки
Чужого счастья и чужой тоски.

Каким мы прежде обольщались вздором!
Что делала, что холила рука?
Так жизнь, ободранная живодером,
Вдвойне необычайна и дика.
Портрет семейный — думали про сходство.
Загадывали, чем обить диван.
Всей оболочки грубое уродство
Навязчиво, как муха, как дурман.
А за углом уж суета дневная,
От мусора очищен тротуар.
И в глубине прохладного сарая
Над глиной трудится старик гончар.
Я много жил, я ничего не понял
И в изумлении гляжу один,
Как, повинувшись старческой ладони,
Из темноты рождается кувшин.

1938

В ЯНВАРЕ 1939

В сырую ночь ветра точили скалы.
Испания, доспехи волоча,
На север шла. И до утра кричала
Труба помешанного трубача.
Бойцы из боя выводили пушки.
Крестьяне гнали одуревший скот.
А детвора несла свои игрушки,
И был у куклы перекошен рот.
Рожали в поле, пеленали мукой
И дальше шли, чтоб стоя умереть.
Костры еще горели — пред разлукой,
Трубы еще не замирала медь.
Что может быть печальней и чудесней —
Рука еще сжимала горсть земли,
В ту ночь от слов освобождались песни,
И шли деревни, будто корабли.

1939

Я смутно жил и неуверенно,
И говорил я о другом,
Но помню я большое дерево,
Чернильное на голубом,
И помню милую мне женщину,
Не знаю, мало ль было сил,
Но суеверно и застенчиво
Я руку взял и отпустил.
И все давным-давно потеряно,
И даже нет следа обид,
И только где-то то же дерево
Еще по-прежнему стоит.

1945

9 МАЯ 1945

1

О них когда-то горевал поэт:
Они друг друга долго ожидали,
А встретившись, друг друга не узнали
На небесах, где горя больше нет.
Но не в раю, на том земном просторе,
Где шаг ступи — и горе, горе, горе,
Я ждал ее, как можно ждать любя,
Я знал ее, как можно знать себя,
Я звал ее в крови, в грязи, в печали.
И час настал — закончилась война.
Я шел домой. Навстречу шла она.
И мы друг друга не узнали.

1945

«Во Францию два гренадера...»
Я их, если встречу, верну.
Зачем только черт меня дернул
Влюбиться в чужую страну?
Уж нет гренадеров в помине,
И песни другие в ходу,
И я не француз на чужбине,
От этой земли не уйду,
Мне все здесь знакомо до дрожи,
Я к каждой тропинке привык,
И всех языков мне дороже
С младенчества внятный язык.
Но вдруг замолкают все споры,
И я — это только в бреду, —
Как два усача гренадера,
На запад далекий бреду,
И все, что знал я когда-то,
Встает, будто было вчера,
И красное солнце заката
Не хочет уйти до утра.

1947

«1 000 000 000 × 0, или явление безысходности» — так называлась статья, опубликованная в «Огоньке» (№ 14, 1987 г.). Это была третья по счету публикация по проблеме внедрения высокоэффективных смазочных материалов, созданных на основе эффекта «безысходности».

Если по двум предыдущим выступлениям журнала не поступило ни одного письма, где содержались бы возражения по существу затронутых вопросов, то третье вызвало буквально шквал протестующих писем, в основном от сотрудников подразделений критиковавшегося министерства — Миннефтехимпрома СССР, в частности ВНИИП (Москва) и ВНИИПКнефтехим НПО МАСМА (Киев).

ВСЛЕД ЗА

«ПРОПАВШИМ» МИЛЛИАРДОМ

Вот один из таких откликов: «На протяжении последних полутора-двух лет в вашем журнале опубликована поразительная по своей некомпетентности и предвзятости серия статей Ю. Сурхайханова. Последняя статья «1 000 000 000 × 0, или явление безысходности» явилась последней каплей в чаше терпения научных сотрудников ВНИИПКнефтехим НПО МАСМА, непосредственно занятых выполнением работ по проблеме «безысходности» при трении...»

Очень странно, что противоречащая элементарным демократическим нормам статья Ю. Сурхайханова, претендующая на истину в последней инстанции, опубликована под рубрикой «Перестройка: проверка делом». Этой-то проверке она и не выдержала!

Если «Огонек» не на словах, а на деле за перестройку, то дайте возможность и критикуемой стороне высказать свое мнение!

А. К. КАРАУЛОВ,
зав. лабораторией
трибологических исследований».

Выполняя это пожелание, вместе с тем отмечаем, что от специалистов в области смазок и трения, как и раньше, пришло множество писем в поддержку публикаций журнала.

* * *

«Задачи обеспечения «безысходности», то есть износостойкости машин могут успешно решаться только при профессиональном использовании новейших достижений науки, внедрении в промышленность новых научных идей, координации усилий специалистов по конструированию, изготовлению и эксплуатации техники, ученых и инженеров по триботехническому материаловедению и смазочным материалам. Здесь опасны и неприемлемы как консерватизм, формализм и межведомственные барьеры, так и непрофессионализм и попытки выдать желаемое за действительное. Слишком высокая цена необоснованных решений! Проблема повышения износостойкости машин должна широко обсуждаться специалистами и базироваться на трезвом расчете и технико-экономическом обосновании.

Известные истины, но о них вспоминаешь, читая статьи Ю. Сурхайханова в журнале «Огонек». Журналист односторонне и крайне необъективно оценивает состояние проблем «безысходности» и смазочных материалов. Запальчиво, красуясь перед читателем и демонстрируя ограниченность в понимании проблемы, обвиняет специалистов многих отраслей промышленности

в косности, невежестве, стяжательстве и плагиате.

Термин «безысходность» означает сохранение регламентированного зазора в сопряжении деталей в течение полного ресурса машины или узла трения. Не следует понимать его буквально, как это делают некоторые романтически настроенные специалисты и журналисты. Можно говорить не о полном исключении поверхностного разрушения узла трения, а его минимизации и отсутствии ощутимого износа в течение длительного времени или нормативного ресурса. Существует много путей достижения «безысходности» при трении, в том числе избирательный перенос и металлоплакирование.

Явление избирательного переноса проявляется в парах трения «сталь-медный сплав» в узком диапазоне нагрузок, скоростей и температур возвратно-поступательного трения в среде глицерина или спирто-глицериновых смесей. Его теория полностью не разработана. Процесс характеризуется неустойчивостью и зачастую вызывает катастрофическое поверхностное разрушение. В монографии «Триботехника» (стр. 276) Д. Н. Гаркунов пишет: «При температуре более 65°C повышается выделение водорода, и режим избирательного переноса переходит в водородное изнашивание...».

Попытки реализовать избирательный перенос, заменив глицерин и спирто-глицериновые смеси на нефтепродукты и особенно на пластичные смазки, успеха не имели. Требовались глубокие теоретические проработки закономерностей этого явления и четкая формулировка задач для прикладной науки. К этому призвал автор открытия проф. И. В. Крагельский. Однако произошло другое. Начали называть избирательным переносом все, сопровождающееся плакированием, то есть покрытием поверхностей трения пленками мягких металлов и т. п.

Металлоплакирование при использовании смазок, содержащих порошки мягких металлов, в том числе и меди, известно с начала века и служит у нас и за рубежом основой создания специальных смазочных материалов для тяжело нагруженных пар трения, о чем справедливо говорит и Ю. Сурхайханов. В отечественном ассортименте таких смазок более 15 наименований. Но давно известно, что необоснованное их применение, например, в прецизионных подшипниках, плунжерных парах и т. п., сказывается отрицательно. Металлоплакирующие смазки не универсальны и коварны тем, что порошки металлов катализируют процессы окисления, смазка разрушается и узел трения выходит из строя.

Предложенные в последние годы металлоплакирующие смазки в основном подвергались кратковременным трибо-

метрическим испытаниям. Другие характеристики (антиокислительная, механическая, термическая стабильности и т. д.), определяющие работоспособность смазок, не оценивались. Специалисты по смазкам неоднократно предупреждали о необходимости реалистического подхода к этой проблеме, но в ответ объявлялись консерваторами, не способными оценить идеи, якобы сулящие миллионы и миллиарды.

Опасения стали оправдываться. Большим износом узлов трения подвижного состава окончились испытания металлоплакирующих смазок на Белорусской железной дороге, неудачей — на Белорусском автозаводе, безрезультатно — на Минском тракторном заводе и Харьковском им. Малышева, бесперспективным оказалось их применение в гражданской авиации. Это результат того, что некоторые изобретатели металлоплакирующих и других смазок, якобы реализующих избирательный перенос, испытывали их с отклонением от установленных норм и правил, за базу сравнения принимали устаревшие продукты. Появлялись акты испытаний с завышенными результатами и сведениями о баснословной экономической эффективности, а подписавшие их несли ответственности за достоверность этих данных.

Теперь же, при оформлении допуска к применению металлоплакирующих смазок, например, нашумевшей СМП-5, которая якобы обеспечивает в текстильной промышленности от 45 до 60 млн. руб. экономии в год, Минлегпром СССР посчитал преждевременным такое решение и предложил заново начать ее испытания. Минсельхозмаш, Минавиапром, Минавтопром и др. отказались применять смазку СМП-5 в связи с ее недостаточными низкотемпературными свойствами, склонностью к термо- и влагоупрочению. Такие примеры не единичны. И плохо, когда некоторые изобретатели, создавая смазки, содержащие порошки меди и других металлов, а то и ничего общего не имеющие даже с металлоплакированием, приписывают им реализацию эффекта избирательного переноса, дискредитируя этим открытие.

Не умеем мы вести дискуссию. В полемическом запале некоторые несведущие журналисты опускаются до надуманных утверждений о якобы полной неэффективности смазок, производимых Миннефтехимпромом СССР. Ведь это не так!

Эффективность работ по созданию новых смазок можно проиллюстрировать множеством примеров, но это тема отдельного разговора. Однако существует дефицит в этих высококачественных смазках. Беда в том, что в течение последних 15—20 лет в связи

с общей недооценкой роли малотоннажной химии и нефтехимии практически не велось строительство и реконструкция мощностей по смазкам, не решались сырьевые вопросы.

Решение этих проблем ныне предусматривает фундаментальные и прикладные исследования по «безысходности» с участием институтов АН СССР и отраслей, определяет задачи по проектированию, строительству, реконструкции мощностей и их материально-техническому обеспечению, а также по производству, испытанию и внедрению высокоэффективных смазок.

Реализация постановления начата. Однако появились основания для тревог. Минвузы РСФСР и УССР, Минавто-транс УССР не представили нормативно-техническую документацию на изготовление смазок ПСМ, Диставик и присадок Гритерин. Трест «Бердянскстрой» не принял к исполнению реконструкцию Бердянского ОНМЗ в 1988 г. Надеемся, что будут приняты меры к исправлению положения.

Проблема износостойкости узлов трения требует привлечения всего арсенала средств и новых решений, которыми располагает современная наука и техника. Такой подход обеспечит наивысший ресурс работы машин, реальный эффект и «безысходность» без иллюзий.

**Зам. директора ВНИИПКнефтехим
Ю. Л. ИЩУК».**

«Собрание трудового коллектива ВНИИПКнефтехим отмечает, что автор, не разобравшись в существе дела, на основании только ему ведомых умозаключений фактически оклеветал специалистов отрасли, в том числе и института, посвятивших труд всей своей жизни созданию отечественной науки о смазках и развитию их производства. Предвзятость, некомпетентность, нежелание быть объективным не позволили Ю. Сурхайханову признать тот факт, что простейшие узлы трения, современные машины и механизмы, Кремлевские куранты и космическая техника работают именно на смазках Миннефтехимпрома СССР. Таким образом, осуществлена дезинформация общественности и очернен многолетний труд специалистов отрасли...»

В наше честное, открытое время гласности мы за критику справедливую и конструктивную, служащую делу перестройки и способствующую приумножению могущества любимой Родины. Но мы категорически против критиканства и сознательной клеветы, которые уводят в сторону от решения назревших проблем...

Данное решение направить в редакцию журнала «Огонек», отдел химической промышленности ЦК КПСС и Миннефтехимпром СССР.

Протокол собрания передать в профбюро института.

Председатель собрания
(КОСТЮК В. И.)
Секретари (КОТЛОВА М. В.),
(МНИЩЕНКО Г. Г.).

К этому письму редакция считает уместным приложить данные из аналитического отчета «Научного совета по трению и смазкам» АН СССР, составленного немногим более года тому назад.

«Серьезное отставание от ведущих зарубежных нефтеперерабатывающих фирм намечилось и в части разработки долгорботающих моторных масел, позволяющих в 2—4 раза повысить срок службы масла в двигателе, а также по маслам с антифрикционными присадками — модификаторами трения (разрядка наша. — **Ред.**), обеспечивающими снижение механических потерь и экономию топлива двигателями в среднем на 2—3%. За рубежом эта продукция уже несколько лет выпускается в промышленном масштабе, а в Советском Союзе их разработка до сих пор находится на стадии научного поиска.

Миннефтехимпром СССР вырабатывает ряд высококачественных трансмиссионных масел, однако количество этих масел совершенно не удовлетворяет потребность автотракторного парка страны. Существенный дефицит в трансмиссионных маслах для сельскохозяйственной техники компенсируется нигролом (до 40—50%), применение которого приводит к увеличению расхода топлива до 5—10%, повышению износа деталей, снижению ресурса машин».

* * *

Содержание этого отчета на восемнадцати страницах, должно быть, хорошо известно как авторам предыдущего письма, так и следующего, тоже коллективного. Вот что они, в частности, пишут:

«Обещанные миллиарды экономии, широко рекламируемые Д. Н. Гаркуновым, вводят в заблуждение широкую общественность.

Вызывает возмущение обвинение специалистов ВНИИНП в желании присвоить себе авторство на чужие изобретения. Это полностью лишено основания и является клеветой, порочащей трудовой коллектив отдела. За заслуги по обеспечению новой техники высокоэффективными смазочными материалами 14 человек в отделе награждены орденами и медалями СССР.

Полностью извращена позиция ВНИИНП, принявшего действенные меры по ускорению промышленного выпуска металлоплакирующих смазок и направившего представителей в организации, которые, по данным Гаркунова Д. Н., разработали смазочные материалы, реализующие эффект «безызносности». Целью этих представителей было ознакомление с документацией на смазки, их эффективностью, областью применения, оценки объемов производства для заказа сырьевых компонентов, для подготовки производства, определения уровня токсичности, цены, то есть составить необходимую для выпуска смазки нормативно-техническую документацию. Однако это расценено автором статьи как желание «принудить работать на ВНИИНП...».

Совсем неприемлем оскорбительный тон автора, клеветующего на коллектив научных работников и обвиняющего их в вымогательстве и меркантильности, намерении присвоить себе чужие авторские права. О каком присвоении чужих авторских прав может идти речь, если рецептуры защищенных авторскими свидетельствами и опубликованы в бюллетене изобретений? Что это, некомпетентность автора статьи или неукротимое желание во что бы то ни стало ошельмовать специалистов НИИ?

Д. Н. Гаркунов, восторженно поддерживаемый автором статьи Ю. Сурхайхановым и некоторыми изобретателями,

постоянно выступает против существующего в стране порядка госиспытаний смазочных материалов и призывает к допуску в промышленность новых видов смазок без токсикологической проверки, не испытывав их на стендах и в изделиях заинтересованных министерств, то есть призывает к волюнтаризму, анархии, чреватых возможным экономическим ущербом и другими непредсказуемыми последствиями.

Во ВНИИНП работают специалисты с 25—30-летним стажем, многие из них — заслуженные изобретатели РСФСР, отрасли, имеют по 30—40 авторских свидетельств. Результаты этой работы дают народному хозяйству многомиллионную экономию, увеличивают надежность и срок службы изделий в 3—5 раз, а не на 5—10%, как домысливает автор статьи Ю. Сурхайханов.

Встают вопросы: почему т. Сурхайханов, прежде чем публиковать материал, не проверил факты, о которых пишет? Не преувеличена ли в статье роль специалистов по «безызносности» МНТК «Антикор»? Ведь они еще ничего не сделали, кроме того, что подняли шум вокруг явления избирательного переноса. Неужели т. Сурхайханов не замечает, что Д. Н. Гаркунов избрал тон поучений и назиданий, ничего нового не предлагая? Когда его рекомендации проваливаются, он говорит, что, значит, вы не сумели достичь эффекта избирательного переноса. Не напоминает ли это ситуацию времен лысенковщины, описанную в романе Д. Гранина «Зубр»? Когда опыты не получались, Лысенко говорил: «Вы не верили. Надо верить, тогда получится». Чем это кончилось, сейчас всем хорошо известно.

Встает еще один законный вопрос: почему автор статьи пользовался односторонней информацией, не выслушав мнение целых коллективов, которые многие годы занимаются проблемами смазок, имеют большой научный и практический опыт, а безоглядно встал на защиту субъективных суждений автора открытия?

Коллектив отдела смазок ВНИИНП (всего 19 подписей. — Ред.).

Требование «дать возможность и критикуемой стороне высказать свое мнение» мы выполнили.

А вот некоторые из писем, поддерживающих автора огоньковских публикаций.

«Мы внимательно следим за публикациями в вашем журнале статей, посвященных борьбе с трудностями в решении важной народнохозяйственной задачи — повышения надежности и долговечности машин путем реализации эффекта «безызносности» (избирательного переноса) при трении.

Авторы настоящего письма имеют прямое отношение к затронутой проблеме. Один из нас — Аболиныш В. К. — главный инженер Рижского ордена «Знак Почета» производственного автобусного объединения (РПАО), которое первым из предприятий региона прибалтийских республик использовало металлоплакирующую смазку. Старший научный сотрудник, кандидат технических наук Либман Л. М. и кандидат технических наук Кремешный В. М. — представители научного коллектива — разработчика этой смазки.

Как и все металлоплакирующие смазки, наша смазка, имеющая название Металпол (МФС), имеет трудную судьбу. Она была разработана в 1976 г. совместно с Институтом механики полимеров АН Латв. ССР и Рижским ВВАИУ им. Я. Алксниса на основе использования эффекта «безызносности», защищена авторским свидетельством на изобретение в 1979 г. и прошла всесторонние лабораторные и стендовые испытания в организациях-разработчиках и других организациях: Рижском филиале ГосНИИГА, Киевском институте ВНИИПнефтехим, Онежском тракторном заводе, КамАЗе и др. Результаты всех испытаний подтвердили ее эффективность по сравнению с используемыми в настоящее время пла-

стичными смазками Солидол, ЦИАТИМ-201, Литол-24 и Униол-1.

Эксплуатационные испытания смазка Металпол прошла в РПАО в 1980 году также с положительными результатами. С 1981 года началось ее использование в этом объединении. В автобусах «Икарус» ею смазывают узлы подвески, подшипники и форсунки двигателей. До нее в этих узлах по рекомендации завода-изготовителя применяли смазку Литол-24. При этом нередко некоторые узлы, в частности, тяги реактивных штанг, форсунки и т. д., схватывались до такой степени, что при техническом обслуживании ввиду невозможности разборки их разрезали автогенном. Применение смазки Металпол исключило случаи заедания и схватывания в этих узлах. Начиная с 1981 года РПАО от использования этой смазки ежегодно получает по 400 тысяч рублей экономии.

Естественно было желание разработчиков расширить масштабы использования смазки Металпол. Для этого необходимо было ее «легализовать» и организовать широкое производство. С этой целью представителем разработчиков Кремешный В. М. в ноябре 1983 г. встретился с заместителем директора ВНИИНП тов. Никоноровым. Просьба была одна — дать заключение на разработанную смазку. Однако когда товарищ Никоноров Е. М. узнал, что мы сами разработали смазку, да еще металлоплакирующую, он отказался вести дальнейший разговор...

АБОЛИНЫШ В. К., ЛИБЕРМАН Л. М., КРЕМЕШНЫЙ В. М..

«Еще в прежние годы некоторые работники ВНИИНП признавали в личной беседе целесообразность и большую перспективность эффекта «безызносности», но они же говорили, что их стелу никому не пробить.

Добро, были бы успехи у Миннефтехимпрома. Нам, широкому кругу инженеров, известны 2—3 хорошие смазки, но и они неконсистентные и дефицитные. А каково качество подавляющего большинства наших смазок? Все опыты, проводимые мной в годы работы по тематике смазок, показывают нашу отсталость по сравнению с маслами «ШЕЛЛ», «ФИАТ», особенно разительно по несущей способности и долговечности.

ВОЛКОВ К. П., инженер, Одесса».

* * *

«Гипотеза автора статьи, объясняющая непокорный нрав авторов изобретения, не желающих отдавать свое детище «чужому дяде», — это, к сожалению, реальность. То же самое произошло несколько лет тому назад и со смазками ВНИИнефтехима, где эту работу закрыли как непрофильную, а во ВНИИНП, усовершенствовал ее, защитили свой вариант авторским свидетельством и внедряли уже свою разработку. Так что технология борьбы с «нарушителями конвенции» за двадцать лет не изменилась, может быть, несколько усовершенствовалась.

Старший научный сотрудник НПО «Леннефтехим», ЛЕСТЕВА Т. М., Ленинград».

В заключение приводим официальный ответ заместителя председателя ГКНТ СССР И. М. БОРТНИКА, публикуем его:

«В статьях, опубликованных в журнале «Огонек», правильно была подвергнута критике деятельность Миннефтехимпрома СССР и других министерств и ведомств в области внедрения в промышленность открытия — эффект «безызносности».

Необходимо отметить, что еще в 1975 году комитет обращал внимание Миннефтехимпрома СССР и машиностроительных организаций на важность реализации на практике этого явления. В 1985 году мероприятия по внедрению эффекта «безызносности» были обсуждены на коллегии ГКНТ

СССР с участием ведущих ученых и специалистов различных отраслей промышленности и были поддержаны всеми, кроме головной организации — ВНИИНП Миннефтехимпрома СССР.

Из ознакомления с материалами, направленными в Ваш адрес, в редакцию газеты «Правда» и другие организации, можно сделать вывод, что многие ученые и специалисты ВНИИПнефтехим свою энергию и время тратят на подбор материалов, опровергающих эффект «безызносности», вместо того чтобы включиться в работу по внедрению исследований, имеющих положительные экспериментальные и эксплуатационные результаты и выполненных в различных организациях нашей промышленности и высших учебных заведениях.

Следует отметить, что в настоящее время, когда от машиностроителей требуется резкое улучшение технического уровня машин и оборудования, вопрос применения новых прогрессивных смазочных материалов играет большую роль. Многие отечественные машины имеют все еще недостаточный ресурс и требуют при эксплуатации больших затрат на смазочно-регулирующие работы по сравнению с лучшими зарубежными образцами. Индустриальные масла, выпускаемые нашей промышленностью, также не отвечают современным требованиям, так как практически не содержат высокоэффективных присадок. А без прогрессивных смазочных материалов невозможно создать надежные машины, отвечающие современному уровню машиностроения.

Для ускорения разработки и внедрения в эксплуатацию смазочных материалов, реализующих эффект «безызносности», Минавтотранс РСФСР при поддержке комитета создал инженерный центр по проведению эксплуатационных испытаний смазочных материалов в узлах трения автотранспортной техники в различных климатических зонах страны.

Внедрение смазочных материалов, обладающих новыми качествами, естественно, процесс сложный, требующий принципиально новых методик, обеспечивающих объективную оценку их, не всегда привычных для нефтехимиков свойств. В связи с этим иногда возникают спорные вопросы, которые необходимо решать с позиций улучшения эксплуатационных свойств материалов, если мы действительно хотим поднять наше машиностроение на более высокий уровень.

Аналогичные работы ведутся и за рубежом. Для сведения направляем Вам информацию фирмы «Сифаль».

Следует отметить, что автор статей тов. Сурхайханов несколько более эмоционально, чем следовало бы, изложил отдельные стороны важной проблемы, но это уже вопрос литературного стиля, а не существа дела».

* * *

ОТ РЕДАКЦИИ. Из всего вышеприведенного можем сделать вывод, что продолжение дискуссии по этой специфической проблеме вышло за пределы компетенции нашего массового издания. Свою задачу по привлечению как общественного мнения, так и профессионального внимания специалистов к проблеме повышения износостойкости машин и оборудования журнал считает исчерпанной.

Редакция благодарит всех, кто прислал свои отзывы на серию публикаций «Огонька».

ОЛЕГ ЕФРЕМОВ... ЭТО ЗНАЧИТ
СЕГОДНЯ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ИМЯ ОДНОГО
ЧЕЛОВЕКА. ИМЯ ЭТО ОБЪЕДИНЯЕТ
ОДНИХ, РАЗВОДИТ ДРУГИХ. ОНО
ДАВНО СТАЛО СИМВОЛОМ ВРЕМЕНИ,
ПАРОЛЕМ, НЕ ТРЕБУЮЩИМ
РАЗЪЯСНЕНИЙ, ТЕМОЙ
ТЕАТРОВЕДЧЕСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ,
МИШЕНЬЮ ДЛЯ ПАРОДИСТОВ И НЕ
ОДНОЙ, А СРАЗУ НЕСКОЛЬКИМИ
ГЛАВАМИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО
ТЕАТРА. СОБЫТИЙ В ЕФРЕМОВСКОЙ
БИОГРАФИИ МОГЛО БЫ ХВАТИТЬ
НА ДОБРЫЙ ДЕСЯТОК САМЫХ
УДАЧЛИВЫХ ТЕАТРАЛЬНЫХ КАРЬЕР.
ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ЕМУ
ВСЕГДА ВЕЗЛО.

ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

АВАНСЦЕНА

Как никто, Ефремов познал горечь разочарований, предательства, утрат. И все же по рождению, по расположению звезд он победитель. Победать — его призвание и судьба. И все, что есть в искусстве Ефремова подлинного, — все это связано в первую очередь с его целеустремленностью, а точнее сказать, окрыленностью над пропастью чужих страхов, сомнений, угроз всевозможных «последствий».

Андрей Вознесенский сравнил Ефремова с репинским бурлаком, тяжело

тянущим лямку перегруженной мхатовской баржи. Я вижу его другим — стремительным, застегнутым на все пуговицы, готовым к веселому напору, натиску, бою. Не бурлак, вязнущий в горячем волжском песке, но умелый и бесстрашный водитель стремительной «Волги». Эта ясность в глазах, эта насмешливая невозмутимость, эти сильные, жилистые руки, небрежно брошенные на руль, — вижу его посреди тьмы выхваченным случайным огнем светофора, рвущимся вперед и исчезающим в московской ночи.

Когда началась эта гонка? Когда впервые он дерзко рванул на красный свет всевозможных запретов и предразсудков? С чего вести отсчет победительного ефремовского марафона? Может быть, с «Вечно живых»? — скромного, непарадного реквиема павшим, которому суждено было стать одним из главных театральных манифестов эпохи? Ведь это тогда, в 56-м, впервые прогремело имя Ефремова как режис-

сера, строителя нового театра. Но нет, старт был раньше, много раньше.

...Шины шелестят по арбатским переулкам, где прошло его детство, мимо старомхатовского дома Калужских, мимо дома в Нащокинском, где когда-то жил Михаил Булгаков. Самого хозяина Ефремов не застал, но, бывая в гостях у друзей — Сережи и Жени Шиловских, сыновей Елены Сергеевны Булгаковой, — хорошо запомнил тесную, заставленную квартиру и веселенький желтый плакат, висевший в прихожей для всеобщего обозрения: «Водка — враг, сберкасса — друг». Дом тот давно снесли, нет в живых Елены Сергеевны, еще раньше, в середине 50-х, умер Женя Шиловский, а не так давно и Сергей. И переулок давно переименован в улицу Фурманова. Поэтому — мимо, мимо несохранившихся руин ефремовского детства. Мы о них почти ничего не знаем, а сам он не любитель вспоминать.

...Спидометр показывает сто, столько

С. НИКОЛАЕВИЧ

сии во главе с хмурым Николаем Павловичем Хмелевым знал, что этот нескладный, долговязый, обритый наголо парень станет главным режиссером Московского Художественного театра... Если бы вообще человек мог что-нибудь знать наперед...

А Ефремов знал, что это будет его дом, что, как бы далеко судьба ни увела от этого здания с причудливыми фонарями на фасаде и гибнущим гипсовым пловцом над одним из подъездов, он все равно вернется. И потянет на себя медное кольцо двери, и войдет в уютный полумрак торжественного зрительного зала... На всю жизнь он полюбит особую мхатовскую тишину, в которой слышно, как потрескивают накаленные прожекторы и бесшумно расходится оливковый занавес. Навсегда запомнит ощущение тревоги, необъяснимого беспокойства, подступавшее каждый раз при появлении великих артистов. И аплодисменты на выход, и овации на уход, и цветы на поклон. Белая сирень... Все это, дополняя друг друга, складывалось в некий совершенный образ театра-праздника, театра, хранящего отблеск победных салютов и мажорный отзвук победных маршей, театра, овеянного мечтой о несбыточном, вроде того белого «мерседеса», промелькнувшего мимо и скрывшегося за поворотом.

Кажется, тогда, во времена театральной юности Ефремова, избегали понятия «массовая культура». И все-таки именно МХАТ, как никакой иной театр страны, был в 40-е годы достоянием масс. Подобно классикам, издаваемым миллионными тиражами, мхатовские спектакли, великие и невеликие, входили в духовное сознание нации, олицетворяя само понятие «театр». Хорошо поставленные мхатовские голоса раздавались с образцовым постоянством в отечественных репродукторах и трофейных телефонках, озвучивая скудный коммунальный быт неземной музыкой далеких страстей, невероятных судеб и мало кому доступных радостей.

Тарасова и Ливанов, Добронравов и Хмелев — все они были выбраны в «звезды» не за один талант, но за редкую способность совмещать законы творчества с жесткими нормативными требованиями, предъявляемыми временем. Они творили искусство, приподнятое над жизнью, приближенное к некоему классическому канону. Чувствовался один стиль. Стиль избранничества и гордого совершенства. Отделенные от повседневной жизни своих рядовых зрителей призрачным светом рампы, торопливым стрекотом проекторов, номенклатурным пайком и всенародным обожанием, они казались избранными судьбы. И, в сущности, таковыми они и являлись. Лишь спустя годы Ефремов сумеет понять всю ненадежность и непредсказуемость этих «звездных» судеб. Недаром так запомнится сдавленный, глухой стон Добронравова в «Дяде Ване»: «...из меня мог бы выйти Шопенгауэр». Боль невоплощенного и постоянный унизительный страх сорваться с достигнутых высот саднили душу многим ефремовским кумирам даже в высшие минуты торжества и признания.

Может быть, поэтому, став главным режиссером МХАТа, он возьмет на себя трудное и хлопотное дело опеки над мхатовскими стариками, стараясь максимально щедро обеспечить им последние годы сценической жизни. Вместе с Анатолием Васильевым он настроит и заведет тихое «Соло для часов с боем» — этот спектакль-бенефис, спектакль-концерт, в котором пропоет, произведет, пролепетает грустная мелодия прощания и какой-то бессильной мольбы, обращенной ко всем остающимся. Ефремов попытается задержать этот мерцающий слабый звук сколько сможет, будет сберегать в театре печальное эхо угасающих голосов, а в начале восьмидесятых попытается на один-два сезона воскресить из пенсионерского забвения колоратурное

сопрано Марии Бабановой. Ведь именно по его инициативе великая актриса была приглашена на свою последнюю гастрольную роль в спектакле по пьесе Эдварда Олби с символическим и страшным названием «Все кончено».

Но это еще не скоро. А пока мхатовские лидеры полны силы, желаний и гордыни. И они вовсе не собираются сдавать позиции, отвоеванные на безрежиссерье и бесконфликтной драматургии.

Ефремова по окончании училища во МХАТ не взяли. «Этого молодого человека не то что артистом, зрителем во МХАТ нельзя пускать», — грозил и гневался Кедров. За что? Наверное, у него были на то свои резоны. И Ефремов уйдет, засунув руки в карманы, уйдет, оставив им их театр. И выше поднимет воротник пальто, чтобы пройти к служебному входу Центрального детского театра, — случайный прохожий, по которому нельзя узнать, кто он и откуда он родом. Однако там его уже ждали — срочные вводы, новогодние елки, валенки и накладная борода Деда Мороза, кафтан и парик Иванушки-дурака, шумные оравы детей школьного и дошкольного возраста. Там его ждали изматывающие актерские будни, скромное жалованье и редкие праздники, случайно выпадавшие посреди затянувшейся послевоенной зимы конца 40-х — начала 50-х годов. В ЦДТ он познакомится с начинающим режиссером Анатолием Эфросом.

С первых же эфросовских спектаклей за Ефремовым закрепится амплуа нового социального героя, а точнее, «антигероя», принципиального антипода того безупречного, отутюженного Кавалера Золотой Звезды, которого директивным порядком в течение долгого времени внедряли в искусство и в быт. А героя Ефремова никто не внедрял. Он жил где-то рядом, поблизости, неразличимый в своем москвовшевском костюме и белой рубашке от сотен таких же молодых людей.

Герой Ефремова — это всегда старший брат, муж, отец, надежный, сильный человек, принимающий жизнь без страха и особых иллюзий. Его крупные планы задерживали взгляд, не отпускали, странным образом утешая какой-то усталой, молчаливой внимательностью. Так умеют смотреть врачи, желая ободрить и поддержать даже самых безнадежных больных. Недаром одной из лучших ролей Ефремова в театре стал доктор Бороздин в «Вечно живых», а в кино — сказочный Айболит. «Это даже хорошо, что сейчас нам плохо».

Сейчас бесконечный список его ролей в театре и кино представляется громадной очередью, где стоят люди разных возрастов, социальных слоев, званий, положений, эпох. Но в самом начале — розовские максималисты, дурашливый Иванушка и неистовый Самозванец — последняя роль Ефремова в ЦДТ. «Но решено: завтра двину рать».

Рати у него еще нет и в помине — всего несколько молодых актеров, недавних студентов того же мхатовского училища, с которыми он репетирует по выходным и ночами после спектаклей, стайка поджарых, «подбитых ветерком», заносчиво-бедных и небрежно-стильных «звездных мальчиков» и накрашенных модных девочек, готовых послушно сорваться за ним куда угодно. Сейчас они ждут его в «Артистическом» — этом голодном приюте начинающих гениев и будущих «звезд».

...Притормозим здесь на минутку. Все-таки как-никак это кафе — одна из главных достопримечательностей ефремовской биографии. Его общепитовский «Славянский базар». У него еще нет своей машины, но он уже может позволить себе такси. Его еще не узнают на улице, но официантки ВТО и «Артистического» охотно ссужают в долг. «Се си бон, это так хорошо». Ему двадцать девять — гениальный возраст, чтобы начать свое дело — напечатать книгу, возглавить новый журнал, от-

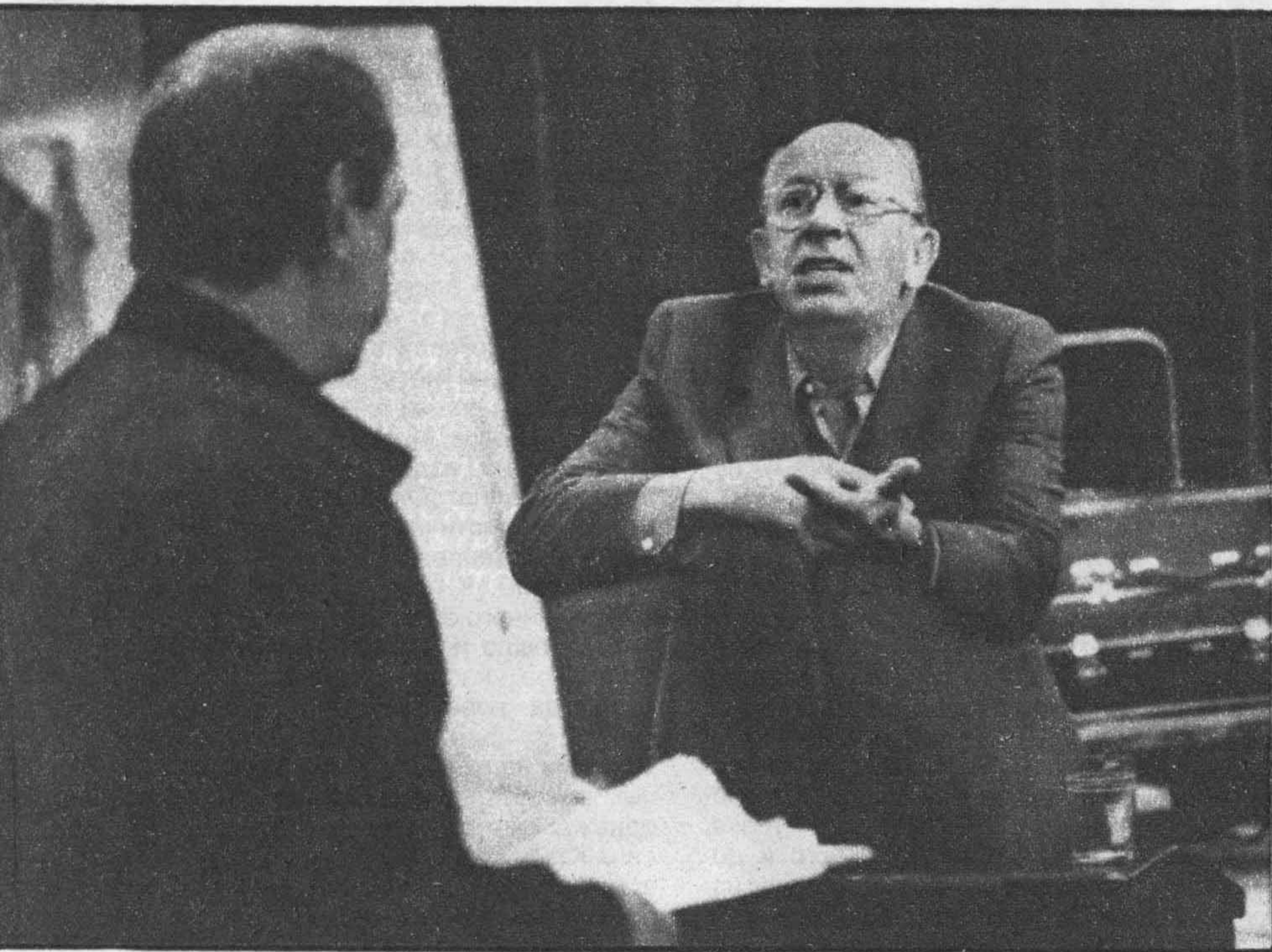
крыть свой театр или снять фильм. Он знает, что наступил его день, выход объявлен, занавес поднят, и ему придется и впрямь сказать, что он думает, чем намерен заняться всерьез и что для него всего важнее.

Планы будущего театра, его репертуар, организационная структура, наконец, его название обговаривались здесь под звяканье посуды и тихий перебор гитары молодого человека в старом пиджаке. «Но если вдруг на той войне мне уберечься не удастся...» Говорят, там действительно бывал первый бард эпохи, а тогда мало кому известный редактор из издательства «Молодая гвардия» Булат Окуджава. Увы, декорацию «Артистического» сейчас приходится восстанавливать по чужим воспоминаниям. В годы моей собственной юности ничего этого в «Артистическом» уже не было и в помине. Запомнилось заурядное кафе с очень дорогими и всегда пережаренными цыплятами табака, с приезжими, растерянно взиравшими на цены в меню под недовольным присмотром официантов. Впрочем, однажды я там видел Анатолия Петровича Кторов. Он был в плаще и в галошах, со старинным саквояжем, с которым раньше делали визиты врачи и нотариусы. Он засовывал в саквояж кастрюлю с дымящейся едой и очень ругался...

История затеянного и созданного в 1956 году театра-студии «Современник» — это история поколения, людей, встретивших двадцатипятилетними XX съезд партии, своими глазами прочитавших казенную бумагу с длинным словом «реабилитирован» и незаметно растративших пачку старых сотен, которые полагались в размере двух окладов за безвинно пострадавшего кормильца. «Современник» был спутником молодости, символом наступивших перемен. Это не значит, что он становился предметом обожания, какое вызвал, скажем, юный Ван Клиберн. Театр Ефремова был товарищем.

Жизнеспособность «Современника» была обеспечена не одним вдохновением, но и упорством, не только талантом, но и последовательностью. Ефремову не нужны были отдельные открытия. Им владела мысль о радикальном повороте, о движении к правде, завещанной великими реформаторами русской сцены и безнадежно утерянной их эпигонами. Поначалу он установит самые тесные, какие-то домашние отношения с бытом, с жизнью вне сцены, с людьми из зала. Никакой «звездной» недосягаемости, никакой таинственности — здесь все свои. Искусство театра состояло в приоткрытии жизни, сохраняющей свою узнаваемость, прозу, незначущие подробности и оттенки, в неторопливом сценическом бытии, высвеченном честным оптимистическим светом. Жизнь не только узнавала себя, заглядываясь на ефремовских актеров, но в каком-то смысле выверяла по «Современнику» свой облик и стиль. Их юмор, их раскованность, их ритмизованный московский жаргон, их шпильки, начес, бретельки и галстуки — все это бредило душу откровением подлинности.

...Шины верещат на поворотах. Вот и площадь Маяковского с погашенной вывеской гостиницы «Пекин» и великим поэтом на пьедестале. Лиля Брик говорила, что этот атлет в тройке совсем не похож на Володю. Он не смог бы написать ни одного стихотворения и уж точно бы не застрелился. Однако за его бронзовой спиной «Современник» проживает свои самые громкие, самые «звездные» десять лет. Десять лет баснословной славы, высоких порывов и дорогих побед. Их возят за границу, их наперебой приглашают сниматься в кино, к ним водят именитых иностранцев. «Современник» — главная театральная достопримечательность Москвы и один из наиболее почитаемых туристских объектов. Да, конечно, и здесь есть свои проблемы. Бывают и ссоры, и борьба честолюбий. И с каждым сезоном все труднее сдавать на-

чальству спектакли. Чего стоила Ефремову вся чиновничья волокита вокруг «Большевиков» М. Шатрова, поставленных к 50-летию Октября, когда ему пришлось мчаться к Фурцевой и, не добившись приема, подсовывать под дверь министра записку с просьбой посмотреть спектакль! Надо бы сохранить этот клочок бумаги с прыгающими, написанными на ходу строчками как исторический документ надвигающейся эпохи застоя. Впрочем, тогда все окончилось благополучно. Екатерина Алексеевна любила Ефремова и широким жестом просвещенной правительницы разрешила спектакль без всякого «лита».

Так почему же ефремовская «Волга» рванула прочь от родного дома на площади Маяковского? Почему он не обернулся на все крики и призывы бывших единомышленников, предоставив им одним перебираться на Чистые пруды, в здание бывшего «Коллизея», которое отныне, в окружении иномарок и экспортных вариантов «Жигулей», станет символом благоденствия бывших шестидесятников? Нет, конечно, они не бежали за ним по Садовому кольцу, простирая руки и обещая все простить. Тогда, в те два дня и две ночи, когда Ефремов их убеждал, предлагая начать все сначала, они сказали много злых и несправедливых слов, которые он уже никогда не забудет. И все же ощущение какого-то сиротства, пустоты и виноватой растерянности при мысли «Ефремов уходит» не покидало даже самых стойких и самоуверенных из труппы «Современника». Зафиксируем это ощущение и... поедem дальше.

Ефремова ждут на историческом обеде у Яншина. Михаил Михайлович с утра ездил за клубникой на Центральный рынок. «Вы любите клубнику с сахаром, Олег Николаевич?» Мхатовские старики держатся выжидательно, несмело и напряженно. Их встреча за богато сервированным яншинским столом напоминает не то приподнявшееся сватовство, не то преждевременные поминки. В любом случае все понимают, что, согласившись на приход Ефремова в МХАТ, им придется проститься с их парадным, юбилейным семидесятилетним прошлым, с тем театром, который, грузно поскрипывая на крутых исторических поворотах двух последних десятилетий, оставался в арьергарде театрального каравана, а теперь и вовсе застыл в бессильной неподвижности. Смятение читалось на одних лицах, страх — на других, стоическая решительность — на третьих. Правда, еще в 1956 году самый дальновидный и трезвый политик МХАТа Ангелина Юсифовна Степанова предлагала на заседании художественного совета: «Если приглашать со стороны, то наи-

более подходящей кандидатурой является Ефремов. К тому же он знает современную молодежь». Она была «за» ефремовский приход на любых условиях. Яншинские гости во главе с хозяином дома — тоже. Но были и решительные противники. Например, Борис Ливанов, оскорбленный этим, как он считал, «сговором», громогласно откажется переступить порог театра и даже зарплату велит переводить себе на сберкнижку. Вскоре он умер. Но закулисная оппозиция недовольных, постоянно менявшая свой состав и методы ведения борьбы, оставалась. Она делала все, чтобы существование Ефремова, особенно в первые, да и в последующие годы, было невыносимым. Попытка проститься с некоторыми из ее числа, а заодно сократить неуправляемую огромную труппу не нашла поддержки ни в самом театре, ни у высшего начальства. Более того, тут же последовал вельможный окрик, мол, что вы себе позволяете, Олег Николаевич, главрежи приходят и уходят, а МХАТ — это навсегда, вот и работайте, творите образы, достойные нашего времени! Он и творил...

Сейчас, когда пытаешься вообразить себе ситуацию Ефремова в МХАТе тогда, в 1970 году, невольно задаешься вопросом: зачем все это было ему нужно? Осознание приближающегося кризиса «Современника», обидной истерпанности пройденного? Желание переменить декорацию, а заодно и все вокруг? Неумное честолюбие и злая жажда реванша? А может быть, законное, во всяком случае, вполне объяснимое к сорока годам стремление вернуться в дом, который всю жизнь считал своим и который сейчас, как никогда, нуждался в заботе, терпении, умелых руках? Конечно, Ефремову было бы несравненно легче, если бы труппа «Современника» согласилась перебраться в проезд Художественного театра, чтобы стать его главной опорой в перестройке МХАТа.

Собственно, тогда у Яншина обо всем уже договорились.

Но дружный и надменный отказ «Современника» спутал Ефремову все карты. Он не растерялся, хотя давал себе ясный отчет, что взять штурмом теперь не удастся. МХАТу не нужны были «спектакли вообще» и успех любой ценой. Нужны были своя линия, новый курс, достойная перспектива. Надо было вернуть престиж первого театра страны или закрываться. Ефремову предстояло фактически начинать все сначала. Субъективно теперь было легче, чем в 1956 году: на него работали слава «Современника» и репутация одного из лучших советских актеров, он был вхож в самые неприступные каби-

неты, наконец, он пришел сюда не один — с ним были его друзья. Их кожаные пиджаки, мелькавшие в партере и фойе, их уверенные голоса ободряли как приметы новой жизни, неизбежной и неистребимой даже в этих нафталином пропахших коридорах.

На деле оказалось все куда труднее: следовало самому менять стиль, содержание и навыки работы, сложившиеся за годы полновластного, абсолютного лидерства. Режиссерские «интуиция и чувство» (воспользуемся термином К. С. Станиславского) вели в сторону большей театральности, какой-то нарядной, праздничной условности, приподнятости сценической лексики. Изысканные пейзажи и перегруженные натюрморты «Дульсинеи Тобоской» А. Володина сменялись современными малогабаритными интерьерами «Валентина и Валентины» М. Рождина, пустоватое, едва стилизованное пространство «Медной бабушки» Л. Зорина — добросовестно натуралистичными декорациями «Сталеваров» Г. Бокарева.

Своею спокойной, тяжеловесно-реалистической манерой Ефремов вторгался в новый раунд спора традиционалистов и новаторов. Новаторам начала семидесятых годов Ефремов казался уже немного старомодным, и он осознанно противопоставлял себя сторонникам «новых форм». Он избрал путь, единственно возможный для успеха и самый трудный: путь обновленной традиции и бескомпромиссной гражданственности. Ефремов ищет, переделывает, приспособляет то, в чем ему слышится голос современной жизни, где прощупывается ее пульс. Он сам надевает рабочий берет и спецовку бригадира Потапова, чтобы с мрачноватой решимостью начать борьбу с круговой порукой лжи, всеобщего подкупа и лицемерия. Он будет, как всегда, честен в этой роли борца за справедливость. Но странное ощущение возникало от его игры... не то что лицедейства и театрального наигрыша, но ощущение опасной для таланта несоразмерности личностного масштаба исполнителя и уровня драматургии, предпринимаемых душевных затрат и полученного результата.

Эффект «силы в пустоте» производили ефремовские герои да и все спектакли МХАТа на производственную тему в общественной ситуации середины 70-х годов. Что нам хотел объяснить театр? Чему научить: что воровать у государства стыдно, что ложь неэкономична, что «обратная связь» по типу ты — мне, я — тебе порочна и отвратительна... Но менялось ли что-нибудь от этих призывов и правильных слов?

Театр работал на холостом ходу. Сложная сценическая машина создавала эффекты, которые все глуше доносились до общественного сознания сквозь барабанный бой липовых показателей и хрустальный звон юбилейных славословий. В последнем производственном детективе из гелльмановской серии, в «Наедине со всеми», у Ефремова были потрясающие минуты, когда в финале, после ухода жены, посреди развала и разгрома, оставленного их затяжной сварой, он будет говорить по телефону с сыном, позвонившим из больницы, — как произнесет он первые заготовленные слова, как будет заботлив, спокоен и добр. Но, выдержав до конца короткий, ничего не значащий для сюжета обмен репликами, простившись и бережно повесив трубку, он мгновенно как-то постареет, потемнеет лицом и жадно начнет раскуривать сигарету, задохнувшись от дыма и подступивших слез, а потом отвернется, чтобы мы не видели этого внезапного приступа слабости и смятения... Мы глаз и не видим — только спину, эти вдруг сгорбленные усталые худые плечи. При чем тут «неэкономичная ложь» — о проблемах отечественной коррупции, наверное, никто и не вспоминал: у меня в памяти маячила спина знаменитого смертника месье Верду из чаплиновского фильма, уводимого в финале на электрический стул... Невероятное сходство.

В 80-е Ефремов ставит чеховские пьесы. Для него это было как возвращение во времена его мхатовской юности, а точнее, как экскурсионный заезд к антиквару. Цены несметные, а потому никаких корыстных намерений. Только внимательное и немного праздное разглядывание, только особенная нежная щепетильность — не дай бог порвать, уронить, испортить, только неукоснительное соблюдение всех авторских ремарок и указаний.

Ефремов знал, что восстанавливает жизнь, овеянную легендой, и не боялся явных театральных цитат и аллюзий. Но зрителям не мешало, что ампирная беседка в «Чайке» скопирована В. Левенталем с символьских эскизов к первой постановке Чехова во МХАТе — эта беседка, смутно белеющая со страниц всех учебников по истории русского театра, несла на себе печать ушедшей театральной эпохи, так же как боа и кружева Елены Андреевны, словно бы извлеченные А. Вертинской откуда-то со дна бабушкиных сундуков... и вся эта антикварная, потемневшая натура, вдруг явившаяся из тьмы времен свидетельством того, что все это было, было!

Реставрируя жизнь по Чехову, Ефремов как бы заново открывал мир клас-

Последняя мхатовская премьера «Перламутровая Зинаида» — спектакль-памфлет, где Ефремов подводит неутешительные итоги и весело прощается со своим прошлым.

На репетиции вместе с артистами драматург Михаил Роцин.

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

...Скрипят тормоза. Гололед 82-го года. Привычный маршрут со Старого Арбата на Старую площадь. Включить, что ли, радио? Что там поет первая дама нашей эстрады — «Все могут короли, все могут короли...» Да, он может все — этот усталый, немолодой человек с осунувшимся от бессонницы лицом. Он добьется, чтобы на его неразрешенный спектакль приехали руководители страны.

«Все могут короли, все могут короли...» Ах, Алла, Алла! О чем ты еще напеваешь, оплачивая своим смехом, слезами и голосом мхатовские билеты, купленные в нагрузку на твои концерты? Их вялая распродажа — верная примета конца.

Конец — в образцово-отлаженной театральной машине, перемалывающей все новое, свежее, непривычное. Вон как потерялись во мхатовской гуще ефремовские выпускники школы-студии, с которыми он связывал такие надежды. Конец — в довольстве собой, когда нет ни стимула, ни желания рисковать, пробовать, может быть, даже ошибаться, но жить искусством. Конец — в накоплении отрицательной энергии взаимного раздражения, которой нет иного выхода, кроме как в месткомовских страстях и скандалах. Обманчивое сияние званий, наград, поощрений, комплиментарной критики ослабляло не только творческую зоркость, но слепило душу.

Собственно, из этой горчайшей тоски

Продолжение на стр. 25.

сической русской культуры, как будто впервые видел и красоту осенних сумерек, и красоту жаркого летнего полдня, и красоту влюбленной женщины, бесстрашно устремившейся навстречу любви и судьбе, и красоту ночного неба и звезд, и всей жизни, создаваемой как нечто вечное, непобедимое. Я не знаю, можно ли считать удачу ефремовских постановок Чехова стопроцентной. Но мне они по душе: здесь Чехова хотели понять. И воплотить, потратив все наличные средства и приложив максимум усилий.

Пожалуй, больше чем на любых других ролях Ефремов преуспевает в эти годы в роли коллекционера и собирателя актерских талантов. МХАТ начала 80-х — это своего рода «традиционный сбор» бывших лидеров поколения. Каждый из них возвращался со своим прошлым, сложившейся репутацией и нажитым опытом борьбы за место на авансцене.

Это уже были не те мальчики и девочки, терпеливо поджидавшие его в «Артистическом». Больше они не собирались начинать все сначала. Время дебютных взлетов и озарений давно миновало. Еще тогда, в 1970-м, когда Ефремов их оставил, а здание «Современника» превратили по распоряжению властительного ГлавАПУ в кучу щебня и мусора, тогда ведь рухнули не одни стены, было подорвано что-то более важное — вера в свою судьбу, в собственное предназначение, в то, что всем вместе им удастся справиться с жизнью. «Всем вместе» с тех пор не получалось. Каждый брел отдельно, наугад, не разбирая пути, который неминуемо возвращал их к мхатовскому подъезду, к человеку, с которым так или иначе оказалась связана вся жизнь.

Немолодым премьерам хотелось одного — покоя, надежного крова, беспешных репетиций и нечастых вводов. Но у Ефремова с ними связаны были другие планы. Он мечтал создать театр великой труппы, а получался театр разнокалиберных звезд. Он хотел собрать дружный ансамбль, а на деле выходили спектакли, как будто сплошь составленные из бенефисных выходов и номеров. Разочарование его было тем обиднее, что реальной замены ушедшим мхатовским старикам он не находил ни в среднем поколении, ни у молодых. «И вот я управляю оравнодушенно театром, без аппетита, без большой любви, словно рассчитывая на какую-то катастрофу, которая вскроет наконец правду». Это не Ефремов, это В. И. Немирович-Данченко написал в 1915 году. Значит, все уже было...

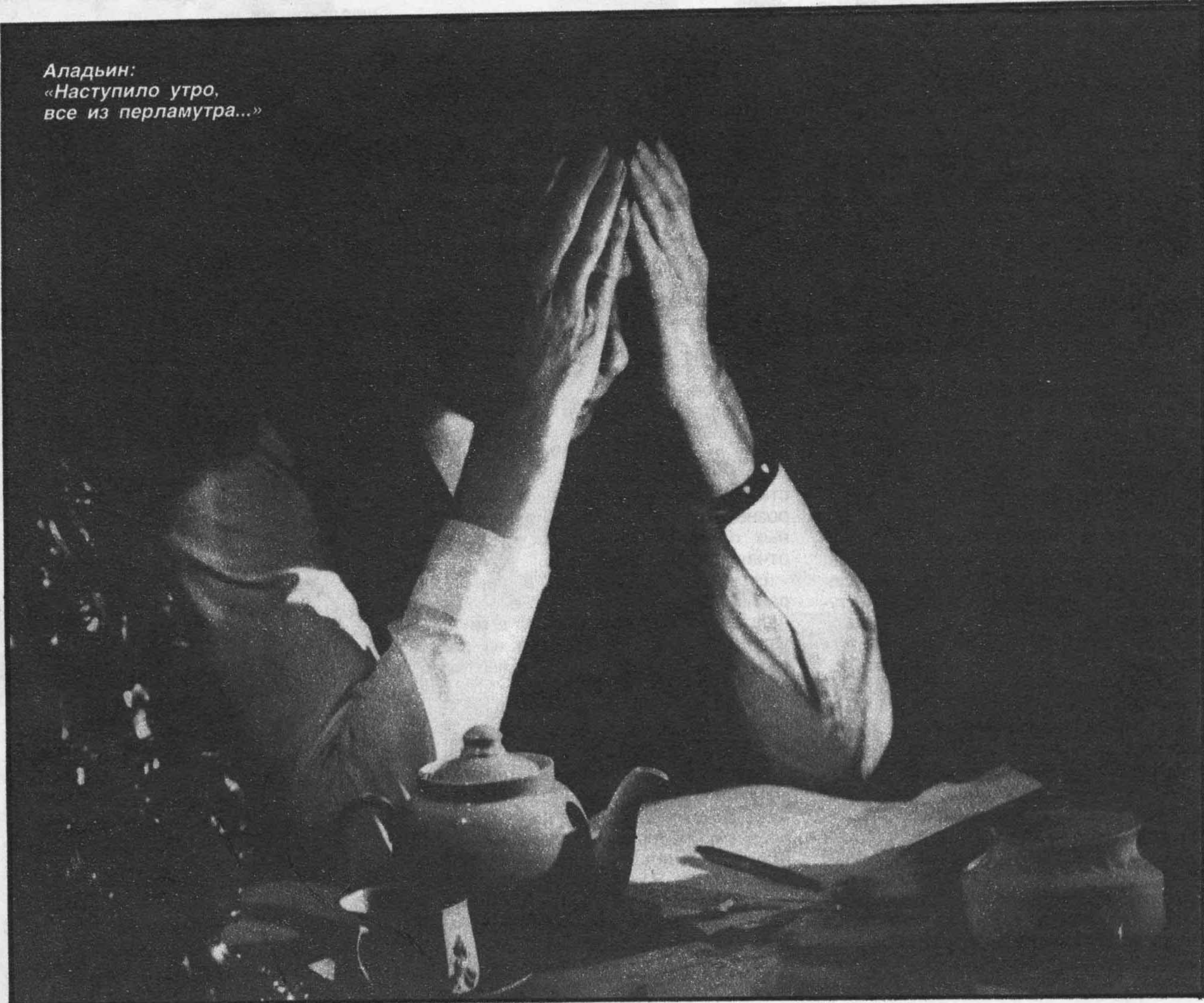
Машина стоит на приколе. Никто куда не спешит. Хозяин уже который

день не выходит из нового здания МХАТа на Тверском бульваре. Идет сдача съездовского спектакля «Вам — завещаю!» М. Шатрова. Речь о Ленине и его Политическом завещании, о судьбе революции, предсказанной вождем и не воплощенной его преемниками. Обращаясь к этой теме, Ефремов стоял лицом к лицу с задачей необычайной сложности и одновременно политической ответственности. Он рисковал, но у его замысла была надежная опора — текст исторических документов и актерское честолюбие Александра Калягина, сыгравшего трагедию своего героя в истинном ее масштабе, игнорируя любой шаблон и схему.

Спектакль захватывал каким-то тяжелым натиском, как один нескончаемый монолог, почти без пауз, воздей-

ствующий сочетанием страсти и методичности. В каком-то смысле это был спектакль-проповедь, обращенный к тем, кто оставался верен идеалам Октября, зовущий и непреклонный в своем истовом максимализме. «Так победим!» Название пришло позднее. Когда же первый раз спектакль запретили, кто-то из мхатовских шутников переименовал «Вам — завещаю!» на «Вам — за вещами». Впрочем, тогда было не до смеха. Борьба вокруг спектакля затянулась надолго. Однажды в присутствии актеров Ефремов наберет нужный телефон и, едва сдерживаясь, глухим голосом будет настаивать: «Я прошу вас только об одном: прийти и посмотреть...» Из трубки высокомерное: «Я этот сценарий смотреть не буду...»

Аладьин:
«Наступило утро,
все из перламутра...»

СУТЬ И ЗРЕЛИЩЕ ГАМЛА СТАН

В Старом Городе Стокгольма

Стокгольм распространяется широко окрест на острова и берега, оставшись на изначальном своем холме как Гамла Стан — Старый Город. Вместе с Обелиском на вершине холма у дворца короля Гамла Стан являет собой «твердость шведского камня, обработанного шведскими руками». Твердый камень скреплен славным шведским железом с рудоносных шведских земель. Камень и железо в мастеровитой обработке каменщиков и ковалей сложились в добротные дома, расположенные вдоль старых, экономных, «в одну лошадь», узких улиц.

Сработанные встарь купола, шпили, крутые крыши, флюгера, фонари, столбы, лестницы, кованые узоры вывесок определяют фон современной жизни Гамла Стан. Над ними — через каждые четверть часа резкий железный перезвон трех местных звонниц. Внизу по гранитной брусчатке мощеных улиц цокают каблучки, как некогда подковы лошадиных копыт.

Парадный интуристский вид с уютными улицами и набережными, «как чисто выметенный пол танцкласса», Гамла Стан приобрел совсем недавно. С 60-х годов Общество энтузиастов истории и архитектуры Святого Эрика (покровителя Стокгольма) и городской Совет по охране культурных и природных памятников очень деятельно взялись за приведение в порядок Старого Города и превратили его в архитектурный заповедник.

А до этого Гамла Стан как скопище громоздившихся средневековых домов был темным, сырым, зловонным, перенаселенным и почитался неисправимо запущенным, так что раздавались голоса даже за то, чтобы его просто снести: дело нехитрое.

Творческая интеллигенция и городские власти сделали все возможное, чтобы превратить Гамла Стан в средоточие культурной жизни и привлечь туристов.

Кроме восьмидесяти стилизованных харчевен, в Гамла Стан четыреста магазинов и лавочек, часть которых оформили и держат художники Стокгольма. Здесь можно спуститься в подвал-мастерскую к горшечнику у гончарного круга. Можно подолгу рассматривать искусно сконструированные витрины «лавок древностей». Рядом ютятся лавочка старинных кукол и магазин одежды прошлого века. Популярны магазинчики с морским антиквариатом и сувенирами, миниатюрными моделями старинных парусников, дизельных и паровых судов вперемешку с картами и навигационными приборами.

Лавочки получают дотации. Само-

стоятельно им не продержаться. Многие из них возникают весной и закрываются с окончанием туристского сезона.

Здесь же несколько художественных галерей, архитектурные мастерские, студии музыкантов и убежища писателей.

Поэтика бюргерской жизни выражена в изречениях на фронтонах особняков в Гамла Стан такими, например, словами: «Будь ко всем дружелюбен, но не верь и одному из тысячи. Да удаляйся от тебя враги твои, но будь настороже и с друзьями».

Нравы современной Швеции, как это ни странно, определили не романтические события, не доблесть рыцарских орденов, не высокие идеалы и тем более не беспочвенные мечтания и стремления. Швецию издавна определила традиция «стоять ногами на земле».

И сейчас скандинавский, в частности шведский, путь — это «немножко принципов, скромный выбор, очень много аргументов в процессе работы и очень осторожное взвешивание интересов». Ну, а что же Гамла Стан? Как здесь ходится «ногами по земле»?

В пятницу вечером взрывается тишина трудового Стокгольма. Как будто нарастает гул, слышится топот. Похоже на шумное перемещение огромного стада.

Преображается метро. Обычно это надежное, каждые двенадцать минут подающее поезд на своих девятиста четырех станциях, спокойное транспортное средство. Сейчас это нечто особенное.

Нарастающий шум толпы усиливает назойливую агрессивность рекламы по всему пространству станций и вагонов.

Толпа дисциплинирована, нет грубости. Пугает только это скопление разрозненных, принципиально отчужденных одиночек, в которых чувствуешь отчаяние и решимость.

На станциях метро и в переходах располагаются музыканты, в основном надрывные поп-исполнители с гитарой. Что-то английское, но слов не разобрать, в гулком туннеле слышны только удары по струнам.

Мимо сплошной вереницей быстро проходят безразличные люди.

Говорят, что шведы не доверяют человеческим страстям и поэтому предпочитают жить по правилам. «Правило ведь само по себе не может быть капризным, жадным или злым, и поэтому его следует предпочитать человеческому фактору. Правило наиболее близко идеалу чистого разума, и функция человека — буквально выполнять его». Для шведов это аксиома.

Материально люди здесь обеспечены, но социально и эмоционально голо-

дают. И этот голод гонит их в толпу гуляющих по узким улицам и переулкам Гамла Стан.

Многие шведы при опросах говорят, что боятся рационализации и компьютеризации: все мчится так быстро! Они боятся «пропустить поезд», ненавидят спешку. Уменьшилось физическое изматывание, но увеличилась психическая нагрузка, и люди устают гораздо больше, чем раньше.

Расслабиться! Забыться среди уютных ностальгических витрин, уйти от агрессивных линий современного Стокгольма, от «технотронной» цивилизации к свечам с бутылкой в погребке харчевни.

«Ешь, пей и будь доволен!»

Этот лозунг вездесущ. В каждой газете, в любом магазине, при всех рекламных съездах. Он превратился в официальный девиз сегодняшней шведской жизни.

Ежедневно в Гамла Стан на тумбах, на столбах, на специальных стендах и просто по стенам расклеены десятки объявлений. Они, как правило, писаны от руки флюмастером, часто с рисунком, непосредственные, энергичные, графически культурно выполненные.

«Город — как сцена. Приглашаем в нашу студию».

«Алхимический театр-мастерская. Из Нью-Йорка. Это забавно. Это серьезно. Цена курса 350 крон. Программа: Арто. Мейерхольд. Живой театр. Биомеханика. Коллективное творчество. Техника сцены. Представление».

«Человек не может черпать энергию только из интеллекта. Занятие движением по курсу Ивонн Ли».

Объявлены встречи, дискуссии. Школьники приглашают на вечер самодеятельности.

Такое трудно себе представить на сверхсовременной стене банка или, скажем, оружейной фирмы «Буфорс» в деловой части горда. Ни в Сити, ни в однообразно утилитарных новостройках творческая самодеятельность не нужна. Там другая молодежь. С иными потребностями.

В Гамла Стан встречаются и такого рода надписи на стенах: «Анархия — это порядок».

А рядом — символ анархистов: буква «А» в круге. Это модное среди буржуазной молодежи увлечение анархизмом — некий безопасный кукиш в кармане капитализму. Молодые обыватели с бородками, зимой в свитерах и тогах, летом босиком (как дань восточной философии), с книгами Бакунина, Кропоткина и даже Махно.

«Ниггеры, убирайтесь домой!»

«Долой иммигрантов! Вон из Швеции!»

Социолог спрашивает иммигранта из Эфиопии: «Вас когда-нибудь оскорбля-

ли за то, что вы иностранец?» — «Да, но это в основном пьяные и молодежь».

На главной торговой улице Вестерлонггатан в старинном доме известной ювелирной фирмы продают амулеты партии новых «маскарадных викингов», как их здесь называют. Это приверженцы «новодревней», исконно шведской языческой веры. Они выступают «за древние обычаи — по велению времени». Их вдохновляют древнегерманские боги, помогая в борьбе с «обществом социал-демократии». На шее этих «борцов» — амулет в виде молота Тора или лады викингов. На браслетах — рунические надписи. Руки покрыты соответствующей татуировкой, часто с молниевидным зигзагом.

Два таких зигзага украшали мундиры войск СС при Гитлере.

Их официально регистрируют как религиозную секту шаманистов. Рассказывают, что они занимаются черной магией, поклоняются сатане, устраивают сексуальные оргии. Есть основания полагать, что в движении шаманистов существуют тайные жертвоприношения. Всегда есть риск, что новые язычники принесут в жертву человека. Вопреки почему-то держащемуся за границу представлению о честности шведов, у которых нечистым на руку эту руку столетиями отрубали, растет число квартирных краж.

Причем полиция бессильна в 90 процентах случаев и разве что советует обывателям иметь хорошие замки и страховать добро.

Вопреки утверждениям политиков, что шведские улицы безопасны, газеты доказывают обратное: «Стало модным не только налететь, повалить, отнять деньги и ценности, но и покалечить с помощью приемов каратэ и других видов борьбы».

Полиция, конечно, бессильна, так что организовывать кампанию по борьбе с налетчиками пришлось правительству.

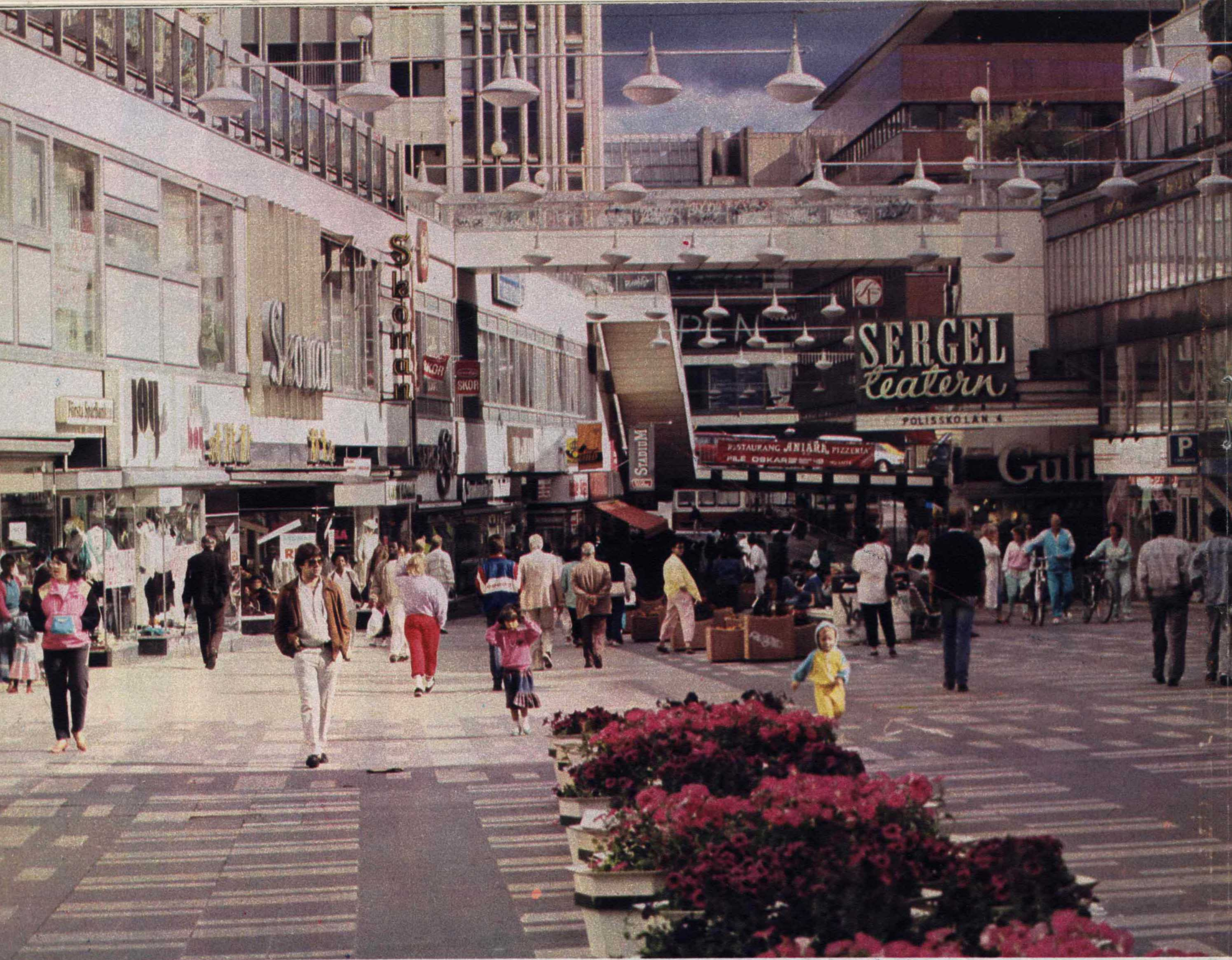
Странно проявила себя полиция в беспрецедентном для Швеции деле по убийству премьер-министра Пальме. Одно за другим рушились легендарные представления о мирном, бескровном течении политической жизни Швеции, о состоянии шведского общества, о «превосходной организации» государственного аппарата.

Жгучий интерес публики к ходу расследования убийства позволил комиссару стокольмской полиции Хансу Хольмеру долго занимать первое место на экране ТВ и, как теперь считается, увести расследование в сторону от плодотворного пути. Долготерпение и наивность публики привели к тому, что Хольмер по опросам был объявлен

Продолжение на стр. 20.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ШВЕЦИИ?
МНОГОЕ. И ГЛАВНОЕ, ЧТО
ЕЕ НАСЕЛЯЕТ ТРУДОЛЮБИВЫЙ И
ГОСТЕПРИИМНЫЙ НАРОД. НАДЕЕМСЯ,
ЧТО ЭТОТ ОЧЕРК ПОМОЖЕТ
НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ ПОБЛИЖЕ
ПОЗНАКОМИТЬСЯ СО ШВЕДАМИ.

НУЖНО ПОМНИТЬ,
ЧТО МНОГИЕ
ИНОСТРАНЦЫ
ПРИЕЗЖАЮТ
ИЗ СТРАН,
ГДЕ УЛЫБКА —
АБСОЛЮТНО
НОРМАЛЬНОЕ
ЯВЛЕНИЕ.
ШВЕДЫ ЖЕ
ВРЯД ЛИ МОГУТ
ПОЛУЧИТЬ
ПРИЗ ЗА
«УЛЫБЧИВОСТЬ».
НО ВПОЛНЕ
ВЕРОЯТНО,
ЧТО УЛЫБКИ ИМ
НРАВЯТСЯ И
ОНИ ВНУТРЕННЕ
УЛЫБАЮТСЯ
В ОТВЕТ.

Фото
Василия
ТЕРЕЩЕНКО

ВНОВЬ НАУЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОКАЗАЛИСЬ В ЦЕНТРЕ ОБЩЕГО
ВНИМАНИЯ. ОТКРЫТИЕ,
СДЕЛАННОЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ,
В УЗКОЙ ОБЛАСТИ ФИЗИКИ —
ВЫСОКОТЕМПЕРАТУРНОЙ
СВЕРХПРОВОДИМОСТИ. —
ВНЕЗАПНО ВЗБУДОРАЖИЛО
МИР. НА НАУЧНЫЕ СЕМИНАРЫ
И КОНФЕРЕНЦИИ СТРЕМЯТСЯ
ТОЛПЫ НАРОДА, СЛОВНО НА
ВЫСТАВКУ МОДНОГО
ХУДОЖНИКА ИЛИ КОНЦЕРТ
ЭСТРАДНОЙ ЗВЕЗДЫ. ПРИЧИНА
ИНТЕРЕСА НЕ ТОЛЬКО
В НАУЧНОМ, НО
И В СОЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ
ВНЕДРЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ
ЭТИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЖИЗНЬ.

ПРОРЫВ

Академик В. Л. ГИНЗБУРГ, лауреат Ленинской и Государственной премий, широко известен своими работами в области сверхпроводимости. О волнующих общественность вопросах развития и организации науки с ученым беседует корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

— Виталий Лазаревич, как физик-теоретик вы занимаетесь сверхпроводимостью с начала сороковых годов. Почему вдруг именно теперь проблема эта стала столь популярной?

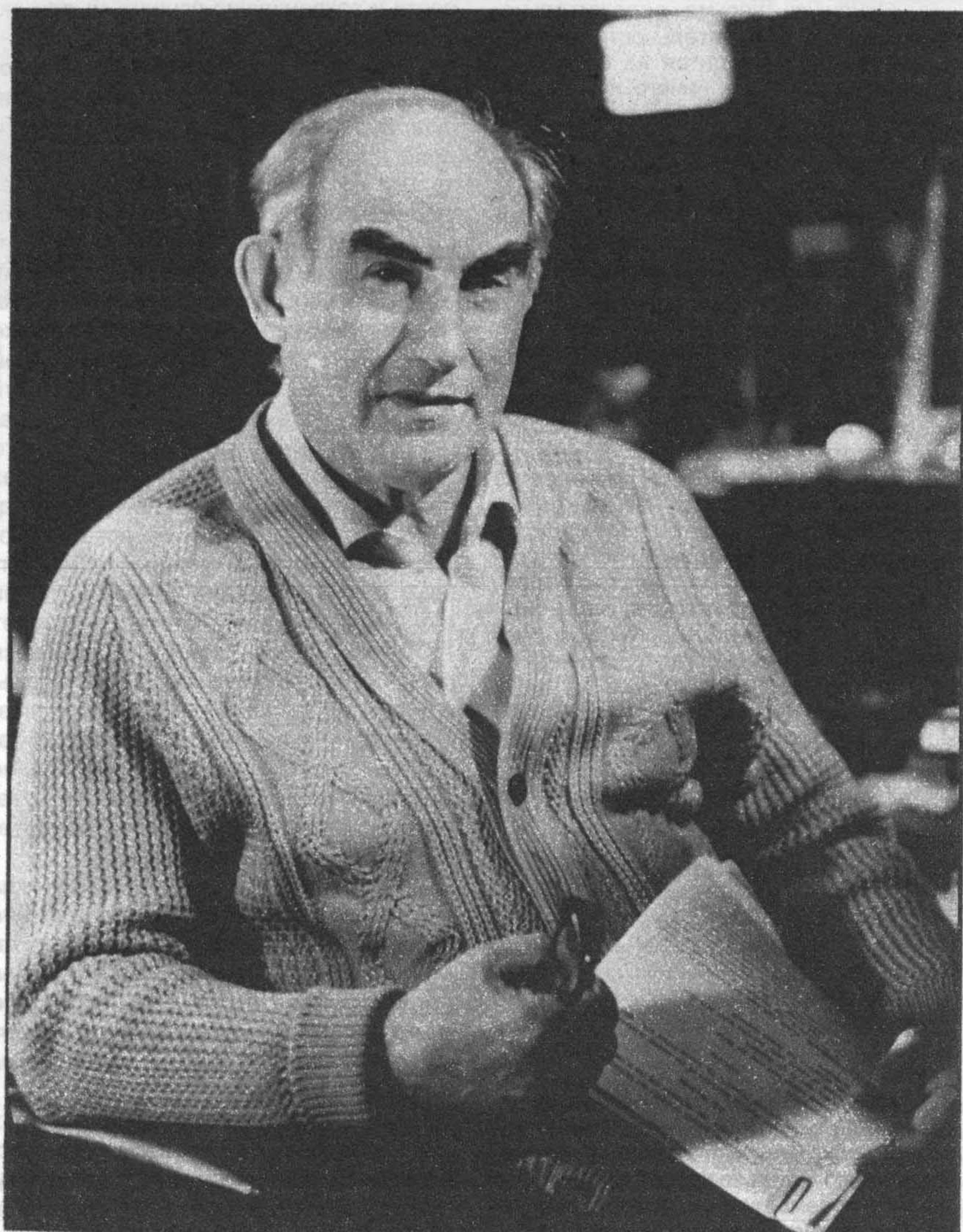
— Особенно популярной в последнее время стала не сама сверхпроводимость, открытая еще в 1911 году, а высокотемпературная, обнаруженная лишь в прошлом году. Открытие далеко выходит за пределы физики, имеет социальное и психологическое значение, ибо обещает дать исключительно большой технический и экономический эффект.

Что же такое сверхпроводимость? Это когда электрический ток не встречает в материале сопротивления, течет беспрепятственно. Представляете, что может дать человечеству практическое использование явления? Передача электроэнергии на любые расстояния без потерь окажется не фантастикой, не мечтой, а явью. Произойдет переворот в энергетике, электротехнике, экономике, наконец. С помощью сверхпроводников можно увеличить мощность электрических машин, сделать их более компактными и надежными. Можно создать корабли с электродвигателями и новые поезда на сверхпроводящей магнитной подушке, несущиеся по воздуху в «зависшем» состоянии со скоростью пятьсот километров в час. Сверхпроводимость — это и огромные «резервуары» электроэнергии, из которых она быстро перекачивается потребителям и возвращается обратно. Важнейшая проблема, как запастись энергией впрок, таким образом решается. Если в сверхпроводящее кольцо впрыснуть электрический ток, то он вечно будет там циркулировать.

В лаборатории сверхпроводимости ФИАНа: младший научный сотрудник Ольга Иваненко готовит вакуумную напылительную установку для нанесения высокотемпературных сверхпроводящих пленок.

Сверхпроводник — керамическая таблетка — отталкивается от магнита и висит в воздухе за счет незатухающих токов.

Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

— Вечный двигатель? Что значит «вечно»?

— Ну, ток не затухнет по крайней мере миллиарды лет, то есть за время, равное возрасту наблюдаемой части Вселенной.

Однако от самой научной идеи до ее практического применения стояли, казалось бы, непреодолимые трудности. Все известные сверхпроводники переходили в такое состояние лишь при чрезвычайно низких температурах — от одного до двадцати градусов Кельвина. Абсолютный ноль по Кельвину — примерно минус 273 градуса по Цельсию. Эти «обычные» невысокотемпературные сверхпроводники охлаждали и охлаждают жидким гелием. Но гелий дорог, работа с ним требует тоже дорогой и сложной аппаратуры. Физики мечтали создать сверхпроводники, охлажденные не дорогим жидким гелием (литр его стоит около 10 рублей), а дешевым жидким азотом (он стоит копейки), а его температура — 77 градусов Кельвина.

Поиски высокотемпературных («азотных») сверхпроводников, с которыми можно работать при жидком азоте, велись в лабораториях многих стран, в том числе и в СССР. Но только в 1987 году американцам удалось впервые получить «азотные» сверхпроводники в виде керамики. Почти сразу же их воспроизвели в нашей стране, в том числе и в ФИАНе. Сейчас не видно научных преград для того, чтобы создать материалы, остающиеся сверхпроводящими даже при комнатных температурах!

Вот после таких открытий и начался «сверхпроводящий бум». В Институте физических проблем была объявлена совместная сессия Отделения общей физики и астрономии и Отделения ядерной физики АН СССР. Обычно такие заседания (их в шутку называют встречами академиков с учеными) не очень посещаются. Думал, что так будет и на этот раз. Подхожу к зданию института и вижу: ворота закрыты, дру-

жинники сдерживают толпу. Творилось что-то невообразимое. Меня пропустили: я был не только в числе докладчиков, но и председателем.

В зале негде было упасть. В нем двести мест, а набилось... Хорошо, что догадались радиофицировать холл. Вместо запланированных двух часов заседание длилось почти пять, чтобы могли выступить все желающие. Но и после окончания не расходились, кипели споры.

— Рассказывают, что нечто подобное было и в США. Когда обсуждались последние научные новости в этой области, на конференцию собрались чуть ли не тысячи людей, словно на сеанс черной магии.

— Да, такое было. Мы можем порадоваться, вновь вспыхнул здоровый интерес к физике. В последние годы он возникал обычно лишь со знаком минус, во время аварий...

— А почему все-таки открытие сделано не у нас в стране? Ведь еще в 1964 году вы опубликовали статью, а вскоре и предложили свой вариант высокотемпературного сверхпроводника... В 1977 году под редакцией вашей и Д. А. Киржница вышла пока единственная в мире монография «Проблема высокотемпературной сверхпроводимости», ее перевели в США.

Мало того, лет восемь назад трое московских химиков — Шаплыгин, Кахан и Лазарев — работали над тем самым сверхпроводящим соединением, на котором удалось сделать столь замечательное открытие...

— У наших химиков просто не оказалось жидкого гелия. Опустошенное вещество в жидкий гелий, и открытие было бы сделано восемь лет назад в нашей стране. Да, так бывает...

— Почему же мы отстаем?

— С идеями у нас, в общем, дело обстоит нормально. «Теоретические мозги» не хуже. Мы отстаем несколько в эксперименте. В академических институтах, впрочем, тоже не очень отста-

ем. Институт физики твердого тела, Институт кристаллографии, ФИАН или Институт физпроблем — на уровне мировых научных центров. Мы отстаем в отношении оборудования, в вопросах организации науки, чудовищно отстаем с оргтехникой, получением информации.

Такой нехитрый вопрос — использование ксероксов, о чем уже говорил в «Огоньке» академик Гольдманский. Недавно я читал лекцию в США, а до этого дал ее текст. После лекции вышли в холл. Лежит стопка готовых ксерокопий. Оказывается, моя лекция. А у себя дома, чтобы иметь такую стопку, я должен писать заявки, получить несколько разрешений! Не говоря о том, что нет у нас обычно самих ксероксов, бумаги, состава, пленки...

Мы все раскисаемся. Статьи печатаются медленно. Переводятся еще медленнее. Почта из-за границы идет так долго, словно не изобрели еще не только самолета, но даже паровоза! На почтовых лошадях и то скорее бы доходили журналы и письма. А ведь теперь успех в науке тесно связан с быстротой получения информации. Убежден: очень важно сейчас создать информационный центр по вопросам сверхпроводимости. По такой важнейшей проблеме, решение которой обещает революционизировать технику, производство, у нас в стране нет бюллетеня, где должна оперативно публиковаться вся новая информация. Иначе получится постоянное дублирование работ, мы потеряем время, средства... В США же издаются уже несколько таких бюллетеней.

Страшное проявление нашей отсталости — бюрократизм вообще, и в науке, в частности. Только через канцелярию Президиума Академии наук проходит в год около миллиона бумаг! Одно управление кадров Президиума получает и отправляет в год около ста тысяч бумаг. Думаю, что по академии в целом оборот бумаг достигает нескольких миллионов в год! При этом больше половины из них просто не нужны. Возьмите направление в печать статей по физике и астрономии, с чем я постоянно сталкиваюсь. Рукопись должна быть сопровождена бумагой за подписью руководителя отдела или лаборатории, направлением за подписью ученого секретаря и одним или двумя актами экспертизы, на четырех страницах каждый и за подписями пяти человек. Всего только в институте собирается восемь подписей. Но этого мало. Статьи обычно направляются еще с парой сопроводительных писем на визу в Президиум академии. Как ни нелепо, но это относится и к тезисам докладов на конференциях. Вот и получается, что тезисы в несколько строчек обрастают десятками страниц сопроводительных. Все это еще потом рецензируется, редактируется и на последнем этапе проверяется и подписывается в печать. Говорю со знанием дела — я член ряда редколлегий и главный редактор журнала «Радиофизика».

— В чем, по-вашему, основная причина такого бюрократизма?

— В желании перестраховаться, в некомпетентности, в том, что люди отучились что-либо решать и отвечать за содеянное. Разрешивший что-то рискует, запретивший — никогда. Мало того, запретивший командировку или публикацию статьи всегда прав, он-де герой, он бдительный, он защищает государственные интересы.

Я не считаю себя непогрешимым, но на основании длительного опыта могу сказать: со стороны некоторых ответственных издательских работников все время сталкиваюсь с вопиющей некомпетентностью. Нас поучают, навязывают правила цитирования, правила корректуры статей, определяют тиражи и объем книг люди, не понимающие не только научных проблем, но и не написавшие в жизни, вероятно, ни одной собственной научной статьи или книги. Но зато именно они составляют правила, инструкции, следовать которым ча-

сто просто невозможно, они противоречат здравому смыслу. Может быть, до введения правил и инструкций можно было бы посоветоваться с теми, для кого эти правила предназначены? Но ни меня лично, ни известных мне коллег никто к такому обсуждению не привлекал. Остается единственное утешение — у нас инструкции не отменяют, о них забывают. К сожалению, не всегда это удается сделать.

Кстати, в Академии наук создана Комиссия по борьбе с бюрократизмом, правда, ее сейчас переименовали в Комиссию по улучшению стиля работы. Я ее член. Во главе ее стоит Главный ученый секретарь Президиума АН академик Скрябин. Нельзя бороться с бюрократизмом одними призывами, нужен наделенный какими-то правами и возможностями орган.

Конечно, никаких штатных работников в комиссии нет, это же не разбухание аппарата. Председателем же комиссии должен быть человек, обладающий реальной властью. Как я убежден, такие комиссии нужно создавать везде.

— **А что вы считаете главным для сегодняшней перестройки в науке?**

— Мысль рождается в голове человека старым способом, так что здесь никакой перестройки не требуется. А вот изменить кое-что в организации науки, улучшить стиль работы, убрать досадные помехи необходимо. Это как раз то, о чем я уже говорил: информация, оргтехника, приборы, устранение бюрократизма, который проник во все поры. Сейчас ведь даже выдвижение на премии носит весьма странный бюрократический характер. Например, звонят к нам в ФИАН, говорят: на Государственную премию выдвигают коллектив и есть для вас одно место. Создают «обоймы», коллективы, обладающие «пробивной» силой. Слышу недавно такой разговор о группе претендентов: «А кто у них паровоз?» Я даже не понял, о чем речь, оказывается, «паровозом» называют того, кто будет все «пробивать».

Я бы сказал так: перестройка связана далеко не в последнюю голову с «моральным кондиционированием», с нравственными принципами.

Конечно, острейший вопрос — внедрение научных разработок в производство. Но здесь я не берусь давать советы. У меня другая специальность — теоретическая физика и астрофизика. Однако замечу, что меня тревожат разговоры, которые ведутся весьма настойчиво: а не перевести ли академическую науку на хозрасчет? Это в корне неверно, когда речь идет о так называемых фундаментальных исследованиях. Ведомственные, министерские НИИ, которым нет числа, совсем другое дело. Здесь, возможно, нужны коренные изменения и перевод на хозрасчет.

Академическую же науку нельзя делать сплошь прикладной, тогда вскоре окажется, что и «прикладывать» нечего. Сэкономить сегодня копейку — завтра миллиард потеряешь. Возьмите хотя бы те же работы по сверхпроводимости, о которых мы говорили. Только невежды, думающие не о пользе Отечества, а о том, как бы выдвинуться на фоне перестройки, могут здесь в настоящее время рассуждать о хозрасчете.

Фундаментальная наука должна быть на госбюджете. Она работает впрок, для будущего. Таковы ее свойства и основная ценность. Она обеспечивает тот самый прорыв, что в итоге изменит социальные условия жизни на Земле.

— **Недавно в Академии наук СССР впервые прошли выборы академиков и членов-корреспондентов не только на освободившиеся места, как было всегда, а также на добавочные вакансии, равные числу ученых старше семидесяти пяти лет (правда, эти вакансии будут использованы не за одни выборы). Виталий Лазаревич, вот вы, человек, которому минуло семьдесят, как вы относитесь к этому?**

— Отношусь весьма положительно. Максимум производительности научного работника приходится на более молодые годы. Тут уж ничего не поделаешь. Альберт Эйнштейн, например, свои знаменитые работы по частной теории относительности сделал в возрасте двадцати шести лет, создание общей теории относительности он завершил в тридцать шесть лет. Нильсу Бору, когда он предложил теорию атома, было двадцать восемь лет. Поль Дирак открыл релятивистское волновое уравнение для электрона в двадцать шесть лет.

— **Но я вам могу возразить, приведя другие примеры. Галилео Галилей писал свои «Беседы» в семьдесят два года; Микеланджело было за шестьдесят, когда он закончил «Страшный суд», а в восемьдесят семь он по своему проекту начал возводить купол собора Святого Петра; Гете дописал «Фауста» в восемьдесят два года; Крылов только под семьдесят начал изучать греческий и овладел им в два года...**

— Вы хотите сказать, что человек может плодотворно работать и в весьма преклонном возрасте? Согласен. Именно поэтому считаю, что возрастной ценз для избрания в Академию наук не должен существовать. Его, кстати, нет и в Уставе. В Академию наук должны избирать только за научные заслуги. А не за качества характера, не за административные способности, не за общественную работу, не потому, что в каком-либо институте нужен, как считается, директор в ранге академика, что нередко случается.

Другое дело — занятие административных должностей. Здесь возрастной ценз необходим. По моему глубокому убеждению, нельзя оправдать, когда люди в восемьдесят и даже в девяносто лет остаются директорами институтов и вообще на руководящих должностях.

— **А вы не боитесь упрека коллег, что даете рекомендации, вас лично не касающиеся? Ведь вы не директор института...**

— Да, я не директор, но заведу Отделом теоретической физики ФИАН — Физического института АН СССР, в котором работает около шестидесяти научных работников. (Кстати сказать, среди них такие известные физики — члены нашей академии, как Сахаров, Келдыш, Фейнберг, Фрадкин, Гуревич, Киржниц.) Подобные должности тоже не должны, конечно, занимать люди, старше, скажем, семидесяти. И как раз именно такое постановление недавно и принято. Поэтому я в ближайшее же время перейду на должность советника. Скажу, что очень этому рад, поскольку мне всегда наибольшее удовольствие доставляла собственная работа. Но, конечно, в пожилом возрасте самому работать труднее. Например, в прошлом я, бывало, со скуки, во время болезни, в поезде, на лодке играл сам с собой в игру, которую условно называл «мозговой атакой». Смотрел на часы и старался за пятнадцать — тридцать минут «придумать» какой-либо эффект, какое-либо физическое явление. Потом эти эффекты, точнее эффектики, ложились в основу моих работ. Так вот, уже лет десять у меня ничего из «мозговой атаки» не получается. Перестал и пробовать. Или воображения не хватает, или не можешь достаточно напрячь внимание, либо, наконец, иссяк запас того материала, образов, представлений, из которых рождается нечто новое. Ответа дать не могу. Но факт есть факт. Это не жалоба, она бессмысленна, так как мешает понять главное — с возрастом меняются способности, возможности и вкусы. В физике, кстати сказать, даже великие люди, дожившие до ста-

рости и сохранившие ясность мысли, не могли работать, как прежде.

Кроме того, пусть какая-то интересная идея и появилась, но ведь ее надо еще и реализовать. А чтобы довести дело до конца, необходимы обычно не только способности, не только физические силы, но здоровое честолюбие. Ожегов слово «честолюбие» определяет, как жажда известности, почестей, стремление к почетному положению. Честолюбие в таком понимании тоже нередко играет важную роль в научной деятельности. Однако можно не ждать почестей, но сильно стремиться к самоутверждению, к признанию. Это я называю здоровым честолюбием, без него добиться успеха очень трудно. Однако и это качество — свойство молодости, с возрастом человек изменяется, у него иная шкала ценностей. Если ему есть что сказать, он теперь делает это иначе. Вот почему оставшиеся силы следует использовать рационально: предоставляемая нам сейчас возможность освободиться от административных обязанностей — проявление заботы, а не ущемление каких-то прав. Нечего пытаться удержаться на дереве любой ценой...

— **Вы имеете в виду, как некогда выбирали вождя какого-то племени на островах в Тихом океане? Престарелый вождь залезал на самую высокую пальму, а все племя раскачивало ее. Если вождь удерживался, он оставался на своем месте, если нет...**

— то выборы нового вождя происходили естественным образом... За руководящую должность, как за пальму, цепляться не следует. А на вечном дереве науки, выражаясь высокопарно, творчески мыслящий человек удержится независимо от возраста. Любимый труд дает радость всегда. Недаром Цицерон сказал, что ничего так не следует остерегаться в старости, как лени и безделья.

— **Виталий Лазаревич, вы знакомы с организацией науки за рубежом. Как там решается подобная проблема?**

— Насколько я знаю, за границей введен безусловный предельный возраст для профессоров, занимающих кафедры, и для некоторых других категорий научных работников. Особенно важна безусловность правила, не допускающая исключений. В противном случае не избежать обид. В результате, например, даже великий физик Поль Дирак в шестьдесят шесть лет (было это еще в 1968 году) оставил свою кафедру в Кембридже и уехал в США, где до конца жизни (он умер года три назад) занимал должность, аналогичную нашему профессору-консультанту.

— **В последнее время все большее внимание уделяется личной ответственности, личной работе, «человеческому фактору» во всех областях нашей жизни. Перестройка поставила в центре личность, человека, нравственные и деловые его качества.**

Теоретический отдел в ФИАНе, которым вы руководите, носит имя Нобелевского лауреата Игоря Евгеньевича Тамма. Мне выпало счастье встречаться с ним. И когда он был еще полон сил (Игорь Евгеньевич почти до семидесяти лет занимался альпинизмом), и когда он тяжело заболел и из-за паралича диафрагмы был буквально прикован к дыхательной машине. Этот мужественный человек тогда острил: «Я как жук на булавке».

Игорь Евгеньевич был не только выдающимся физиком, но, по моему, был героем, человеком в высшей степени чистым, человеком чести, долга, как он его понимал. Ведь еще в первую мировую войну, будучи студентом-физиком, он пошел на фронт санитаром... Да и потом в его жизни бывали обстоятельства, требующие Поступков с большой буквы... Скажите, как сейчас сказываются в науке нравственные традиции академика Тамма, влияние его личности? Вы ведь его ученик?

— Да, я учился у Игоря Евгеньевича в МГУ, работал с ним. Теоретический отдел ФИАН он создал в 1934 году.

Влияние Тамма не только на научное развитие сотрудников отдела, но и на стиль их поведения огромно. Скажу только, что более чем за полвека существования нашего отдела в нем не было ни одного сколько-нибудь существенного человеческого конфликта, ссоры, не говоря уже о скандале. А в коллективе, состоящем почти сплошь из «личностей» со своими сложными характерами, это не просто.

Всякие обстоятельства бывали в отделе: напомним, например, что тот же Андрей Дмитриевич Сахаров продолжал работать у нас, когда находился в Горьком, и по-прежнему пользовался нашим уважением и любовью.

Вы совершенно правы, принципиальность и чувство долга Игоря Евгеньевича Тамма были «высокой пробы» и заставляли его совершать Поступки. Мне памятно, как страстно он боролся против вульгаризаторов науки, ложечных, просто невежд, выступал с протестами. А когда физику стало защищать уже не нужно, он с не меньшей горячностью встал на защиту многострадальной генетики и молекулярной биологии, успехами которых восхищался.

Поучительно отношение Тамма к молодежи. Он умел убирать «перегородки», даже с малознакомыми студентами говорил, как с товарищами по работе. Ему было интересно, что они делают. И потому те легко, не очень стесняясь, приходили к нему советоваться. Как никто, он умел ободрить. А молодые часто не уверены в себе, хоть это и скрывают. Я, например, в молодости очень сомневался в том, что смогу успешно работать. Особенно это сказало на четвертом курсе, когда шел выбор специальности. Ведь известно: выберет студент теоретическую специальность, а работа потом «не пойдет», и окажется он у разбитого корыта. Поэтому я выбрал экспериментальную (оптическую) специальность. И только после окончания МГУ, в 1938-м, стал теоретиком. Поддержка Игоря Евгеньевича в то время была для меня бесценна. И теперь я так же, как он, стараюсь поддерживать молодых, верить им. И, знаете, за всю жизнь лишь один сукин сын попался, а в остальных не обманулся.

Что надо молодежи? Чтобы старшие были на высоте, было у кого поучиться и науке, и поведению. Если не у кого учиться, нет научной среды, то какие райские условия молодежи ни создавай, в большинстве случаев ничего из нее путного в науке не выйдет. У нас в физике и до революции кое-что было. И после нее. Было у кого учиться. Тамм, например, учился у Мандельштама. Мы — у Тамма. Подготовка физика должна быть не массовой — штучной. Молодых людей надо поддерживать и уж по крайней мере не мешать им.

Думаю, что перестройка должна сказаться и в этом.

ДЕТЕКТИВ ПО-ВАШИНГТОНСКИ

СТРАННАЯ И УДИВИТЕЛЬНАЯ КНИГА ВЫШЛА НЕДАВНО В США. ЕЕ АВТОР — БОБ ВУДВОРД, ИЗВЕСТНЫЙ ПУБЛИЦИСТ. НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ОН ИЗУЧАЛ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ЦРУ) И В РЕЗУЛЬТАТЕ СОЗДАЛ КНИГУ «ПЕЛЕНА: СЕКРЕТНЫЕ ВОЙНЫ ЦРУ, 1981—1987 гг.». В СВОЕЙ КНИГЕ ВУДВОРД УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ОКОЛО Сорока РАЗ БЕСЕДОВАЛ С САМИМ УИЛЬЯМОМ КЕЙСИ, НЕДАВНО УМЕРШИМ ШЕФОМ ЦРУ.

Владимир НИКОЛАЕВ

В книге описано несколько встреч ее автора с Кейси, приведены их разговоры. Шеф ЦРУ выглядит весьма ловким и осторожным собеседником, в его взвешенных утверждениях проглядывает мысль о том, что Вудворду неплохо бы все это впоследствии предать гласности, то есть опубликовать. Что автор книги и делает. Причем, понятное дело, приведенные в тексте записи этих бесед не много дают читателю, желающему разобраться в деятельности ЦРУ, гораздо больше узнаешь об этом, выискивая в книге всевозможные детали и восстанавливая из них более или менее общую картину того или иного события. Что же касается «соавторства» Кейси в этой книге, то стоит, пожалуй, прислушаться к мнению американского журнала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт»: «Для Кейси это была тайная акция — использовать Вудворда, чтобы изобразить Кейси таким, каким он хотел быть изображенным».

Боб Вудворд сообщает, что большая часть информации в его книге собрана за счет сведений, полученных им во время бесед с более чем 250 американцами, имеющими отношение к разведывательной службе. Уста с лишним из них он брал интервью неоднократно. Автор предпочитает не называть многих своих собеседников.

Как известно, в 70-е годы разразилось немало скандалов в связи с тем, что ЦРУ, занимаясь шпионажем, беспардонно нарушало законы как в своей стране, так и во многих других. Стали известны многочисленные факты, связанные с тайными операциями по подрыву неугодных Вашингтону режимов, а также, наоборот, по поддержке «дружественных» США администраций. Оказалось, что ЦРУ организовывало в разных странах заговоры и убийства политических лидеров, вело слежку не только за теми, кого считало своими врагами, но и за своими союзниками.

Автору книги, разумеется, приходится иметь все это в виду, и он в предисловии приводит слова сенатора Джона Стенниса, сказанные им еще в 1971 году: «Шпионаж есть шпионаж... Вы должны учитывать, что имеете дело с разведкой, и потому защищать ее, закрывая глаза кое на что и принимать

Рональд Рейган и Уильям Кейси, шеф ЦРУ с 1981 по 1987 год.

все, как есть». Согласитесь, странная предпосылка при написании такой книги, как эта.

Вудворд начинает свое повествование с того, как в конце 1980 и начале 1981 года происходила смена караула в Белом доме и в ЦРУ (когда Картера сменил Рейган). Читатель окунается в море интриг в связи с возможными переменами в руководстве ЦРУ. Политические, деловые, приятельские, корыстные и другие соображения переплетаются в такой сложный клубок, который, кажется, и распутать невозможно. Но постепенно чаша весов склоняется в пользу Кейси. Ведь он близкий друг Рейгана, и он к тому же руководил его победоносной избирательной кампанией. Кстати, именно за это сам Кейси рассчитывал получить пост министра обороны или же государственного секретаря. Но Рейган рассудил иначе. Человек сугубо штатский (до Кейси во главе ЦРУ был адмирал), бизнесмен до мозга костей, миллионер, он стал главным американским шпионом. Характерно, что аналогичных неожиданных назначений тогда последовало немало, и большинство из новых лидеров, кто раньше, что позже, покинули свои посты, а вот Кейси остался шефом ЦРУ до своего последнего вздоха.

Немало места в книге Вудворд уделяет и выбору нескольких заместителей Кейси. Оказывается, и при этом не обошлось без интриг, шантажа и амбиций. Распределение самых высоких постов шпионского ведомства подробно описано автором. Процесс этот для США закономерен и типичен: одержавшая на выборах победу партия спешит поделить государственный пирог между своими самыми верными и влиятельными членами. И в то же время мы видим, как происходит этот отбор. Верх одерживают все же не принципиальные соображения, а личные связи, приятельские отношения, немалую роль играет богатство претендентов на должность, ибо оно — главное мерило успеха в жизни, свидетельство крепкой хватки и жизнестойкости. Именно в силу последнего обстоятельства Кейси взял себе одним из заместителей своего коллегу, бизнесмена-миллионера Макса Хьюджела. Кейси ценил в нем деловую хватку. Как пишет Вудворд, их сближало еще и такое сходство: оба «невнятно произносили слова, к тому

же неверно с точки зрения грамматики». Несмотря на близость со своим шефом, Хьюджел недолго продержался в ЦРУ, так как вскоре был уличен в финансовых махинациях и ему пришлось вернуться в сферу бизнеса. Сам Кейси при этом нисколько его не осуждал. За годы пребывания на посту шефа ЦРУ самого Кейси не раз обвиняли в использовании служебного положения в целях личной наживы, но власти в обиду его не дали. А как можно корыстно использовать его служебное положение? Дело в том, что глава шпионского ведомства по роду своей деятельности ежедневно, ежечасно получает огромный поток уникальнейшей информации, которую ему, бизнесмену, можно использовать при игре на бирже, где успех в купле и продаже акций зависит от знания ситуации во всем мире и от знания того, как эта ситуация будет меняться.

С первых дней работы в ЦРУ новый его шеф попал в стихию тайных операций против многих стран, в том числе на Ближнем Востоке, в Центральной Америке, в Иране и, разумеется, против Советского Союза. Наша страна вообще никогда не давала покоя ЦРУ. Как известно, вскоре после прихода Рейгана в Белый дом на него было совершено покушение, он был ранен. Покушавшийся оказался душевнобольным. Тем не менее Кейси сбился с ног в поисках «руки Москвы» и в этом деле. Сколько на это было затрачено средств и усилий — тайна ЦРУ; как свидетельствует Вудворд, не было никаких доказательств, но Кейси все доискивался, перепроверял, считая, что покушение на президента — происки Москвы. Можно вспомнить, что тот же стереотип сработал и при расследовании дела об убийстве президента Кеннеди, тогда американская реакция немало пошумела на тему о причастности к этому преступлению «советских агентов». Тот факт, что и Кейси пошел по тому же пути, не удивляет. Если первой причиной его назначения главой ЦРУ можно считать дружбу с Рейганом, то вторая, несомненно, — его крайне правые политические взгляды. В книге об этом говорится неоднократно. Не удалось ему связать покушение на Рейгана с Москвой, он все равно не успокоился и начал кипучую деятельность в поисках «советских террористов» по всему миру.

Любопытно, что опирался он в своих предположениях на «исследования» журналистки Стерлинг, в частности на ее тенденциозную книгу «Сеть терроризма». Она описывала различные страны, где распространен терроризм, и связывала все эти случаи исключительно с деятельностью советских разведывательных органов. Эксперты ЦРУ, пишет Вудворд, по заданию Кейси изучили аргументацию Стерлинг и пришли к выводу, что ее обвинения в адрес Советского Союза беспочвенны. Кейси был вне себя. Своим подчиненным, кадровым разведчикам, он не поверил и раздраженно бросил им в лицо: «Читайте лучше книгу Стерлинг. И забудьте о своей чепухе. Я заплатил за книгу 13 долларов 95 центов и узнал больше, чем от вас, ублюдков, каждому из которых я плачу по 50 тысяч долларов в год». И чтобы его еще лучше поняли, он на доводы своих экспертов заявил: «Это все дерьмо!»

Неутешный Кейси продолжал требовать доказательств в поддержку версии Стерлинг о «советском терроризме» на международной арене. Немалые силы, средства и лучшие специалисты были брошены на это дело. И результат был достигнут, но, увы, опять не такой, какого добивался Кейси. Что же выяснилось? Эксперты ЦРУ установили, что журналистка, сама того не ведая, воспользовалась в своей книге дезинформацией, разработанной... ЦРУ. То есть подчиненные Кейси по его настоянию сами поймали себя за хвост! Оказывается, в свое время они подбросили в итальянскую прессу сфабрикованные ими материалы по делу о террористах из так называемых «Красных бригад». Стерлинг взяла из итальянской прессы эти данные и использовала их в своей книге. А Кейси с удовольствием скушал это, говоря его языком, дерьмо, изготовленное в ЦРУ, ничего не подозревая! Любопытнейший эпизод из «секретных войн ЦРУ»!

Вудворд пишет, что Кейси любил разъезжать (тайно, разумеется) по разным странам, по владениям своих резидентов, а также навещать союзников США. Сильное впечатление произвела на него израильская разведка, особенно размахом действий и большой армией агентов. Вернувшись в Вашингтон, Кейси занялся реорганизацией, усилением своего ведомства. Он с неудовольствием обратил при этом внимание на то, что в ЦРУ было слишком много высокообразованных интеллигентов из лучших университетов страны, он считал необходимым иметь агентов, которые были бы попроще, но с настоящей хваткой. Набрать такой народ он поручил своему заместителю Хьюджелу (о нем выше мы уже упоминали).

Автор книги вспоминает и нашумевшую историю о том, что агенты Ливии якобы намеревались убить американского президента. Именно ЦРУ способствовало распространению провокационных слухов, раздуванию антиливийской истерии в США. Потом, как сообщает Вудворд, выяснилось, что слухи эти были ложными, специально сфабрикованными. Но официальные американские власти этого никогда не признали.

В бесконечной россыпи фактов и свидетельств, составляющих книгу, есть и такие, что проливают новый или дополнительный свет на события, казалось бы, уже хорошо известные. Такой пример. Когда Кейси руководил избирательной кампанией Рейгана, он привел тогда с собой публициста Антони Долана, человека крайне правых взглядов.

Как только Рейган воцарился в Белом доме, Кейси пристроил Долана в качестве составителя речей президента США. Затем, пользуясь близостью и к Рейгану, и к его составителю речей, Кейси смог, как никто другой из политических лидеров, влиять на американскую политику, проводя при этом свою линию и, разумеется, линию ЦРУ. И вот совсем не случайно связь Кейси — Долан приводит к тому, что Рейган в своем очередном выступлении называет нашу страну «империей зла». А затем провозглашается доктрина СОИ, то есть «звездных войн». «В этой атмосфере безудержного антикоммунизма, — пишет Вудворд, — Кейси мог существовать, даже процветать».

«Кейси радовался и воодушевлялся, — пишет Вудворд, — только тогда, когда кто-либо приносил ему разведданные, которые соответствовали его предубеждениям». Можно предположить, что при такой ориентации самого шефа и, разумеется, его ведомства Белый дом постоянно получал информацию, выдержанную в духе ярого антикоммунизма. Вместо сбора объективных данных, на основе которых американской администрации можно было бы строить политику, Кейси сам делал политику. Похоже, что он считал это главной своей задачей. Вудворд пишет: «Кейси значительно увеличил расходы на тайные подрывные операции за счет средств на пропаганду в других странах. Осуществлялось более двадцати таких программ, по которым выделялись деньги зарубежным средствам информации и организациям, влияющим на общественное мнение... В 1983 году, например, Кейси потратил несколько миллионов долларов на проведение кампании в Западной Европе в пользу ее ядерного вооружения». Вудворд отмечает, что Кейси первым забил тревогу после того, как М. С. Горбачев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС. Автор книги пишет: «Кейси высмеивал сообщения прессы, приветствовавшие Горбачева как открытого и здравомыслящего человека». Шефа ЦРУ пугала возможность улучшения советско-американских отношений.

Немало места в книге уделено так называемому Ирангейту, скандалу, в результате которого обнаружилось, что ЦРУ (помимо официальной американской помощи) снабжает деньгами контрабандистов, пытающихся бороться против нового порядка в Никарагуа. В этом деле центральной фигурой всплыл кадровый разведчик подполковник Оливер Норт, ставший своего рода козлом отпущения. Вот как описывает Вудворд роль самого Кейси в этой авантюре:

«Пройти из комнаты № 302 в комнату № 345 можно меньше чем за минуту. И все чаще и чаще подполковник Норт проделывал этот путь из своего кабинета в кабинет Кейси. Тот был для него не боссом, а единомышленником, другом. Шеф ЦРУ вырос для Норта в родного отца, самого близкого наставника. Кейси был его направляющей рукой, можно сказать, почти единоличным его руководителем в этом деле».

Сам Оливер Норт свидетельствует, что Кейси «мыслил концептуально, он вдохновлял усилия по поддержке антикоммунистических движений повсюду в мире». Обратите внимание: не просто поддерживал, а и вдохновлял! Вот это, несмотря на всю ее краткость, вполне исчерпывающая характеристика шефа ЦРУ. И когда читаешь книгу о нем и его ведомстве именно под таким углом зрения, то она, несмотря на все ее недостатки и недомолвки, лишней раз подтверждает эту оценку. Разведка и ее шеф, вдохновляющие и конструирующие политику государства! Политику агрессивную, антисоветскую. Сегодня, когда появилась реальная надежда на уменьшение ядерной угрозы, на смягчение международного климата и на улучшение советско-американских отношений, такая деятельность ЦРУ несовместима с процессом разрядки, она представляет большую опасность делу мира и перспективам разоружения.

Окончание.
Начало
на стр. 16.

СУТЬ И ЗРЕЛИЩЕ ГАМЛА СТАН

«самым популярным шведом» года. Но уже через два месяца «самый популярный швед» был снят со своего поста и отстранен от участия в расследовании преступления.

«Превосходная организация» с компьютерным «банком данных» на всех жителей Швеции дала осечку. Каждый потенциальный убийца мог получить с дисплея адрес Пальме, сведения о его зарплате, семейном положении и сделать соответствующие выводы о его образе жизни и привычках. Но убийцу в этом «банке данных» полицейский компьютер пока не обнаружил.

Хотя Пальме предпочитал жить в атмосфере Гамла Стан, глава государства, король Карл XVI Густав из своей резиденции в Гамла Стан предпочел уехать «на свежий воздух» удаленного острова. Но поскольку конституция не позволяет королю вмешиваться во что-либо, кроме спорта, его удаление не вносит диссонанса в шведскую жизнь. Пропагандисты даже использовали здоровый вкус короля. Здесь продается фотооткрытка королевской семьи в ковбойках у старенького трактора на сеновале. Что-то шведское, «истинно демократичное».

С верой в «истинно шведскую демократию» вел себя и Пальме, отказавшийся от ярма службы охраны.

В течение последних недель перед убийством жена Пальме заметила, что у их дома в богатой буржуазной части Гамла Стан «похаживают» неизвестные личности. Несмотря на это, 28 февраля 1986 года, в пятницу вечером, как и все работающие шведы, Пальме решил отдохнуть с семьей. Внезапно возникла мысль пойти в кино. Он позвонил сыну Мортену, чтобы пригласить его, и вышел с женой Лисбет из своего дома без охраны, прошел по узким темноватым улочкам до станции метро навстречу потоку посетителей Гамла Стан, проехал две остановки к центру и в кинотеатре «Гранд» встал в очередь, чтобы купить билеты на шведский фильм «Братья Моцарт».

«Швеция — фантастична!»

Этот лозунг тоже повсеместен.

После сеанса Пальме в фойе встретил председателя профсоюза служащих Бьерна Розенгрена.

«Я только что сказал жене, — возмущался Розенгрэн, — Швеция — фантастична! Здесь в кино встречаешь премьер-министра точно так же, как своего соседа».

Через несколько минут Пальме лежал в луже крови и вскоре скончался.

Действия администрации и полиции заставили шведов задуматься над «превосходной организацией своей государственной системы». Высокопоставленные чиновники узнали о гибели Пальме только на следующий день. Члены правительства, собравшиеся после покушения на экстренное заседание, не проявили никакой организованности, и, если бы убийство Пальме было частью заговора с целью немедленного государственного переворота, всех их можно было бы взять голыми руками.

Быстро среагировало только Шведское телеграфное агентство, сообщившее внешнему миру о гибели Пальме через 14 минут после заключения врачей о его смерти. Остальные средства массовой информации спали. Директора шведского радио разбудили телефонным звонком родственники из-за границы, услышавшие там сообщение местного телевидения. Уже по Стокгольмскому радио узнал новость дежурный штаб обороны Швеции и стал до-

званиваться до главнокомандующего вооруженными силами Швеции, но тот был где-то в гостях на позднем ужине. Когда позвонили главе государства, королю, никто не взял трубку. Комиссар полиции был в пути на лыжную базу, и никто не ведал, где он ночует.

После того как Хольмер обвинил в причастности к убийству иммигрантов-курдов, а комиссия взяла сторону возмущенных действиями полиции прокуроров, подозрения в убийстве пали на полицейских с правозащитными взглядами. Время, надо полагать, даст ответ и на этот вопрос.

Однако Гамла Стан продолжает жить своей обычной жизнью, которую, кажется, не могут нарушить никакие политические катаклизмы.

Утром молодежь Стокгольма возвращается на рабочие места. Начинается новый трудовой день. Встречаешь то тут, то там парней-ремонтников в комбинезонах, увешанных инструментом, с серьгой в одном ухе и с перевязанным «хвостом» длинный волос. Дивишься на кассирш и продавщиц с узорно выбритой головой.

Шведские девушки в массе своей привлекательны. Однако иностранцев что-то ввело в заблуждение относительно их доступности. Недоразумение это корнями уходит в глубь веков.

Хроники Гамла Стан упоминают, что женщины средневекового Стокгольма работали прачками, служанками, повитухами, уличными торговками, сдавали комнаты приезжим. Особенно славились лодочницы-перевозчицы. Путешественники рассказывали, что гребли они яростно, как черти, и невероятно искусно и были горласты. Крикливые лодочницы добились того, что уже в XIII веке был издан закон о правах женщин. Это определило самостоятельный и бойкий нрав стокгольмских обывательниц. Иностранцы глазами своим не верили, посещая шведскую баню. Считалось, что она спасает от кожных болезней, от подагры и проказы. Тут же пускали кровь, что в те времена было панацеей от всех болезней и лучшим средством после кутежа.

Бани все-таки опустились до уровня притонов, стал распространяться сифилис. По этой причине все они были закрыты до «лучших времен».

Были и просто притоны, и «храмы Венус», достигшие особого расцвета в «эру свобод» после Северной войны. Тогда прославился владелец «Кошачьего дома» на Багенсгатан морской капитан Магнус Альстрем. Вся Багенсгатан пользовалась дурной славой. Там издавна были «дома», и женщины украшали собою витрины, некоторые из них совсем нагишом.

Женщины Стокгольма владели не только «древнейшей» профессией. В 1697 году вышла книга о гигиене рожениц и грудных младенцев, позже был создан Кодекс правил для повитух. Вскоре восемнадцать прошедших соответствующее обучение акушеров создали свою гильдию.

Что касается женщин из знатных семей, то им тоже не приходилось замыкаться в тесном семейном кругу. Им была открыта дорога к предпринимательству. Например, Эбба Брахе, возлюбленная короля Густава IV Адольфа, весьма серьезно вела хозяйство и поставила «железоделательную промышленность» в своих горнорудных владениях на такую высоту, что ее железо и чугун стали лучшими в стране.

Шведки первыми в мире завоевали право на алименты с мужчин на содержание оставленной семьи.

Сознавать свои права и бороться за них — это черта шведского характера.

Очевидно, оставшиеся в памяти частные исторические эпизоды и менее ханжеское, чем в большей части мира, поведение современных шведских женщин вызвали к жизни легенду о шведской «распущенности», или «шведском грехе», о доступности шведских женщин. Так что местной пропаганде приходится разными средствами доводить истину до сознания иностранцев.

В Гамла Стан нет порношоу и секс-магазинов. Порнореклама повсеместно запрещена, хотя соответствующие журналы тихонько стоят на полках табачных магазинов рядом с прочей прессой. Среди обилия цветной фоторекламы яркие фото голых тел на обложках смотрятся, как мясо и колбасы. Порнобизнес устроился в деловом Сити, в центре, у больших отелей «Гран» и «Англэ». Его объявления печатаются в информационных справочниках.

«Самый сексуальный порномагазин в Европе!»

«Новая Черная Кошка».

«Амор».

«Сексбар. Стриптиз. Порношоу. Открыто круглый год. Персональное внимание в отдельных кабинетах. Сексбар с доступными красотками».

Вот они, доступные девушки. Конечно, по дорожной цене. Судя по фотографиям, почти нет среди них шведок. Впрочем, эта «индустрия порока» тоже близится к кризису в связи со страхом перед СПИДом. Так что и им грозит опасность пополнить ряды безработных.

Женщин в Швеции нещадно бьет безработица. В этом они опережают мужчин. Что касается реального равноправия, то знаменитая поборница завоеваний социал-демократии и прав женщин Альве Мюрдаль сказала, что понадобится еще сто лет, прежде чем можно будет говорить о реальном равноправии.

Узнать же и шведок, и шведов не так просто.

Специальный справочник для прибывающих на жительство иностранцев «Встреча со Швецией» пишет:

«Вы все время их видите, но подойти к ним и заговорить не удается».

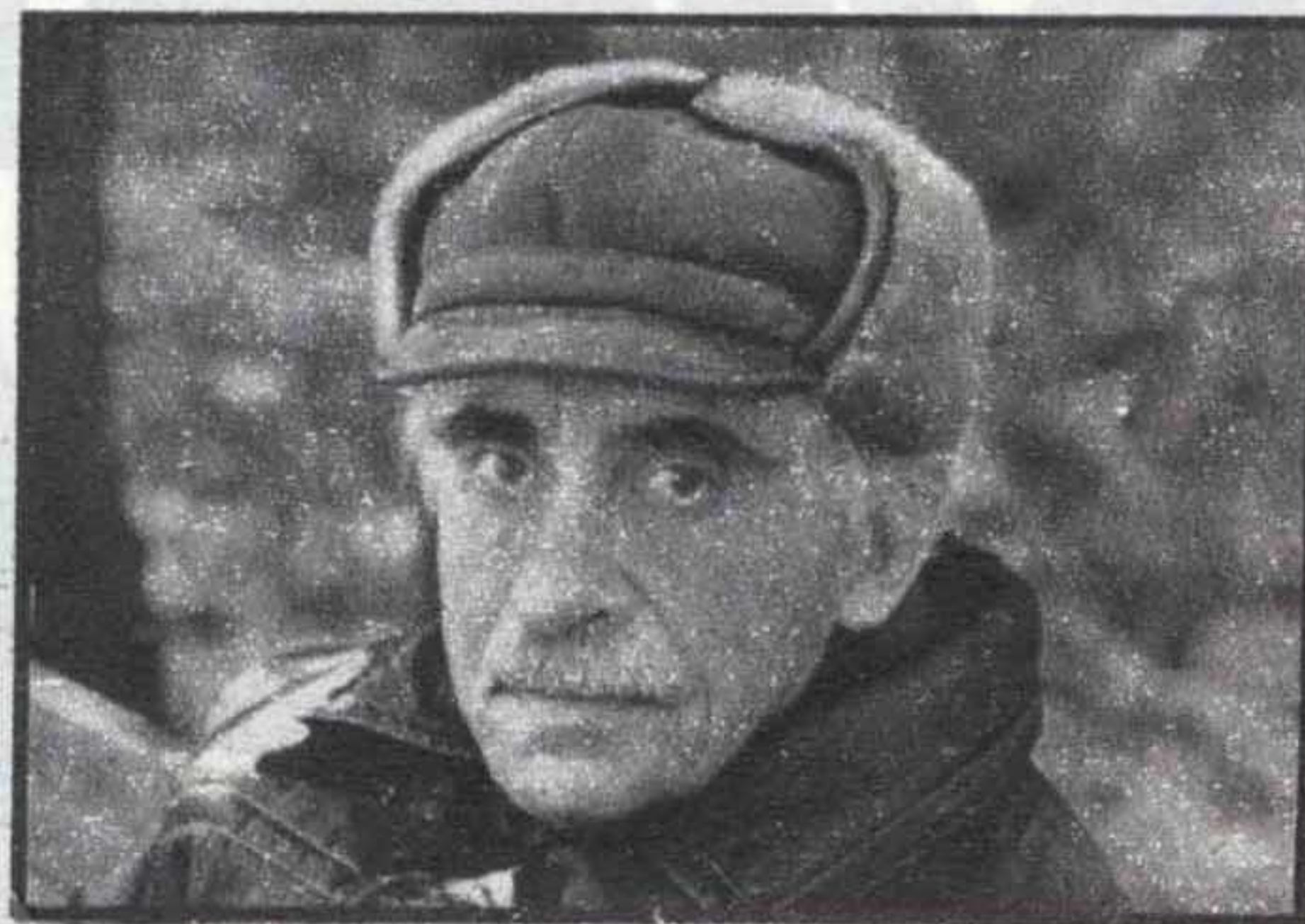
Нужно помнить, что многие иностранцы приезжают из стран, где улыбка — абсолютно нормальное явление. Шведы же вряд ли могут получить приз за «улыбчивость». Но вполне вероятно, что улыбки им нравятся, и они внутренне улыбаются в ответ.

В Швеции не принято посещать людей дома. Шведы ненавидят вторжение в свою жизнь, они уважают неприкосновенность своих жилищ. По этой причине они не приглашают соседей. Вы же можете пригласить своих шведских соседей на кофе или национальное блюдо. Скорее всего они откажутся, потому что им не преодолеть барьера языка и чуждых нравов, но вы не отчаивайтесь, если они, побывав у вас, не пригласят вас в ответ. Это потому, что, несмотря на все разговоры об эмансипации, шведская хозяйка дома все еще очень старомодна. Ей претит мысль о том, что приглашенные не будут приняты по всем правилам в квартире, не начищенной от пола до потолка. Ведь большинство женщин работают, и у них нет ни времени, ни сил на такую подготовку к приему гостей. В результате — разобщение, социальная изоляция. Но не отчаивайтесь. У молодого поколения нравы попроще.

Вы заметите также, что шведы не столь угрюмы, как может показаться на первый взгляд. Даже наоборот, часто за фасадом недружелюбного лица и сердитого голоса скрывается добрый и дружелюбный человек. Чтобы узнать шведа, нужно приближаться к нему постепенно. Не сдавайтесь, но и не будьте настойчивы, а то испугаете его. Дайте ему время, и он оттаяет!»

Семен ЛИПКИН

ОТ СОЮЗА БОЛИ И ЛЮБВИ

Семен Липкин когда-то сказал: «Я счастливее. Я свою беду превратил в счастье». Сказал, имея на то право — горькое и гордое. Горькое потому, что его первая стихотворная книга была набрана и безжалостно рассыпана еще в тридцатых, после чего поэта долгие годы попросту не печатали. Гордое — ибо душа, жаждущая не только воплощенности, но и отзвука, была (сперва, может, всего лишь по необходимости) отдана славному делу перевода, точнее говоря, пересоздания гениальных творений поэзии Востока. Лутфи, Навои, Фирдоуси, калмыцкий и киргизский эпосы в липкинском переводе — живые — подчеркиваю это слово — чудеса поэзии; лично я смело считаю их пересоздателя классиком русского перевода.

Мало кто знал, однако, что за десятилетия, так сказать, полумолчания (а в последние годы молчания полного) рос, формировался значительный мир собственной поэзии Липкина, одну из черт которой я определил бы как неуступчивость. Неуступчивость — и в отчетливой самобытности, и в снисходительном пренебрежении к быстросумящим модам и в противостоянии трагизму жизни, который Липкин не надеется победить, но умеет гармонизировать.

Станислав РАССАДИН

Есть ли жизнь в гончарной
мастерской,
Там, где глиняные существа
Обладают внешностью людской,
Легкой забавляются строкой,
Говорят ненужные слова.

Но от них я славы не хотел
(И, быть может, в этом мой порок),
Я мечтал избрать другой удел,—
Стать душою для бездушных тел
С помощью скрепленных рифмой
строк.

А строка моя произошла
От союза боли и любви,
Чтоб войти в бездушные тела,
Чтобы чудно глина ожила
От союза боли и любви.

Коровье дремлет стадо
На травке луговой,
Один бычок безрогий
Мотает головой,
И от реки прохлада
Струится вдоль низин
Проселочной дорогой,
Где трактор пьет бензин.

Как телка, неподвижен
Железный ржавый лом.
Гараж и мастерские
Рождают мнимый гром.
К животным он приближен,
Но не пугает их,
Хоть голоса людские
Грубее луговых.

Я вспомнил, что когда-то
Я тоже был бычком
И на траву, безрогий,
Ложился я ничком.
Громы и их раската
Понять хотел я суть,
Вникая в гул тревоги
И не страшась ничуть.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Городские парнишки со щупами
Ищут спрятанный хлеб допоздна,
И блещит над степными халупами,
Как турецкая сабля, луна.

Озаряет семейства крестьянские:
Их отправят в Котовск через час,
А оттуда — в места казахстанские:
Ликвидируют, значит, как класс.
Будет в красных теплушках
бессонница,

Будут плакать, что правда крива...
То гордится под ветром,
то клонится
Аж до самого моря трава.

Стерегут эту немочь упорную —
Приумолкший угрюмый народ.
Если девушка хочет в уборную,
Вслед за нею конвойный идет.

Дверцу надо держать приоткрытою:
Не сбежишь, если вся на виду...
Помню степь, лунным светом
облитую,
И глухую людскую беду.

Я встречаю в Одессе знакомого.
Он теперь вне игры, не у дел.
Не избег он удела знакомого,
Восемнадцать своих отсидел.

Вспоминает ли, как раскулачивал?
Как со щупом искал он зерно?
Ветерок, что траву разворачивал?
Лунный свет, что не светит давно?

НАЧАЛО ЛЕТА

Дочь забудет, изменит жена,
друг предаст,—
Все проходит, проходит...
Но ошибся безжалостный
Экклезиаст,
Ничего не проходит.

Вновь рождается дочь, чтоб забыть
об отце,
Вновь жена изменяет,
Снова друг предает,— и начало
в конце
Ничего не меняет.

Но останется в сердце твоём
и моём
То, что здесь происходит,
Ибо призрачна смерть и мы вечно
живем.
Ничего не проходит.

Потому что осмысленно липа
цветет,
Звонко думает птица,
Это было и будет всегда, и уйдет,
Чтобы к нам возвратиться.

Я забыть не хочу, я забыть
не могу
Иероглифы птичьих следов
на снегу.
Я забыть не могу, я забыть
не хочу
Те ступеньки, что скользко
сползали к ключу.
Не хочу, не могу эту речку забыть,
Что прошла снега, как суровая
нить.

Я забыть не хочу, я забыть не могу
Круг закатного солнца на вешнем
лугу.
Я забыть не могу, я забыть не хочу
Эту сосенку, вербную эту свечу.
Только б слышать всегда да и
помнить всегда,
Как сбегает с холма
ключевая вода.

ВОР

Хороши запевалы,—
атаманы, пожалуй, не хуже,
Чаша ходит по кругу, а сабли острые,
О Димитрии первом, об убитом
Маринином муже
Величальную песню поют гусляры.
У Марины походка — сандомирской
лебедушки танец,
Атаманов ласкает приманчивый
взор.
О себе эту песню нынче слышишь,
второй самозванец,
Но всегда будешь первым, наш
тушинский вор.

А тебя порубают,— будет третий,
четвертый и пятый,
Где ковыль задернет, там хлебу
шуметь,
Но останешься первым, и до самой
последней расплаты
Величальную песню тебе будут петь.

Отпоют тебя степи, обезвожатся
волжские срубы,
Ворон каркать привыкнет, что
царствует вор.
Над башкой твоей мертвой
не померкнут Маринины губы,
Лебединая шея, колдующий взор.

СОБОР

Не в зеленом уборе
Вижу землю мою,
А в зеленом соборе
Я молюсь и пою.

И ведет не апостол,
И зовет не левит,—
Сам внутри себя создал
То, чем жить надлежит.

Ум и сердце очистив
От сует и нытья,
Слышу проповедь листьев
И псалом соловья.

Я в зеленом соборе
Узнаю, что опять
Губит Чермное море
Фараонову рать;

Что, зажав свой пастуший
Посох в смуглой руке,
Вновь идет, как по суше,
Человек по реке.

Домотканой рубахи
Чуть намокли края,
В чудном трепете птахи,
Воды, ветви и я.

Потомства двигая зачатки,
Лягушек прыгают двойчатки,
Снег мочит редкую траву,
Поют крылатые актеры,
А к ним взлетают метеоры —
Так бабочек я назову.

Милы мне бабочки и птицы!
Я тот, кто вышел из больницы,
Кто слышит, как весна идет,
Но помнит знаки жизни хрупкой —
Связь неестественную с трубкой,
Свой продырявленный живот.

Я вам обоим благодарен:
Тебе, что ярко мне подарен,
Мой день, поющий все звончей,
Тебе, кто света не видала,
Кто триста дней со мной страдала
И триста мучилась ночей.

В КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ

1. ДНЕМ

В долине плоской, как доска,
Чернеют овцы и собаки —
Начертанные кем-то знаки
Неведомого языка.

Песок и солнце жгут их колко,
А я пытаюсь их прочесть,
Забыв про шифер и про жесть
Степного пыльного поселка.

Вдруг клинописному письму
И я сумею научиться,
Но смысл, который в нем таится,
Я не открою никому.

2. НОЧЬЮ

О степь калмыцкая с двоякой
Субстанцией ночной,
Когда братаются два мрака:
Воздушный и степной.

Здесь образ неба так нагладен,
Как будто степь видна,
В нем столько же бугров и впадин,
Как у степного дна.

Здесь понял я, что мир загробный
Земным стезям сродни,
Здесь звездам — редкие — подобны
Степных жилищ огни.

Здесь видел я, как вспыхнул разум
Небесной чистоты
В том желтоскулом, узкоглазом,
Который гнал гурты.

Воды вдоль тихих берегов
Охрипая певучесть,
Свеженаметанных стогов
Щемящая пахучесть,

И зарождающихся гроз
Изустная словесность,
И заколдованных берез
Влекущая безвестность,

И на холме — вдали — музей,
Где звон блаженно длился,
Где царь тишайший Алексей
Михайлович молился,

И все, что обнимает взгляд,
Преобразясь в прозренье,
Со мною движется назад
В четвертом измеренье.

Рисунки
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

Морис Касл служит в британском разведуправлении. Ранее он работал в дипломатическом представительстве в Южной Африке, где познакомился с африканкой и влюбился в нее.

Проведавшие об этом агенты южноафриканских спецслужб стали преследовать их за нарушение законов апартеида.

С помощью коммунистов Сару удалось переправить за границу, куда выехал и Касл.

Семь лет спустя в Лондон приезжает сотрудник южноафриканской охраны Мюллер, в свое время допрашивавший Касла.

Теперь же по указанию главы разведслужбы сэра Харгривза Касл вынужден принимать его у себя дома, знакомить с секретными материалами.

Вместе с Каслом служит и Дэвис, молодой человек, влюбленный в секретаршу отдела Синдру.

При проверке сотрудников в кармане у него нашли отчет агента, который он намеревался прочесть во время обеда.

Второй раз он вынес секретный документ, когда шел на свидание с Синдрой. Дэвиса подозревают в том, что он ответствен за разглашение государственной тайны.

Глава IV

Раз в месяц в свободный от работы день Касл вместе с Сарой и Сэмом отправлялся в небольшое путешествие — навестить мать, которая жила в восточной части графства Суссекс, славившегося своими хвойными лесами и песчаными почвами. Никто не ставил под вопрос необходимость этих поездок, однако Касл сомневался, что его матушка получала истинное удовлетворение от визитов, но не отрицал, что она, как могла, старалась доставить им удовольствие, конечно, в том смысле, в котором его понимала. Именно поэтому для Сэма всегда было приготовлено и убрано в морозилку ванильное мороженое, хотя он больше любил шоколадное, и каждый раз для их встречи она заказывала такси, хотя жила всего в полумиле от станции. После возвращения в Англию Касл решил не связываться с машиной, и потому, как ему казалось, мать считала его не очень удачливым и состоятельным. Сара как-то однажды призналась Каслу, что от чрезмерного внимания матери чувствует себя неуютно, будто почетный чернокожий гость на приеме, устроенном противниками апартеида.

Немало беспокойства причинял и Буллер. Касл давно понял, что бесполезно убеждать жену и сына

оставлять собаку одну дома. Сара не сомневалась, что без их опеки Буллера наверняка убьют грабители в масках. Касл возражал ей: Буллера они приобрели для того, чтобы собака защищала их, а не наоборот. В конце концов Касл решил, что проще не перечить, хотя мать очень не любила собак, к тому же имела бирманскую кошку, расправиться с которой было заветной мечтой Буллера. Кошку до их приезда запирали в спальню миссис Касл, и о тяжелой участи кошки, лишенной возможности пообщаться с людьми, матушка неоднократно напоминала, пока они гостили у нее. Как-то Буллера застали распростертым у двери спальни в ожидании кошки, пес тяжело дышал, предвкушая удовольствие не меньшее, чем убийца из пьес Шекспира. Миссис Касл написала Саре длинное письмо, полное упреков. Дело в том, что кошка после этого инцидента целую неделю нервничала, объявив своего рода голодовку, отказываясь есть мясные консервы и пила только молоко.

Все, как по команде, помрачнели и притихли, когда такси въехало в тенистую аллею, которая вела к дому с остроконечной крышей. Дом, построенный в эдуардовском стиле, отец Касла приобрел перед выходом на пенсию, так как рядом находились клуб и площадка для игры в гольф. Однако вскоре с отцом случился инсульт, и он уже не мог самостоятельно добираться до клуба.

Как повелось, миссис Касл ждала их на пороге дома. Она была облачена в старомодное платье, которое подчеркивало ее поджарую, сохранившую стройность фигуру. Воротник-стойка в стиле королевы Александры надежно закрывал старческую шею. Стараясь не выдать своего плохого настроения, Касл напустил на себя показное веселье, крепко обнял мать, но она едва шевельнулась. Миссис Касл считала эмоции, которые выражались открыто, неискренними. Ей скорее подошла бы роль супруги посла или губернатора в одной из британских колоний, а не жены простого провинциального врача.

— Ты прекрасно выглядишь, мама, — обратился к ней Касл.

— Для своего возраста чувствую себя неплохо.

Миссис Касл было восемьдесят пять. Она подставила Сару для поцелуя гладкую белую щеку, благоухающую лавандой.

— Надеюсь, Сэм чувствует себя хорошо?

— Да, лучше, чем когда-либо.

— И карантин кончился?

— Разумеется.

Удостоверившись, что все в порядке, миссис Касл позволила мальчику чмокнуть ее в щеку.

— Ты скоро пойдешь в подготовительную школу, не так ли?

Сэм кивнул в ответ.

— Тебе понравится играть там с другими мальчиками. А где Буллер?

— Пошел проведать кошку, — с ухмылкой ответил Сэм.

После ленча Сара вместе с Сэмом и собакой отправилась погулять по саду, чтобы ненадолго оставить Касла наедине с матерью. Это тоже вошло в их месячный ритуал. Сара поступала так из лучших побуждений, однако Касла не покидало ощущение, что мать с нетерпением ждала окончания их беседы. Как всегда, воцарилось глубокое молчание, пока миссис Касл наливала по чашечке никому уже не нужного кофе. Затем она предложила тему для разговора, к которому заблаговременно готовилась, чтобы избежать неловкой паузы.

— На прошлой неделе произошла ужасная авиакатастрофа, — начала миссис Касл, положив себе в чашечку один, а Каслу два кусочка сахара.

— Да, просто страшно.

Касл пытался вспомнить, какой авиакомпании принадлежал разбившийся самолет и где произошла катастрофа...

— Я тут же представила себе, что стало бы с Сэмом, если бы вы с Сарой оказались на борту того самолета.

Касл вспомнил подробности инцидента.

— Но это случилось в Бангладеш, мама. Какое отношение это имеет к нам?

— Ты ведь работаешь в министерстве иностранных дел. Тебя могут послать в любую страну.

— Не волнуйся. Не пошлют. Я прочно прикован к письменному столу в Лондоне, мама. Кроме того, тебе хорошо известно, что, случись что-нибудь с нами, именно ты станешь опекуном сына.

— Ну что ты, я ведь старая женщина, мне почти девяносто.

— Всего лишь восемьдесят пять, мама.

— Каждую неделю я читаю, как старушки попадают в автобусные катастрофы.

— Но ведь ты никогда не ездишь на автобусе.

— А с какой стати мне надо отказываться вообще от поездок на автобусе?

— Если с тобой, мама, не дай бог, что-то случится, мы найдем другого опекуна.

— Как бы не было слишком поздно. Надо готовиться к любой неожиданности. А в случае с Сэмом всегда могут возникнуть проблемы.

— Видимо, ты скорее всего имеешь в виду, что он темнокожий?

— Пока он несовершеннолетний, опеку над ним не так легко оформить. Большинство чиновников, как всегда говорил твой отец, — настоящие расисты. И еще, задумывался ли ты над тем, мой дорогой, что, когда нас не будет, могут нагрянуть его африканские родственники и заявить о своих правах?..

— У Сары нет родителей.

— Все имущество, что останется после тебя, в глазах родственников Сары будет выглядеть огромным состоянием. Мне, например, рассказывали, что в случае нашей одновременной смерти мое состояние будет приплюсовано к твоему. Все равно какие-нибудь родственники у Сары найдутся, и они наверняка начнут требовать...

— Мама, твои взгляды, по-моему, в чем-то схожи с расистскими.

— Нет, дорогой, я не расистка. Не отрицаю, что могу казаться несколько старомодной и излишне патристичной. Сэм — англичанин по рождению, кто бы что ни говорил.

— Буду иметь в виду, мама. — Так Касл обычно заканчивал все их беседы. Вместе с тем он всегда прибегал к этой фразе, чтобы сменить тему разговора.

— Мама, я стал серьезно подумывать над тем, чтобы уйти в отставку.

— Но ведь тебе вряд ли дадут приличную пенсию, не так ли?

— У меня есть небольшие накопления, да и живем мы довольно скромно.

— Чем больше твои сбережения, тем больше оснований, чтобы у твоего сына был еще один опекун — на всякий случай. Я придерживаюсь тех же либеральных взглядов, что и твой отец, но с ужасом представляю, что будет, если Сэма заставят вернуться в Южную Африку...

— Не расстраивайся, мама, ты уже, наверно, этого не застанешь.

— Не уверена, дорогой. Я ведь верующая.

Это был один из самых трудных разговоров с матерью, и Касла спас только Буллер, который вернулся с прогулки и тут же устремился наверх проведать запертую кошку.

— По крайней мере, — вставила миссис Касл, —

надеюсь, я навсегда избавлена от того, чтобы стать опекуном Буллера.

— О да. Обещаю тебе, мама. На случай трагической катастрофы в Бангладеш, которая по времени может совпасть с крушением городского автобуса в графстве Суссекс, я распорядился избавиться от Буллера по возможности безболезненно.

— Лично я для своего внука выбрала бы собаку другой породы. Сторожевые псы, как Буллер, всегда возбуждают детей. Вдобавок Сэм — несколько нервный ребенок. Он мне очень напоминает тебя в таком же возрасте, разумеется, не цветом кожи.

— Неужели я рос нервным?

— Ты всегда проявлял такую отзывчивость, что делал для других больше, чем они для тебя. Ты чувствовал себя неуверенным... непонятно, ведь рядом были мы с отцом... Однажды в школе ты подарил кому-то дорогую авторучку, поскольку тебя угостили булочкой с шоколадной начинкой.

— Не волнуйся, мама. Я всегда слежу теперь за тем, чтобы мои затраты должным образом окупались.

— Надеюсь.

— И еще, я давно уже не занимаюсь благотворительностью.

Сказав это, Касл вспомнил о трагической смерти Карсона в тюрьме и недавнем разговоре о нем с Сарой. Затем он добавил:

— Так или иначе, я не иду на поводу у своих чувств. Теперь я не обойдусь одной лишь булочкой.

— Меня всегда удивляла в тебе одна странность. С тех пор, как ты встретил Сару, ты не вспоминаешь о Мэри. Мэри мне очень нравилась. И мне хотелось, чтобы у вас с ней был ребенок.

— Я стараюсь не вспоминать тех, кого нет в живых, — ответил Касл.

Однако это было не так. Вскоре после женитьбы он узнал, что не может стать отцом. Детей у них

с Мэри не было, но они жили счастливо. Гибель жены во время бомбежки на Оксфорд-стрит, когда он находился в относительной безопасности, выполняя задание Лиссабона, равнялась для Касла гибели единственного ребенка. Тогда Касл не смог уберечь Мэри и не погиб вместе с ней. Поэтому он никогда не говорил о своей первой жене.

— Меня всегда поражало в твоей матери, — сказала Сара, когда, лежа в кровати, они обменивались впечатлениями от поездки, — что она ничуть не сомневается, что Сэм — твой сын. Интересно, ей никогда не приходило в голову, что мальчик такой чернокожий, хотя его отец — белый?

— Она, вероятно, не разбирается в оттенках.

— Зато мистер Мюллер отлично разбирается.

Внизу зазвонил телефон. Была почти полночь.

— Что за черт! — воскликнул Касл. — Кому понадобилось беспокоить нас так поздно? Снова твои люди в масках?

— А ты не хочешь снять трубку?

Звонки прекратились.

— Если это твои грабители в масках, — прокомментировал Касл, — у нас есть шанс поймать их. Телефон снова зазвонил. Касл посмотрел на часы.

— Ради бога, подойди к телефону.

— Опять, видимо, не туда попали.

— Хорошо, если не хочешь, я подойду.

— Надень халат, а то простудишься.

Однако стоило Саре встать, как звонки прекратились.

— Наверно, позвонят снова, — сказала Сара. — Помнишь, в прошлом месяце звонили всегда три раза в час ночи?

Но звонков больше не было. Зато в детской заплакал мальчик. Сара возмутилась:

— Черт бы их побрал, кто бы там ни был. Они разбудили Сэма.

— Пойду успокою его. Ты вся дрожишь, ложись скорее.

— Это воры? А почему не лаял Буллер? — спросил Сэм Касла.

— Буллер знает, когда нужно лаять. Это не воры, Сэм. Просто так поздно позвонил один мой приятель.

— Мистер Мюллер?

— Нет, он мне не приятель. Давай спать. Звонков больше не будет.

— А откуда ты знаешь?

— Представь, знаю.

— А звонили несколько раз.

— Верно.

— Но ты ни разу не подошел к телефону. Почему же ты знаешь, что звонил твой знакомый?

— Ты задаешь слишком много вопросов, Сэм.

— Значит, это был условный знак?

— А у тебя есть свои секреты, Сэм?

— Да, очень много.

— Расскажи мне хотя бы об одном.

— Нет, не буду. Тайна уже не тайна, если о ней рассказать.

— Ну вот, и у меня есть свои секреты.

Сара еще не спала, когда он вернулся в комнату.

— С Сэмом все в порядке, — успокоил ее Касл. —

Он думал, что звонили жулики.

— Не исключено, что они. Что же ты ему сказал?

— Объяснил, что это был условный знак.

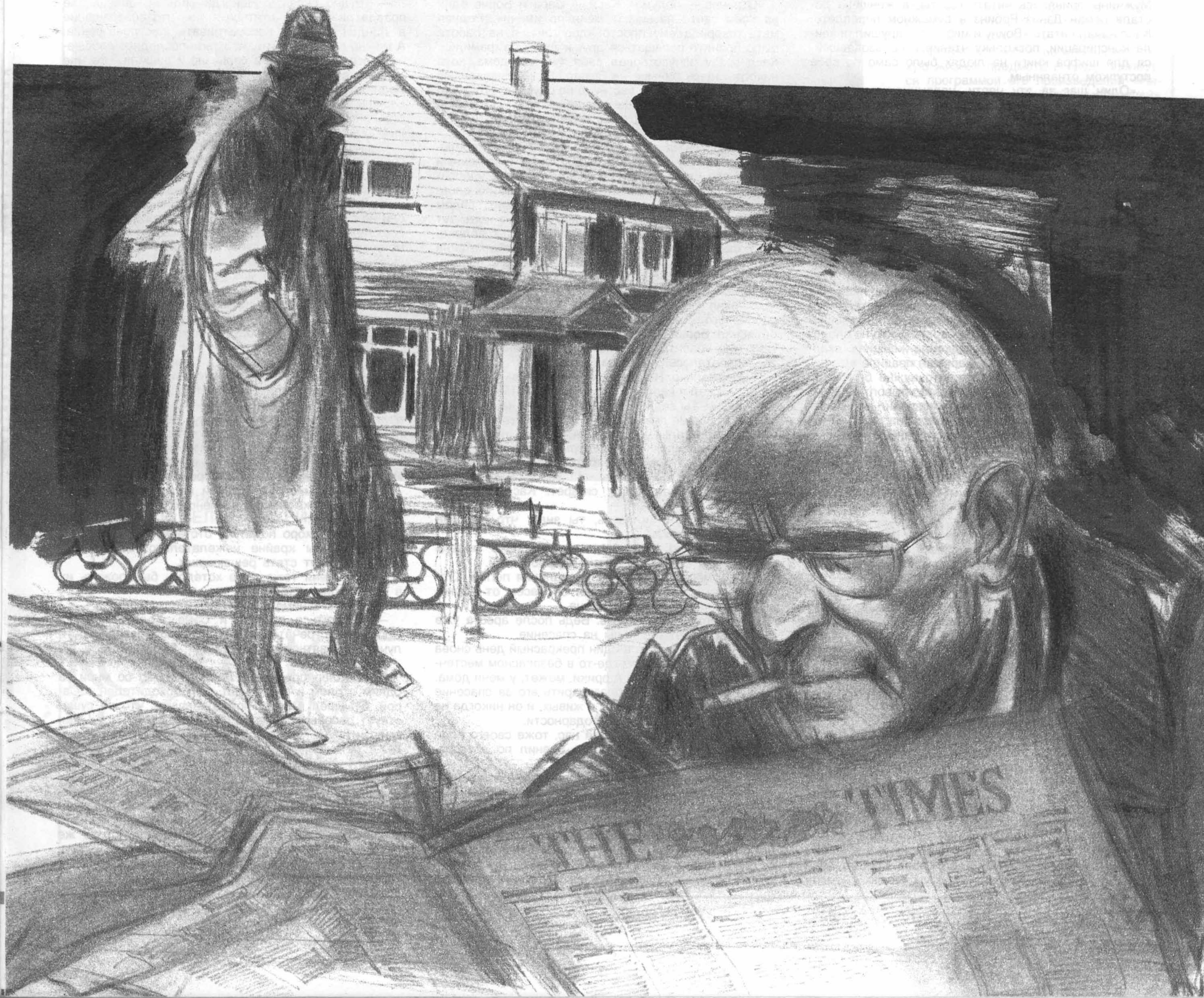
— Ты всегда знаешь, как успокоить мальчика. Ты его очень любишь, правда?

— Да, очень.

— Странно. Меня это всегда удивляло. Жаль все же, что Сэм тебе не родной.

— Я не жалею. Ты знаешь.

— И все же я не понимаю.

— Я объяснял неоднократно. Я и так каждый день вижу свое изображение в зеркале, когда бреюсь.

— В зеркало на тебя смотрит добрый, отзывчивый человек.

— Сам о себе я бы так не сказал.

— Твой ребенок был бы для меня тем, ради чего стоило жить, когда тебя не станет. Ведь ты не вечен.

— И слава богу, что нет.

Последняя фраза вырвалась сама по себе, и Касл пожалел об этом. Касл знал о том, как Сара относилась к нему. И как ни пытался он сдерживать себя, его так и подмывало все ей рассказать.

Иногда он даже цинично сравнивал Сару с умным следователем, который своим сочувствием и вовремя предложенной сигаретой притуплял твою бдительность.

— Знаю, тебя что-то беспокоит, — продолжила Сара. — Мне бы очень хотелось, чтобы ты со мной поделился, но понимаю, что ты это сделать не вправе. Может быть, потом... когда ты будешь свободен... — грустно добавила Сара. — Если ты вообще когда-нибудь будешь свободен, Морис.

Глава V

Касл, как обычно, оставил велосипед у кондуктора на железнодорожной станции в Беркампстеде и поднялся на платформу, с которой уходили поезда в Лондон. Он знал почти всех утренних пассажиров в лицо и с некоторыми даже раскланивался. Холодный октябрьский туман окутал развалины старого замка и ивы над каналом. Касл прошел в конец платформы и вернулся назад. Он узнал всех пассажиров, кроме одной женщины в недорогой кроличьей шубке. Женщины вообще редко ездили на утреннем поезде. Касл видел, в какой вагон села незнакомка, проследовал за ней и устроился в том же купе. Мужчины принялись читать газеты, а женщина достала роман Дэниз Робинз в бумажном переплете. Касл начал читать «Войну и мир». Он нарушил правила конспирации, поскольку чтение использовавшейся для шифра книги на людях было само по себе поступком отчаянным.

«Один шаг за эту черту, напоминающую черту, отделяющую живых от мертвых, и — неизвестность, страдания и смерть. И что там? кто там? там, за этим полем и деревом...»

Касл посмотрел в окно и словно увидел глазами толстовского солдата безмолвную гладь канала, текущую в сторону Боксмурра.

«...и крышей, освещенной солнцем? Никто не знает, и хочется знать; и страшно перейти эту черту...»

Поезд остановился в Уотфорде. Касл в одиночестве вышел из купе на платформу и задержался у расписания, ожидая, пока пассажиры с поезда пройдут к выходу. Незнакомки среди них не было. Выйдя на улицу, Касл какое-то время постоял в хвосте автобусной очереди, запоминая лица. Он взглянул на часы и, изобразив явное нетерпение в расчете на тех, кто мог наблюдать за ним, пошел пешком. Касл чувствовал, что за ним никто не следовал, хотя его несколько беспокоила женщина, ехавшая в поезде, и то, что он нарушил правила конспирации. Касл хорошо понимал, что нужно быть предельно осторожным. Из первого почтового отделения, попавшегося на пути, Касл позвонил на работу и попросил к телефону Синдру. Она всегда появлялась в конторе на полчаса раньше Уотсона, Дэвиса и его самого.

— Передай, пожалуйста, Уотсону, что я сегодня немного задержусь, — обратился к ней Касл. — Мне пришлось по дороге остановиться в Уотфорде, чтобы зайти к ветеринару. Буллер последнее время стал что-то хандрить. И Дэвису, пожалуйста, скажи.

Касл подумал, не стоит ли ему для полного алиби действительно зайти к ветеринару, однако решил, что чрезвычайные меры предосторожности иногда так же вредны, как и их отсутствие. Наилучшая предосторожность — это простота, по возможности также всегда лучше говорить правду, поскольку правда запоминается легче, нежели ложь.

Касл в полном соответствии с полученными инструкциями проследовал до третьего по счету на этой стороне улицы кафе и стал ждать. Вскоре высокий худощавый мужчина в потертом пальто остановился у столика Касла и спросил:

— Извините, вы случайно не Уильям Хэтчард?

— Нет, моя фамилия Касл.

— Прошу прощения. Вы так на него похожи.

Касл выпил две чашки кофе, пока читал «Таймс». Газета всегда нравилась ему тем, что ненавязчиво внушала читателям уважение к самим себе. Касл заметил, как какой-то мужчина на улице метрах в пятидесяти наклонился завязать шнурок на ботинке. Касл почувствовал себя уверенно — словно это уже было с ним, когда ему предстояла серьезная операция и его на больничной каталке везли из палаты в операционную. Касл снова ощутил себя неким объектом на конвейере, которого уводили

в нужном направлении, где он ни за кого не отвечал, даже за самого себя. Теперь обо всем, плохо ли, хорошо ли, позаботится кто-то другой, обладающий более высокими профессиональными качествами. «Вот именно так было хорошо встретить свою смерть», — подумал Касл, не спеша, спокойно и умиротворенно следуя за незнакомцем. Касл всегда надеялся, что примет конец с легким чувством, заблаговременно и навсегда освободившись от обременительных забот.

Они проходили, как отметил Касл, по «Аллее вязы», однако тут не было ни вязы, ни других деревьев. Дом, к которому они подошли, выглядел таким же невзрачным и неприметным, как и особняк Касла. Даже стекло на входной двери напоминало дымчатое стекло дома, где жил Касл. Может быть, здесь тоже некогда обитал зубной врач. Худощавый незнакомец ненадолго задержался у чугунных ворот перед входом в малюсенький садик. Касл прошел к двери. На ней было три звонка, но только под одним красовалась табличка с едва различимой надписью. Касл позвонил; проводник тем временем перешел на другую сторону улицы, достал носовой платок и высморкался. Видимо, это был условный сигнал, поскольку Касл услышал, как кто-то тут же стал спускаться по лестнице, чтобы открыть дверь. Касл подумал, приняты ли меры предосторожности, чтобы оградить его от возможной слежки, от возможного предательства — или того и другого одновременно. Но это уже мало его волновало: он вступил на конвейер.

Распахнулась дверь, и Касл неожиданно увидел знакомое лицо: поразительной голубизны глаза, приветливую улыбку и небольшой шрам на левой щеке. Касл знал, что шрам у мужчины с детства — его ранили в Варшаве, когда город оккупировали немцы.

— Борис! — воскликнул Касл. — Думал, что никогда уже больше тебя не увижу.

— Очень рад нашей встрече, Морис.

«Странно, — подумал Касл, — Сара и Борис одни на всем свете называют меня по имени». Родная мать говорила ему просто «дорогой», а на работе было принято обращаться друг к другу по фамилии. Касл сразу почувствовал себя тут как дома, хотя никогда здесь раньше не бывал. Даже изношенные ковровые дорожки на лестнице не смущали его. Касл почему-то вспомнил отца. Наверное, потому, что еще в детстве вместе с отцом навещал одного из его пациентов в доме, похожем на этот.

Поднявшись на второй этаж, они вошли в небольшую квадратную комнату, где стояли письменный стол и два стула. На стене висела картина, изображавшая семейное пиршество в саду. Художник словно собрал на столе все яства воедино: рядом с яблочным пирогом красовалась говяжья нога, тут же была разложена семга, стояли поднос с яблоками, большая супница, кувшин с водой, бутылка вина и кофейник. На полке лежало несколько словарей, к школьной доске была прислонена указка. На доске написаны слова на незнакомом Каслу языке.

— Меня решили направить сюда после твоего последнего сообщения о встрече с Мюллером, — объяснил Борис. — Рад снова побывать здесь. Англия мне нравится гораздо больше Франции. А как тебе работало с Иваном?

— Нормально. Но все равно не так, как с тобой. — Касл поискал в кармане сигареты, но обнаружил, что забыл их. — Ты ведь лучше знаешь. Мне казалось, он мне до конца не доверял. Ему всегда хотелось получить дополнительные сведения, помимо тех, о которых я согласился вас информировать. Он даже предлагал мне перейти работать в другой сектор.

— По-моему, ты куришь «Мальборо»? — спросил Борис, протягивая пачку сигарет. Касл взял сигарету.

— Борис, работая здесь, ты знал, что Карсона уже нет в живых?

— Мне стало это известно несколько недель назад. Я до сих пор не знаю подробностей.

— Он умер в тюрьме. От воспаления легких. Это официальная версия. Я узнал обо всем от Корнелиуса Мюллера, а не от Ивана.

— Ничего не поделаешь. Ведь после ареста уже практически нет надежды на спасение.

— Я всегда мечтал в один прекрасный день снова встретиться с Карсоном где-то в безопасном местечке подальше от Южной Африки, может, у меня дома. И еще мне хотелось поблагодарить его за спасение Сары. А теперь его уже нет в живых, и он никогда не услышит от меня слов благодарности.

— Все, что ты сделал для нас, тоже своего рода благодарность. Карсон бы это оценил по достоинству. Не надо так переживать.

— Не надо? Но одним разом делу не поможешь. Я не в силах повлиять на свои переживания, как человек не в силах повлиять на свою любовь.

Касл с досадой подумал о несуразности своего положения. Кроме Бориса, на всем белом свете не было никого, с кем Касл мог поделиться и раскрыться до конца. А ведь он даже не знал настоящего имени Бориса. С Дэвисом, например, он говорить не

мог, поскольку тот не знал его тайной жизни. То же самое и с Сарой, которая даже не подозревала о существовании Бориса. Касл как-то рассказал Борису о той памятной для себя ночи в отеле «Пола-на», когда узнал правду о Сэме. Связной был для Касла все равно, что пастор для католика, с пониманием выслушивающий исповедь, какой бы личной она ни являлась. Касл заметил:

— Когда сменили моего связного и твоё место занял Иван, я почувствовал себя ужасно одиноким. С Иваном я мог разговаривать только о делах.

— Жаль, что мне тогда пришлось уехать. Я не хотел и делал все, чтобы остаться здесь. Но тебе прекрасно известно, как такие вопросы решаются в твоей собственной конторе. У нас то же самое. Мы словно в маленьких ячейках, и выбор ячеек от нас не зависит.

Как часто Касл слышал это сравнение у себя на работе. Каждая сторона, должно быть, оперирует одними и теми же категориями.

— Нам пора поменять книгу для шифра, — продолжил Касл.

— Верно. И это все? По телефону ты попросил о срочной встрече. Есть что-то новенькое о Портоне?

— Нет. Я не очень-то поверил легенде.

Они сидели на неудобных стульях за столиком друг против друга, словно учитель и ученик. С той лишь разницей, что в их случае ученик был намного старше учителя. «Ну что же, — заметил про себя Касл, — и на исповеди случалось так, что старик признавался в своих грехах молоденькому священнику, который вполне мог бы быть его сыном». Встречаясь с Иваном — а встречи их были довольно редкими и непродолжительными, — Касл передавал информацию, получал вопросники, все предельно поделовому. Общаясь с Борисом, Касл мог позволить себе расслабиться.

— Ну, а Франция для тебя повышение? — Касл взял еще одну сигарету.

— Трудно сказать. Никогда ведь не знаешь, не правда ли? Может статься и так, что возвращение в Лондон следует рассматривать как повышение. А можно предположить, что твое последнее сообщение восприняли весьма серьезно и решили, что мне удастся справиться с этим лучше, чем Ивану. Или Иван на чем-то погорел? Ты, например, не очень веришь в историю с Портоном, но есть ли у тебя серьезные факты, что ваши люди знают об утечке информации?

— Нет. Но в нашей работе учишься доверять собственной интуиции. Кроме того, проведена рутинная проверка сектора, — это факт.

— Но ты ведь сам назвал проверку «рутинной».

— Да, вполне вероятно, была обычная проверка, они не скрывали этого. Однако мне представляется все сложнее. Думаю, телефон Дэвиса прослушивают, мой, возможно, тоже, хотя маловероятно. Так или иначе, лучше отказаться от контрольных звонков мне домой. Ты читал мой отчет о визите Мюллера и проекте «Дядюшка Римус». Молю бога, чтобы у вас этот документ направили не по старым каналам, в том случае, если утечка действительно имеет место. Кажется, мне подсунили крапленую купюру.

— Не волнуйся. С отчетом поступили предельно осторожно. И вряд ли приезд Мюллера можно считать «крапленой купюрой». История с Портоном — другое дело, но что касается Мюллера — вряд ли. У нас есть тому подтверждение из Вашингтона. Мы подходим к «Дядюшке Римусу» весьма серьезно, поэтому просим тебя сосредоточить усилия на этом проекте. Положение в Средиземноморье, Персидском заливе, Индийском океане может измениться. И в Тихом океане тоже. В перспективе...

— Передо мной нет особой перспективы, Борис. В мои годы уже уходят на пенсию.

— Знаю.

— Думаю скоро подать в отставку.

— Было бы крайне нежелательно. Ближайшие два года могут стать решающими.

— Для меня тоже. Мне хотелось бы прожить их в свое удовольствие.

— И чем заниматься?

— Заниматься о Саре и Сэме. Ходить в кино. Спокойно встречать старость. В целях безопасности лучше отказаться от моих услуг, Борис.

— Почему?

— Мюллер приехал в Лондон, сидел со мной за одним столом и закусывал, был обходителен с Сарой. Он ушел в себя, притворившись, что не существует расовых барьеров. Терпеть его не могу! Как омерзительна вся их охранка — этот кровавый БОСС. Ненавижу тех, кто убил Карсона, а теперь говорит, что он умер от пневмонии. Они омерзительны, поскольку пытались запятать Сару в тюрьму и вынудить ее рожать Сэма там. Намного лучше, если с вами будет работать человек, не испытывающий такой ненависти, как я, Борис. В пылу ненависти можно наделать ошибок. Ненависть столь же опасна, как и любовь. А я опасен вдвойне, Борис, ведь я вдобавок влюблен. Любовь в разведке — серьезная помеха.

Олав МАРАН. Род. 1933.
КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ АМАРИЛЛИСЫ.
1982.

В КОНТАКТЕ СО СВОИМ ВРЕМЕНЕМ

НАТЮРМОРТ
С КОФЕЙНОЙ МЕЛЬНИЦЕЙ.
1980.

Начало на вкладке 1.

цистической прямоотой. Это идет от самоощущения человека перед мольбертом, готового к отождествлению своей деятельности с вечным назначением творца. Угрозе разрушения противопоставит акт созидания. Не бегство от времени, от его назлектризованного пространства, а утверждение мудрых установов добра и красоты характеризуют обращение Таммика к теме искусства.

Происходит погружение современности в связующие ценности классики. Иной путь, без видимых «цитат», избирает для этого Олав Маран. Внимательное отношение к окружению, постижение сущности бытия через «тихую жизнь» предмета в среде являются программой его произведений «Натюрморт с кофейной мельницей» и «Красные и белые амариллисы». Подобная задача глубоко традиционна для живописи. Но мастерство художника не заемно. Его кисть заставляет нас «забыть» французских импрессионистов с их зыбкостью полуреальных-полувымышленных форм мира. У Марана все устойчиво, весомо, имеет четкие границы в пространстве. Утверждение основательности жизни, зримой ее красоты для него важная, почти философская проблема. И дело совсем не в имитации реальных предметов, хотя его живопись с блеском передает материальные свойства: стекло прозрачно, холодным блеском отливает белый фаянс, упруго налиты соком стебли цветов. Гармония заключена не в существовании предмета, а в наличии вокруг него духовной ауры, которую создают своим присутствием вещи. Цветовые сочетания строги и благородны. В красоте нет привкуса нескромной рекламности вещиизма. Взгляд на мир отличается серьезностью эстетического переживания.

В эстонской живописи работают ху-

дожники разных творческих индивидуальностей, идущие по пути развития классических традиций. Очень важен в искусстве наших дней небанальный, романтический взгляд, идущий от тонкого восприятия природы и человека, их новых связей. Томас Винт — один из зачинателей ставшего весьма распространенным в последнее десятилетие стилизового течения «фотореализма». Своеобразие манеры художника состоит в сочетании, казалось бы, противоположных образных характеристик: некоторой суховатости живописи, скрупулезной, документальной фиксации видимого — городского пейзажа, природного мотива — с активностью чисто нравственного, эмоционального отношения к миру. Художник заметно тяготеет к идеальным представлениям, при том что его «Осень» кажется аскетическим повествованием о жизни природы и человека; она привлекает сосредоточенностью, демократической простотой вкуса и очень точной «привязкой» к конкретному ландшафту. В этом, если угодно, документализм живописи Винта, передающий не только типичный для Эстонии пейзаж, но выражающий некую общую категорию времени.

Городские пейзажи художника также своеобразны. Они всегда выделяются индивидуальным видением, обостренной предметностью, за которой встает не только реальность увиденного, но изначальный смысл бытия. Главным действующим лицом в картине «В старом городе» является тишина. Не слышен шаг одинокого прохожего,

осторожно ступающего по поросшей травой дорожке. Жизнь протекает как бы в замедленном ритме, и вообще композиция напоминает кинокадр, фиксирующий в замедленной съемке существование старого города, чья красота кажется хрупкой и эфемерной...

Каждая эпоха знает такие имена, которые высились в искусстве фантастическим изображением своего времени. Их фантазии не только давали людям возможность увидеть свое лицо, пораженное нравственным недугом, но и оставили духовное наследие, апеллирующее к естественному началу справедливости, чистоты, разума человека во все времена. Яркая фигура современного эстонского искусства — Юри Аррак известен своеобразными картинами-притчами. «Люди с предметами» — необычный мир, населенный необычными существами. Человеческая одержимость «владеть предметами» предстает как нелепое занятие. Мельтешение, суетливость жизни, утрата людьми человеческого облика — это этическая оценка художника, и она прочитывается ясно и точно при всей театрализации живописного действия.

Как видим, современное искусство многими нитями связано с классическими традициями. Подлинный контакт со своим временем возможен только через творческое переосмысление ценностей прошлого, через постоянное обновление культурных завоеваний, требующих от художника самостоятельности мышления, зоркости видения не тривиальных истин.

Юри АРРАК. Род. 1936.
ЛЮДИ С ПРЕДМЕТАМИ.
ПРИТЧА.
1985.

Касл почувствовал огромное облегчение, открывшись Борису, который, очевидно, понимал его. Голубые глаза выражали искреннее дружелюбие, улыбка ободряла и позволяла ненадолго забыть о конспирации. Касл продолжил:

— «Дядюшка Римус» для меня последняя капля. Представить только, что мы втихую вместе со Штатами помогаем этим белым мерзавцам. Ваши страшные времена давно в прошлом, Борис, а будущее пока не наступило. Я не могу бессмысленно повторять чужие слова: «Помните Прагу! Помните Будапешт!» — это все уже в прошлом. Сегодня всех должно волновать, что происходит в наши дни, а настоящее сулит нам «Дядюшку Римуса». Я стал натуральным африканцем, полюбив Сару.

— Тогда почему ты считаешь себя опасным?

— Потому что в течение семи лет я сохранял хладнокровие, а сейчас теряю его. И виной тому Корнелиус Мюллер. Не исключено, что «С» потому и направил его ко мне. Может, шеф хочет, чтобы я сломался.

— Просим тебя продержаться еще немного. Понятно, что первые годы в той игре, которую мы ведем, всегда самые легкие. Тогда не так очевидны противоречия, потребность держать многое в тайне не переросла еще в комплекс и не дает нервных всплесков, как обычно бывает в определенном возрасте у женщин. Морис, старайся меньше волноваться. Принимай на ночь «валиум» или другое успокоительное средство. Когда чувствуешь депрессию и потребность выговориться, приходи ко мне. Риск минимальный.

— Но ведь я сделал достаточно, чтобы отблагодарить Карсона?

— Да, разумеется, но пока мы не можем обойтись без тебя. Дело в «Дядюшке Римусе». Ты сам сказал, что теперь ты натуральный африканец.

Касл ощущал себя так, будто находился под сильным наркозом и стал выходить из этого состояния после удачно проведенной операции.

— Извини, я вел себя просто глупо, — обратился он к Борису. Касл не мог вспомнить, что он тут наговорил. — Налей мне, Борис, немного виски.

Борис открыл тумбу стола, достал бутылку виски и бокал.

— По-моему, ты предпочитаешь «джей-энд-би». — Борис наполнил бокал, удивившись тому, как быстро Касл осушил его. — Морис, видно, ты стал несколько злоупотреблять спиртным в последнее время?

— Верно. Но никто не знает. Я расслабляюсь только дома. Сара, конечно, замечает.

— Ну, а как вообще дела дома?

— Сара обеспокоена телефонными звонками. Ей все время кажется, что нас преследуют грабители в масках. И Сэм тоже спит беспокойно, ему скоро идти в подготовительную школу — школу для белых. Меня волнует, что станет с ними, если со мной что-то случится. Ведь в конечном счете что-то всегда происходит.

— Оставь это нам. Уверю, мы самым тщательным образом проработали твой маршрут, если ты будешь вынужден исчезнуть в экстремальной ситуации...

— Исчезнуть? А что будет с Сарой и Сэмом?

— Они последуют за тобой. Можешь положиться на нас, Морис. О них позаботятся. Мы умеем ценить оказываемые нам услуги. Помнишь Блейка? Мы своих не забываем. — Борис подошел к окну. — Все в порядке. Тебе пора на работу. А через четверть часа придет мой первый ученик.

— И каким языком ты с ним занимаешься?

— Английским. И не надо смеяться надо мной.

— Отнюдь, ты же блестяще знаешь английский.

— Мой ученик, как и я, — поляк, но эмигрировавший недавно. Мне он нравится, хотя и яростный враг марксизма. Ты улыбаешься. Вот так-то лучше. Никогда не стоит доводить себя.

— Все эта чертова проверка. Даже Дэвиса она выбила из колеи, а он тут вообще ни при чем.

— Не беспокойся. Кажется, я знаю, как сбить их с толку.

— Постараюсь.

— С сегодняшнего дня мы переходим на тайник номер три. Если возникнут какие-либо трудности, сразу дай мне знать. Я здесь затем, чтобы помогать тебе. Ты ведь мне веришь?

— О чем ты говоришь, конечно, верю, Борис. Мне просто хотелось бы, чтобы ваши по-настоящему доверяли мне. Книжный шифр — на него уходит уйма времени, к тому же это такой устаревший способ связи. Тебе известно, как рискованно пользоваться им.

— Дело не в том, что тебе не доверяют. Все предпринимается для твоей безопасности. Ваш дом могут в любое время обыскать просто так, в порядке обычной проверки. Вначале предполагалось, чтобы ты пользовался микрофотоаппаратом, но я был против. Ты удовлетворен?

— Есть еще одно пожелание.

— Слушаю.

— Я хочу невозможного. Мне бы хотелось, чтобы

отпала необходимость лгать. И чтобы мы были на одной стороне.

— Мы?

— Ты и я.

— Но ведь мы и так вместе?

— Да, в данном случае... в обозримом будущем. Тебе известно о том, что Иван пытался меня как-то шантажировать?

— Глупо с его стороны. Видимо, потому меня сюда и направили.

— Мы с тобой всегда хорошо понимали друг друга. Я передам тебе всю информацию, которая тебя интересует по моему сектору. Я никогда не скрывал, что не принимаю вашу веру и не стану коммунистом.

— Конечно. Мы всегда тебя понимали. Ты нужен нам как специалист по Африке.

— И я сообщаю вам то, что считаю нужным, Борис, я ваш союзник по африканским вопросам, но в отношении Европы, уволь.

— От тебя нужны лишь сведения, касающиеся «Дядюшки Римуса».

— И все же без меня вам было бы намного спокойнее.

— Нет. Вот Мюллеру и его друзьям от этого действительно было бы спокойнее, — возразил Борис.

Словно больной после нервной депрессии, Касл освободился от отрицательных эмоций и почувствовал прилив свежих сил, которые мог почерпнуть только здесь.

В этот раз они обедали в «Травеллерзе». Сэр Джон Харгривз входил в правление клуба и поэтому в отличие от клуба «Реформ» чувствовал себя здесь как дома. На улице похолодало, и сэр Джон счел ненужным идти для доверительной беседы в парк.

— Да, понимаю, о чем ты, Эммануил, подумал, но они знают тебя здесь как облупленного, — обратился сэр Джон к доктору Персивелю. — Они преспокойненько дадут нам попить кофе наедине. Им хорошо известно, что ты говоришь только о рыбалке. Кстати, как тебе понравилась копченая форель?

— Немного суховата, — заметил доктор Персивейл, — если сравнивать, как готовят в «Реформе».

— А ростбиф?

— Несколько передержан.

— Тебя просто невозможно ублажить, Эммануил. Как насчет сигары?

— Только если настоящая «гавана».

— Разумеется.

— Интересно, тебе их присылают из Вашингтона?

— Ну, не думаю, что разрядка повлияла на поставку сигар. Так или иначе, приоритет за лазерной техникой. В какие такие игры, Эммануил, мы теперь только не стали играть! Иногда мне снова хочется отправиться в Африку.

— Старую добрую Африку.

— Да, ты прав. В старую добрую Африку.

— Ее никогда уже не вернуть.

— Ну, почему же. Представь, что весь остальной мир уничтожен нами, автостроды зарастут травой, и новые фешенебельные отели превратятся в ничто, снова кругом возродятся джунгли, вернуться племенные вожди, шаманы... Я слышал, в провинции Трансвааль до сих пор сохранился заклинатель дождя.

— Ты об этом тоже собираешься рассказать в Вашингтоне?

— Нет. Но о «Дядюшке Римусе» я буду беседовать там без особого энтузиазма.

— Ты против проекта?

— Штаты, мы и Южная Африка — не равноценные партнеры. Но проект тем не менее получит поддержку, потому что Пентагону нужны эти игры, им не хватает настоящей войны. Так вот, я оставляю Касла заниматься здесь мистером Мюллером. Кстати, Мюллер отправился в Бонн. Надеюсь, Западная Германия в игре не участвует.

— Надолго ты уезжаешь?

— Думаю, дней на десять, не больше. Мне не подходит вашингтонский климат со всех точек зрения. — Он аккуратно стряхнул пепел с сигары. — Сигары доктора Кастро, — прокомментировал сэр Джон, — ничуть не хуже, чем у сержанта Батисты.

— Мне так не хочется, чтобы ты уезжал сейчас, Джон, когда наша рыбка почти на крючке.

— Доверяю улов тебе. Только смотри, как бы рыбка не оказалась старой калошей.

— Не думаю. Я руку себе набил на старых калошах.

— Тогда доверяю все тебе, Эммануил, конечно, и Дейнтри.

— А если мы вдруг разоидемся во мнениях?

— Ну что же, тогда твое мнение будет решающим. Ты заменишь меня на время. Однако умоляю тебя, Эммануил, не делай поспешных выводов.

— Я опрометчив лишь за рулем своего «ягуара», Джон. А занимаясь ловлей, я предельно терпелив.

Перевела с английского Мария ОСИНЦЕВА.

Продолжение следует.

ДОЛГОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Окончание.

Начало на стр. 12.

по истинному свету искусства возник последний спектакль Ефремова «Перламутровая Зинаида». Это дерзкий и язвительный театральный памфлет, собравший под своей нарочито аляповатой обложкой хорошо знакомые типы, характеры, ситуации. На всем лежит печать иронического нигилизма поздних 70-х, кривая усмешка безнадёжности. Перед нами не люди — маски, монстры, фантомы, принявшие человеческий облик и кружащие хищной стаей вокруг главного героя, которого играет Ефремов. Он — писатель Аладьин. Ему надо заканчивать свой роман «Перламутровая Зинаида», но он не чувствует на то в себе сил, изнывая от тяжести будней, уводящих его все дальше и дальше от письменного стола и его творения.

Ефремов найдет одно состояние для своего героя, одну краску. Его Аладьин все время стыдно. Его как будто не покидает сосущий под ложечкой ужас, что он всем обязан, перед всеми в долгу. Его сводит с ума ощущение, как бездарно проходит время, как бессмысленно прожита жизнь. Нет, он не ищет виноватых. Понятие вины, как и понятие возмездия, бессмысленно в этом фатальном потоке пошлости, конъюнктуры и лицемерия. Несет, несет куда-то нашего писателя мимо опекунского задумчивого Пушкина, мимо андреевского пасмурного Гоголя, мимо банкетных и панихидных очередей, мимо обманувших его женщин и предавших друзей... Все проплывает в каком-то мареве, тумане, потоке.

А когда злосчастный круг будет пройден и уйдут все чужие, завистливые норвящие урвать свое люди и Аладьин останется наедине с белым листом бумаги и зеленой лампой, льющей свой спокойный, интеллигентный свет, то выяснится, что написать ему нечего, кроме одной бессмысленно красивой фразы: «По всей Горе розово цвели абрикосы...»

У «Перламутровой Зинаиды» неведущая судьба: «дитя развода». На этом спектакле, который репетировался два года, произойдет коренная реорганизация МХАТа, закончившаяся разделением труппы. Мхатовский конфликт, привлекая столь пристальное внимание прессы, со стороны действительно больше всего похож на развод. Получив наконец после бесконечного ремонта старое здание в проезде Художественного театра и решив таким образом «жилищную проблему», Ефремов ухаживал из МХАТа на Тверском бульваре, как муж уходит от опостылевшей жены, прихватив любимые книги. Ефремов «взял» с собой верных ему актеров и свои лучшие спектакли. Он снова подводил черту и обрывал концы, связывающие его с прошлым. Судьба снова давала ему шанс начать все сначала, чтобы взойти на сцену его единственного Театра, чтобы замкнулся огромный сорокалетний круг. «...Желаю славы я...»

...Вот и приехали. Теперь, чтобы добраться до театра, Ефремову не нужна машина. От его дома до МХАТа рукой подать, и он, как правило, ходит пешком. Он идет по улице Горького, не замечая устремленных на него взглядов и почтительного шепота: «Посмотрите, это Ефремов!» Он давно привык и к этим взглядам, и шепоту за спиной. Ему надо спешить. Еще так много дел. И как труден, как долг этот самый короткий путь...

НЕ ОТРЕКАЯСЬ ОТ СЕБЯ

ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОСТИ

Анатолий ГОЛОВКОВ

Время необратимо.
Были годы обвинений и оправданий,
страха, радости, разочарований...
Побед, которые виделись веселее и значительнее,
чем могли бы быть.

Годы голода и смертей, ошибок и покаяний,
пессимизма и надежды — не вычеркнешь
ни одного прожитого дня, ни одного часа.

Сегодня мы выходим к свету:
обрели новое дыхание, торопимся вперед,
приближая будущее. Так надо ли вновь,
спрашивает себя кое-кто из нас,
собирать по крупичкам мгновения
давно ушедшего времени, сдувать с них пыль
забвения, склеивать воедино,
как осколки разбитого зеркала...

Тот, кто предостерегает от опасностей и указывает на них, не может быть приятен тем, кто, направляясь по противоположному пути, решил уничтожить вместе с собой и других
Томас МОР. «Утопия», 1516 год

На снимке — участники первого пленума ЦК ВЛКСМ десятого созыва. В первом ряду (слева направо): секретари ЦК комсомола П. С. Горшенин, Е. Л. Файнберг, Т. Ф. Васильева, А. В. Косарев (генеральный секретарь), В. Ф. Пикина, П. А. Вершков, Д. Д. Лукьянов.

В марте тридцать шестого Валентину Пикину, заведующую отделом Ленинградского обкома комсомола, где работала она еще при С. М. Кирове, делегировали на X съезд ВЛКСМ. А там выбрали секретарем Центрального Комитета комсомола. Переехала в Москву. Стала работать под руководством Александра Косарева среди обновленного состава секретарей — пришли в ЦК Таня Васильева, Женя Файнберг, Павел Горшенин, Дмитрий Лукьянов, Петя Вершков, — так она и называет их до сих пор... Пикина занималась студенческой молодежью, возглавляла комиссию по приему и исключениям из комсомола, вела бюджет. К тому же ее выбрали депутатом Верховного Совета СССР

и членом комиссии законодательных предположений. Интересной, захватывающей была эта работа.

1937 год. Хроника.

3 марта. Из выступления Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б): «Людей способных, людей талантливых у нас десятки тысяч. Надо только их знать и вовремя выдвигать, чтобы они не переставали на старом месте и не начинали гнить. Ищите да обрящите».

21 марта. Жданов — на собрании актива Ленинградской партийной организации: «Политическая подкованность в борьбе с врагами революции решает все».

21 июля. Сталин вызывает к себе генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, секретарей Валентину Пикину и Павла Горшенина.

...В кабинете уже находился Ежов. И тут же, не спрашивая о делах, Сталин принялся упрекать Косарева, что комсомол не помогает органам НКВД разоблачать врагов. «Ну-ка, расскажите, Николай Иванович, — обратился он к Ежову, — как в комсомоле идет борьба с врагами?» Нарком раскрыл пухлую папку: «На днях в Саратове арестован первый секретарь обкома комсомола Михаил Назаров, участник контрреволюционной организации». И зачитал «показания» Назарова.

Повисла тяжелая пауза. «А вы говорите, что врагов у нас нет!» — произнес Сталин. «Комсомольских работников арестовывает НКВД, — решил ответить Косарев. — Значит, у НКВД есть на них компрометирующие материалы. ЦК комсомола такого рода материалами не располагает». «Я, товарищ Сталин, — сказала Пикина, — хорошо знаю Назарова. Мы выросли вместе в одной Василеостровской комсомольской организации Ленинграда. Кроме того, я недавно побывала в командировке в Саратове, присутствовала на пленуме обкома комсомола. Осталось благоприятное впечатление... Что же могло случиться, если Назаров перешел в стан врагов народа?» Ежов, к которому в большей мере был обращен этот вопрос, промолчал.

Напоследок Сталин резюмировал: «Вы не хотите возглавить эту работу». Оглушенные, подавленные, не в силах расстаться сразу, зашли они в Александровский сад. Косарев курил папиросу за папиросой. «Никак не могу понять, — повторял он Пикиной и Горшенину, удрученно мотая головой, — откуда у нас взялось столько врагов?»

Он искренне недоумевал. Ведь прошло чуть больше года, когда Косарев выступал с большим отчетным докладом на комсомольском съезде. Сталин просматривал текст, не сделал ни одного замечания. А этот подозрительный, исподлобья, какой-то тяжелый взгляд Сталина, когда они покидали кабинет... Косарев искренне верил вождю, каждому его слову, и, казалось, Сталин платил взаимностью. Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ мог в любое время по «вертушке» набрать сталинский телефон и бывал без промедления принят... Эту глубокую веру в вождя не смог поколебать даже неожиданный, как раз накануне съезда, арест родного брата его жены, секретаря Копыльского райкома партии в Белоруссии Павла Нанейшвили, которого обвинили... в организации покушения на Сталина. Когда Косареву передали эту новость, он был в ярости, горячо упрекал жену: «Как твой Павел мог?! Он же враг, он виноват, а ты еще смеешь плакать о нем?»

Теперь, вернувшись после беседы в Кремле домой, Косарев хмуро советовался с женой, Марией Викторовной: «Что делать? Сталин требует людей, он требует голов... Кого я могу назвать? Где враги?»

Тени. Ежов.

Ежов Николай Иванович, родился в 1895 году в Ленинграде. Рабочий с 14 лет. Член партии с марта 1917 года. До 1921 года — в Красной Армии: военный

комиссар ряда частей. С 1922 года — секретарь Семипалатинского губкома, Казахского крайкома ВКП(б). В 1929—1930 годах — заместитель наркома земледелия. В 1930—1934 годах — заведующий Распредотделом и Отделом кадров ЦК ВКП(б). На XVII съезде партии избран членом ЦК. С 1935 года — секретарь ЦК ВКП(б), затем — нарком внутренних дел...

Перед XVIII съездом партии, после резкой критики Сталина, кандидатура Ежова не вошла в список голосования по выборам членов Политбюро, он был назначен наркомом водного транспорта. 22 января 1939 г. в «Правде» последний снимок Ежова (рядом с Берией), в президиуме траурного заседания по случаю 15-й годовщины смерти В. И. Ленина. Вскоре после этого Ежов был арестован.

...Он войдет в кабинет следователя худой, обросший, в выцветшей, видно, бывшей в употреблении, замызанной красноармейской гимнастерке без петлиц и ремня. Попросит разрешения закутить. На вопросы будет отвечать вяло, неохотно. Его спросят: «На процессе объединенного правотроцкистского блока прозвучало, что люди Бухарина пытались отравить вас, пропитав шторы кабинета ртутью, растворенной в кислоте...» Ежов ухмыльнется: «Кто работал со мной, знает, что означало даже просто войти в мой кабинет... Про шторы — это я придумал, чтобы лучше выглядеть в глазах Сталина».

Потом Ежов заявит: «Я, между прочим, хорошо знаю, о чем тут допрашивают и как...» Потребуется бумага, карандаш и попросит увести его в камеру, «подумать»...

Ежова казнят 1 апреля 1940 года по приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР за необоснованные репрессии против советского народа.

1937 год. Хроника.

20 июля. Прокурор Союза ССР А. Я. Вышинский награжден орденом Ленина «за успешную работу по укреплению революционной законности и органов прокуратуры».

Вышинский: «Сталин подчеркивает, что репрессии — этот обязательный элемент принуждения — являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным». «Сталинское учение о социалистическом государстве кладет конец недооценке роли и значения нашего государства, его механизма, его разведки».

21—28 августа. Состоялся IV Пленум ЦК ВЛКСМ. Из резолюции: «Вина Центрального Комитета ВЛКСМ, секретарей ЦК состоит в том, что они прошли мимо указаний партии о повышении большевистской бдительности; проявили нетерпимую политическую беспечность и проглядели особые методы подрывной работы врагов народа в комсомоле через бытовое разложение...»

29 августа. «Правда». Из передовой статьи «Ленинский комсомол — верный помощник партии»: «Огостельные враги народа Салтанов, Лукьянов, Файнберг, Бубекин, Андреев и другие, пользуясь идиотской болезнью политической слепоты ряда руководящих работников из Бюро ЦК ВЛКСМ, и в первую очередь тов. Косарева, делали свое грязное подлое дело...»

3 октября. Косарев, вернувшись из Донецка и Харькова после проверки работы комсомольских организаций, направляет записку Сталину. Из записки: «Самостраховка выгодна врагам партии, потому что честных людей на основании простых слухов, без разбора, без надлежащей проверки выгоняют из наших рядов, тем самым озлобляют их против нас. Отказ от разбора предъявляемых обвинений, имеющий место в Харькове, выгоден только врагам нашей партии...»

В. Ф. Пикина:

— Все это было началом погрома...

Нынешняя молодежь, к счастью, не пережила это время, и ей труднее до конца понять, какого мужества и самообладания требовал этот поступок — письмо Косарева к Сталину. Вместо того, чтоб с перепугу публично каяться, начать стряпать доносы, как некоторые, увы, и делали, Косарев бросил вызов самому «вождю всех народов»! Фактически он подписал себе смертный приговор. Спросите, отчего же Александра Васильевича не арестовали тотчас?

Я много думала над этим. И теперь то абсолютно уверена, что у Сталина созрел обширный и весьма конкретный план по уничтожению руководства ВЛКСМ и многих комсомольских работников страны. Так называемое «комсомольское дело». И все шло своим чередом. На репрессии, аресты, казни, похоже, существовала какая-то дьявольская очередь...

Многие были перед сложнейшим выбором. Определила свои позиции инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова... Послали ее мы на Чувашскую областную комсомольскую конференцию, которую она потребовала «отменить». Дескать, рано собрались, не развернули в полную силу работу «по разгрому врагов». Добилась исключения из комсомола секретарей обкома Сымокина и Терентьева. Не помогло даже решение пленума обкома партии — осудить поведение Мишаковой. К нам в ЦК, конечно, посыпались жалобы. И что же предпринимает Косарев? Он собирает Бюро.

1938 год. Хроника.

8 марта. Из постановления Бюро ЦК ВЛКСМ: «Отметить, что... Мишакова допустила грубейшие ошибки, в силу чего люди честные, преданные партии зачислялись в разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа».

Мишакову решено, оставив в аппарате, перевести с должности инструктора на другую работу.

17 марта. Встреча и прием в Кремле по случаю возвращения участников поллярной экспедиции первой советской дрейфующей станции «СП-1» во главе с И. Д. Папаниным.

М. В. Нанейшвили, вдова А. В. Косарева:

— Это был грандиозный прием, и мы с Сашей были приглашены. Сидели за отдельными столами. Тосты провозглашал почему-то Молотов. Те, в честь кого Вячеслав Михайлович говорил хвалебные слова, были не только чрезвычайно польщены, но и как бы получали индульгенцию... По заведенному ритуалу после тоста нужно было подойти и чокнуться со Сталиным... Помню, как волновался Семен Михайлович Буденный, когда Молотов заговорил о нем: ведь в те дни ходили по Москве упорные слухи, что Буденный арестован... А потом вдруг — о Косареве! Я была поражена: многие Сашины товарищи, комсомольские работники, уже находились за решеткой... О Косареве Молотов произнес, пожалуй, самую вдохновенную речь: за нашего талантливого, многообещающего!.. Саша тоже подошел к Сталину, они чокнулись, Сталин его обнял и поцеловал. Под аплодисменты Косарев вернулся на свое место. Боже мой, полвека прошло, а у меня будто бы перед глазами его лицо, бледное, взволнованное... Подошел ко мне: «Маша, прошу тебя, поехали домой!»

Вернулись мы к себе, на улицу Серафимовича, 2, «дом на набережной», как назовет его потом Юрий Трифонов, и Саша говорит: «Ты знаешь, что мне Сталин на ухо шепнул? «Если изменишь — убью!» Признаться, я тогда не придавала этому значения, пробовала шутить: «Но ведь, Саша, ты же не собираешься ему изменять? Что ты так разволновалась?» Косареву же было не до шуток. «Видишь ли, Маша, — сказал хмуро, — НКВД ничего не стоит превратить генерального секретаря ЦК ВЛКСМ в изменника Родины...». Одной

фразой он вернул меня к реальности. Из нашего подъезда чуть ли не ежедневно забирали людей... В одно прекрасное утро вахтер шепнул мне: «Знаете, Мария Викторовна, уж и охранять у нас в подъезде почти некого, всего три семьи осталось...»

За одиннадцать лет нашей совместной жизни у Саши никогда не было стремления рассказывать мне о каких-то закулисных делах в правительстве, посплетничать о верхах... Он был начисто лишен лукавства, как думал — так и действовал. Саша не был приспособленцем. Если произносил в речах здоровья Сталину, то от души, поскольку верил ему. Он был совершенно открыт и поэтому неосторожен.

Еще в тридцать шестом как-то вернулся из Кремля на дачу с гостем, М. Багировым. Как водится, мы с моей мамой, Верой Павловной, накрыли стол. И тут Саша встает и произносит тост: «Пью за настоящее большевистское руководство Закавказья, которого теперь у нас нет!» Мы с мамой обмерли: ведь уже года четыре первым секретарем Закавказского крайкома партии работал Берия... Багиров молча выпил. А месяца через два Берия при случае спросил Косарева: «Саша, что ты имеешь против меня? Неужели я и впрямь плохой руководитель?» В тридцать восьмом это тоже сыграло трагическую роль...

Тени. Багиров.

Багиров Мир Джафар Аббасович, 1896 года рождения, член партии с марта 1917 года. В 1920 году — заместитель предревкома Карабахской области, военком, председатель Военного трибунала Азербайджанской дивизии. В 1921—1930 годах — председатель Азербайджанских ЧК, ГПУ, нарком внутренних дел. С 1933 года — первый секретарь ЦК КП Азербайджана и Бакинского городского комитета КП(б).

В 1955 году Багиров был осужден и приговорен к расстрелу.

1938 год. Хроника.

7 октября. О. Мишакова написала заявление на имя Сталина с жалобой на Косарева и других членов Бюро ЦК ВЛКСМ. Из выступления Мишаковой на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. «За участие в разоблачении врагов народа в Чувашии косаревская банда организовала дикую травлю против меня...»

29 октября. «Правда». Из передовой статьи «Комсомолу двадцать лет»: «Успехам комсомола радуется весь народ. Однако эти успехи были бы более значительными и всесторонними, если бы ЦК ВЛКСМ не допустил в последнее время ряд серьезных ошибок в деле... очищения комсомола от враждебных элементов».

19—22 ноября. По указанию Сталина состоялся Пленум ЦК ВЛКСМ, на котором присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

23 ноября. «Правда». Из официального сообщения: «Пленум заслушал и обсудил доклад т. Шкирятова М. Ф. о результатах разбора заявления т. Мишаковой О. П. и о положении дел в ЦК ВЛКСМ...» «Пленум снял тт. Косарева А. В., Богачева С. Я., Пикину В. Ф. с постов секретарей ЦК ВЛКСМ, вывел т. Вершкова П. А. из состава ЦК ВЛКСМ... за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело т. Мишаковой)».

В. Ф. Пикина:

— Примерно за неделю до этого Пленума меня начали «обрабатывать». Сначала секретарь ЦК партии Андреев. Потом Мишакова: «Советую вам, Валентина Федоровна, отмежеваться от Косарева, иначе и вам будет плохо». Затем, пожаловал Михайлов, ответственный редактор «Комсомольской правды»...

На Пленуме Сталин сразу взял под

защиту Мишакову. Не помню уж, кто из ораторов, по мнению Сталина, заклеил нас чересчур мягко, сказав, что в работе комсомола «имеется еще много ошибок». Сталин тут же сердито бросил с места: «А может, это система, а не ошибки? Слишком уж много ошибок после всего происшедшего. Два года вредительство ликвидируется, а ошибок все еще очень много. Нет ли тут системы?» Стало быть, для запланированной акции по нашему уничтожению просто ошибки «не подходили», не устраивали вождя. Требовалось концептуальное обвинение в последовательном вредительстве!

Я, разумеется, защищала Косарева, решение Бюро нашего ЦК. Жданов назвал мое выступление «оппортунистическим». Краток был Косарев: «Лично я чувствую себя абсолютно спокойно, потому что совесть моя чиста. Никогда я не изменял ни партии, ни советскому народу. Вот это я и должен заявить». Вышли мы с этого Пленума уже снятые с должности.

Ради правды и памяти погибших моих товарищей должна сказать, что, вне всякого сомнения, в этом погроме под ширмой демократии сыграли свою роль Маленков и Шкирятов. Первый дал санкцию Мишаковой на расправу с секретарями Чувашского обкома комсомола. А Матвей Федорович... Еще в начале марта Косарева вызвал к себе член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Шкирятов: «Мишакова написала нам жалобу. Ставлю вас в известность. Примите меры». Но на Пленуме перепуганный Шкирятов стал говорить о том, что Косарев «совершил крупную политическую ошибку», что мы, Бюро ЦК, «хотели убить в Мишаковой все сталинское, большевистское...»

Тени. Мишакова.

Мишакова Ольга Петровна, 1906 года рождения, член партии с 1937 года. В 1937—1938 годах — инструктор орготдела, а затем — секретарь ЦК ВЛКСМ. До 1956 года — на партийной, хозяйственной работе.

Когда Валентина Федоровна Пикина после полной реабилитации будет работать в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС, судьба вновь сведет ее с Мишаковой. В КПК на нее поступят десятки заявлений, в том числе и коллективных, с требованием исключить Мишакову из партии. В присутствии Пикиной на коллегии КПК будет расследовано персональное дело Мишаковой, и на вопрос Н. М. Шверника, каким же образом ей удалось оклеветать столько честных людей, Мишакова ответит: «Я тогда ошиблась, попала в тяжкую колею, искренне верила, что кругом враги». В этот день, 28 июня 1956 года, Мишакову исключают из КПСС «за клевету на руководящих комсомольских и партийных работников...»

В. Ф. Пикина:

— 22 ноября последнее заседание Пленума, чувство горечи, полного опустошения... Как забыть этот день? Вечером я позвонила по внутреннему телефону Косареву, наши кабинеты находились рядом. Ведь там, в зале, к нему никто не подошел, не подал руки... Зашла к нему, сидели, тихонько разговаривали, не зная, что уже подписаны ордера на наш арест. Косарев сначала бодрился. «Завтра же позвоню Сталину», — утешал меня он, — мы с вами еще будем работать! Я никогда не видела Косарева плачущим, а тут в глазах у него заблестели слезы: «У меня есть единственная дочка, Леночка. Я клянусь вам своим ребенком, что ни в чем перед партией не виноват...» Больше я Александра Васильевича никогда не видела.

М. В. Нанейшвили:

— Валя Пикина не знала, что в тот же вечер, 22-го, Сашу остановили в служебном помещении охраны ЦК ВЛКСМ и продержали более двух часов, куда-то звоня, что-то выясняя. Потом отпустили. За нашей дачей уже следили, и дальнейшие шесть дней прошли в нервотрепке. Косарева, ко-

нечно, волновала его судьба. 28 ноября он позвонил А. А. Андрееву: «Что со мною будет? Когда объявят решение?» «Успокойся, Саша, ты просто перенервничал, устал, будешь работать...» — заверил его Андреев. Возможно, Андрея Андреевича не поставили в курс дела... Это было примерно в десять вечера. Вспомнил Саша про моего репрессированного брата Павла: «Ну, ему-то хоть помогали? Не может же человек столько времени без помощи...» Я призналась: тайком посылала Павлу и деньги, и продукты. Улеглись за полночь. Не спалось. Примерно в два часа ночи за нами пришли. Я уже провозжала Сашу, одетого, стоявшего под конвоем, когда в гостиной заметила наркома НКВД. «А ну, ее тоже возьмите!» — крикнул Берия. Тут он дал маху: позже узнала, что ордер на мой арест был выписан на 30 ноября. Везли нас на Лубянку какой-то странной дорогой в разных машинах...

В. Ф. Пикина:

— Всех секретарей ЦК комсомола и водителя Косарева, Е. С. Любимова, арестовали в ту же ночь. За мною явилась старший лейтенант Аршатская. На Лубянке, во внутренней тюрьме НКВД, повела на допрос к Берии.

Начался первый допрос, который Валентина Федоровна восстановила по памяти.

Берия: Вы вели себя на Пленуме неправильно, защищали Косарева. А мы располагаем материалами, что он завербован иностранной разведкой в Польше, в зоологическом саду. Сейчас вы должны проанализировать его поведение, дать правильную политическую оценку его нежеланию выполнять решение партии о борьбе с врагами народа в комсомоле... А что вы сделали с Мишаковой? Человек боролся с врагами, а вы сняли ее с работы и навешали ярлыков!

Пикина: Комсомол всегда помогал органам НКВД. Вот совсем недавно по решению ЦК партии мы отобрали 500 самых лучших комсомольцев на курсы для работы в органах...

Берия: Конечно! Кого вы мне дали? Шпионов? Думайте и давайте правдивые показания по Косареву!

Пикина: Косарева я знаю как преданного большевика-ленинца, признанного вожака молодежи.

Берия: У вас есть родные, сын... Еще раз подумайте.

По какой-то немыслимой и еще не до конца разгаданной программе комсомол хотели бы уничтожить руками молодых. И все-таки многие из тех пятисот парней, направленных ЦК ВЛКСМ в органы НКВД, приходили на прием к Косареву, Пикиной, умоляли: «Заберите нас обратно, не хотим там работать!» Они-то сначала шли в эти органы, свято веря, что им выдали комсомольские путевки и вправду «для ловли иностранных шпионов». Так перешел работать в НКВД Александр Волчок, секретарь Бакинского горкома комсомола, член ЦК, дослужился до солидной должности.

— Его жена, Зина, — рассказывала Валентина Федоровна, — которую я хорошо знала по Ленинграду, однажды сказала при встрече: «Не пойму, что делается с Сашкой! Как-то стирала его гимнастерку, нашла чью-то окровавленную записку... Чем они там занимаются? По всему телу у мужа пошла нервная экзема, ночами бредит...» Волчок был готов уже уволиться, уехать куда угодно. Не успел. Завели дело. Арестовали. Приговорили к расстрелу.

...Где-то за толстыми, непроницаемыми стенами тюрьмы кипела жизнь, пестрели лозунгами стены цехов... Поднятый Александром Косаревым комсомол строил дороги и порты, пробивал тоннели для метро, учился летать и прыгать с парашютом. Рвался на войну в Испанию. Соревновался, спорил и пел. Совершал подвиги. С именем Сталина на устах... Казалось, никто ни в чем не сомневался. Косарев? Пикина? Горшенин? Поделом!.. Оторвать собачьи головы врагам народа! По безбрежным про-

сторам страны прокатилась волна комсомольских собраний, выносились грозные резолюции: комсомолец, помни, враг подстерегает повсюду!.. Учиться сталинско-большевистской принципиальности у товарища Мишаковой!.. Смерть предателям — и точка!

На допросах все те же вопросы, а лица новые. Кобулов Богдан Захарович, начальник следственной части НКВД, комиссар госбезопасности! Желтые волчьи глаза. «Мы тут готовим молодежный процесс. Вам нужно выступить и рассказать, как вы, девушка из рабочей семьи, докатились до участия в организации, направленной против партии. Вас Косарев вербовал?» Пикиной временами казалось, что она теряет сознание. «Поймите, ни у кого бы из вас волос с головы не упал, если б не было прямой санкции Сталина! Мы тут с вами такое можем сделать... А отвечать не будем!» Стойки, побои, психические атаки. 240 дней одиночки...

Из Постановления Центрального Исполнительного Комитета СССР от 10 июля 1934 года: «8. При Народном комиссаре внутренних дел Союза ССР организовать особое совещание, которому, на основании Положения о нем, предоставить право применять в административном порядке высылку, ссылку, заключение в исправительно-трудовых лагерях на срок до 5 лет и высылку за пределы СССР»...

В. Ф. Пикина:

— Главной задачей в лагере я считала держаться, не расхолаживаться, ведь это действовало на других... По «своим» делам тут находилось человек пять, остальные — жены «врагов народа». Я часто вспоминала Ленина, с какой стойкостью он переносил царские тюрьмы... Нам еще в ЦК комсомола приходилось иногда через КИМ посылать товарищей на нелегальную работу за границу. Думала о них и внушала себе: «Мобилизуйся». Надо было отречься от себя, себя не жалеть.

Решила во что бы то ни стало послать письмо Сталину. Ибо верила: все, что тут творится, — какое-то дикое недоразумение. Помогла Анна Яковлевна Розина, она и сейчас жива, в Ленинграде... Аня зашила письмо в туфлю, которую я вместе с другими вещами передала матери при свидании. Охрана проглядела.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
СССР
И. В. СТАЛИНУ
от бывшего депутата
Верховного Совета СССР
от Марийской республики
В. Ф. Пикиной.**

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА *

Считаю своим долгом довести до вашего сведения о том, что я видела за два с половиной года непосредственно своими глазами при проведении большевистского лозунга борьбы с врагами народа, что дало возможность в основном разгромить вражеские гнезда в нашей стране. Органами НКВД и в частности Особым Совещанием допущены ошибки, в результате чего много честных, преданных людей Партии и Родине пострадали от этих ошибок. Враги народа, пробравшиеся в органы НКВД, приложили свою руку с целью перебить большевистские кадры и вызвать искусственное недовольство Советской властью... Особое Совещание при вынесении приговоров иногда осуждало совершенно невинных людей, допуская огульные осуждения, забывая, что за каждым приговором стоит живой человек...

Я прекрасно понимаю, что при больших исторических мероприятиях возможны отдельные перегибы, но вы всегда учили и учите, что человек — это есть самый ценный капитал в нашей стране. Я ни на одну минуту не забываю, что классовая борьба в период строительства коммунистического об-

* Хранится в деле № 21523. Печатается с сокращениями. — А. Г.

щества не затухает, а еще с большей силой развивается... Это, однако, не значит, что люди, ставшие в свое время жертвами этих ошибок и перегибов, если они честные, преданные своей Родине и Партии, не должны быть реабилитированы и возвращены к полноценной жизни. Для исправления этих ошибок необходимо ваше личное вмешательство путем дачи указаний органам НКВД и Прокуратуре или путем создания специальной комиссии, которая бы вплотную занялась этим вопросом.

...А за что я арестована и так тяжело наказана, мне неизвестно. В качестве подследственной я прошла суровую проверку... Всего этого было больше, чем достаточно, чтобы заставить человека признаться, если он виновен. Но все эти методы ни к чему не привели, так как признаваться мне было не в чем. Военная Коллегия осудить меня не могла из-за отсутствия материалов, а Особое Совещание осудило на 8 лет лагерей, где я сейчас и отбываю срок наказания.

Мой адрес:

Мордовская АССР,

поселок Явас,

п/я 241а, Темлаг НКВД.

9 мая 1941 года.

Пикина В. Ф.

Попало ли это письмо к Сталину, пока установить не удалось. Однако заплатить ей за него пришлось, реакция последовала довольно скоро... Уже на западных границах страны гремела война, когда Верховный Суд Мордовской АССР, аннулировав прежний приговор Особого Совещания, приговорил Пикину к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в штрафном лагере, на лесоповале, с уголовниками...

Многого Валентина Федоровна тогда не знала. Не ведала о том, что уже казнены все секретари ЦК ВЛКСМ, включая и Александра Косарева. Что жену его, Марию Викторовну Нанейшвили, измучив допросами и наспех сфабриковав обвинение, отправили на 10 лет в Норильск, а после второго ареста — в Дудинку, в ссылку. Что Виктора Ивановича Нанейшвили, ее отца, ректора Торговой академии, арестовали той же осенью тридцать восьмого, пытали, продержали целый год в одной камере с умалишенным и расстреляли, не добившись признания «вины», в 1940 году...

Лишь в 1954 году Пикину разыщет прокурор, прилетев из Москвы, скажет ей: «Признаться, мы уже не чаяли застать вас в живых...» Ее полностью реабилитируют, вручат новый партийный билет, сохранив стаж в КПСС. Она будет удостоена ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного Знамени. Она еще вернет честные имена десяткам людей, пострадавших от репрессий. И лишь в 1984 году станет персональным пенсионером союзного значения.

1953 год. Хроника.

11 июля. «Красная Звезда». Из передовой статьи «Несокрушимое единение партии, правительства, советского народа»: «Разоблаченный ныне враг народа Берия различными карьеристскими махинациями втерся в доверие, пробрался к руководству».

Тени. Берия.

Берия Лаврентий Павлович родился в 1899 году в селении Мерхули близ Сухуми. Член партии с марта 1917 года. В 1921—1931 годах — на руководящей работе в органах советской разведки в Азербайджане и Грузии. С ноября 1931 года — первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, а с 1932-го — первый секретарь Закавказского крайкома партии. С 1938 года — народный комиссар внутренних дел СССР. 9 июля 1945 года присвоено звание Маршала Советского Союза. Арестован, осужден и расстрелян в 1953 году.

— Мне тоже пришлось вести следствие по делу Берии, — рассказывает заслуженный юрист РСФСР, государственный советник юстиции II класса

Генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ
Александр Васильевич Косарев.
1937 год.

Валентина Федоровна Пикина
на Тушинском аэродроме с летчиками-
инструкторами аэроклуба
имени А. В. Косарева во время
тренировки работников ЦК комсомола
по прыжкам с парашютом.
Май 1937 года. Публикуется впервые.

Иосиф Викентьевич Косиор (слева)
и Александр Васильевич Косарев
в Кремле. 1936 год.
Публикуется впервые.

Геннадий Афанасьевич Терехов. — Официальная его биография периода 1917—1920 годов, конечно, перевернута в прижизненной печати. Берия являлся одним из агентов контрреволюционной буржуазно-националистической организации «Мусават» в Азербайджане, что он тщательно скрывал, а после ее разгрома в апреле 1920 года перекинулся к большевикам. Знал ли об этом Сталин? Во всяком случае, Берия, выдающемуся авантюристу, поначалу казалось, что удалось замести следы. Беспокоило одно — архивы разведки «Мусавата», которые остались где-то в бакинских подвалах...

Поэтому, продолжает Терехов, когда Берия стал наркомом НКВД СССР и получил практически неограниченную власть, он приказал своему заму, Меркулову, доставить в Москву эти архивы. Что и было сделано. Досье на самого себя, как ни странно, Берия до самого ареста держал в сейфе своего кабинета...

В. Ф. Пикина:

— Когда я уже работала в КПК при ЦК КПСС, меня неожиданно вызвали на очную ставку с моим бывшим следователем, Шварцманом, который вел «комсомольское дело». Этот разговор я записала по памяти и сохранила.

Вопрос: Знаете ли вы эту женщину и когда с нею познакомились?

Ответ: 27 ноября 1938 года меня, Родоса и Аршатскую вызвал к себе Берия, дал указание, что 28 ноября должны быть арестованы бывшие се-

кретари ЦК ВЛКСМ. Распределил, кто за кем должен ехать. Начиная с 29 ноября я был следователем по делу Пикиной и тогда с ней познакомился.

Вопрос: Применяли ли вы к Пикиной незаконные методы следствия?

Ответ: Да, применял. Все, что было, все правильно. И я прошу извинения у гражданки Пикиной.

Вопрос: Почему вы через месяц перевели Пикину в Лефортовскую тюрьму?

Ответ: Все это делалось по указанию Берии. И еще потому, что во внутренней тюрьме НКВД, несмотря на длительные стойки, она никаких показаний не давала.

Вопрос: Какие же показания и на кого она дала вам в Лефортове?

Ответ: Никаких показаний Пикина там не дала.

Вопрос: Какими материалами располагало следствие, чтобы арестовать Пикину?

Ответ: Никакими, кроме приказа Берии арестовать Пикину.

Вопрос: Почему же вы путем незаконных методов пытались выбить у нее показания?

Ответ: Если бы я не делал того, что приказывали Берия и Кобулов, то оказался бы там же, где она.

— Потом, — рассказывает Валентина Федоровна, — я попросила разрешения у следователя задать пару вопросов Шварцману. Он дал согласие. Дело в том, что даже в 50-е годы ходили противоречивые слухи о судьбе Косаре-

ва. Например, утверждали, что он жив...

Вопрос: Правда ли, что Косарев жив, отбывает наказание в лагере и работает при этом в бане?

Ответ: Нет, это неправда. Косарев расстрелян 23 февраля 1939 года.

Вопрос: Какая последняя просьба была у Косарева, когда он находился в камере смертников?

Ответ: Косарев вызвал меня, попросил бумагу и карандаш. Я ему дал. Он написал заявление на имя Сталина, где сообщал, что он ни в чем не виноват, просил создать комиссию в ЦК партии, чтобы пересмотреть дела, сфабрикованные против комсомольских работников. Это заявление Косарева я отдал Берии. Ознакомившись с заявлением, Берия стал на меня кричать: «Что он, с ума сошел, чтобы я об этом доложил Сталину?!» В порыве гнева он разорвал заявление Косарева в клочки, бросил в корзину, сказав: «Вот ему ответ!»

Присутствовала Валентина Федоровна и на суде как свидетель. Шварцман признал себя виновным, вновь со слезами просил прощения у Пикиной «за все, что пришлось ей пережить».

...Канули тени мучителей, доносчиков и палачей. Хочется поскорее захлопнуть вслед могильные плиты, развеять прах, но так, чтоб не попал на подходящую почву: не ровен час, полезут новые

всходы... Как надеялись они, как грозили, будучи при власти, что жертвы их останутся в нашей памяти лишь как «враги партии и народа»... «Пройдет время, — патетически восклицал Вышинский, произнося речь на суде по делу «антисоветского правотроцкистского блока» в марте 1938 года. — Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом, покрытые вечным презрением честных советских людей, всего советского народа».

История распорядилась по-другому. И более того: не зная ничего о судьбе друг друга, секретари ЦК ВЛКСМ 1937—1938 годов не дали никаких показаний — ни на себя, ни на других. Ни в чем не раскаялись, не признались. Большинство из них погибло... Но жертвы не были напрасны. Выполняя большевистский, гражданский долг, они своим подвигом спасли, быть может, тысячи жизней парней и девушек. Берия проиграл. «Молодежный процесс» был сорван!

...Похоже, что уже не по причине боязни Сталина или страха перед тем, что, как выразился один читатель «Огонька», «перевернется арба» и восстановится прежний порядок, Центральный Комитет комсомола даже во времена Н. С. Хрущева, не говоря уже о «периоде застоя», долгие годы с досадой отмахивался от организации вечеров памяти Александра Косарева. Но они все-таки проходили в переполненных залах — под напором энергичной настойчивости Марии Викторовны Нанейшвили и Елены Александровны Косаревой.

Комсомол в этом году готовится отметить свое 70-летие. Александру Косареву, который старше комсомола на 15 лет, 14 ноября 1988 года исполнилось бы 85... До сих пор нет ни памятника, ни музея, ни улицы, названной его именем. А ведь при жизни действовал молодежный аэроклуб в Тушине, заставка на советско-польской границе имени Косарева. В 1963 году о Косареве вышла брошюрка... Позже ему и комсомольским вожакам его времени уделено место издательство «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Но по-настоящему полной, серьезной книги о работе, жизни, судьбе Александра Косарева и его соратников пока не издано. Никто до сих пор не знает, где захоронены его останки... Когда же мы снова научимся смотреть друг другу в глаза?

Валентина Федоровна Пикина в тонкой ученической тетрадке ведет печальный список. Еще совсем недавно их, комсомольских секретарей 1937—1938 годов, оставалось четверо. В минувшем декабре проводили на Преображенское кладбище Владимира Александровича Александрова. В тридцать седьмом он сменил впоследствии казенного секретаря ЦК ВЛКСМ Серафима Богачева, возглавив Московский обком комсомола. До 1 декабря 1938-го, когда и его арестовали... Их было четверо, чудом выживших, а теперь осталось трое: это арестованные в тридцать седьмом бывший секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ Алексей Павлович Савельев, бывший заведующий отделом крестьянской молодежи того же обкома Александр Карлович Тамми и она сама, Пикина...

Формально ли, неформально объединенные, вспомните о них! В те страшные годы они были вашими сверстниками. Запомните их живыми. Москва

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ
ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТАХ,
ЖУРНАЛАХ ВСЕХ НАС
ВТЯГИВАЮТ В БЕСКОНЕЧНЫЕ
ДИСПУТЫ О ПРОБЛЕМАХ
ДАВНЕГО И НЕДАВНЕГО
ПРОШЛОГО СТРАНЫ. ОБ
ИСТОРИИ СУДЯТ-РЯДЯТ ТЕ, КТО
ПРЕЖДЕ ВО ВСЕ БЫЛ
РАВНОДУШЕН К ЭТОЙ СФЕРЕ
ЗНАНИЙ. КАК ВЫЯСНЯЕТСЯ,
ОЧЕНЬ НУЖНОЕ ЗАНЯТИЕ ПРИ
СОСТАВЛЕНИИ ПЛАНОВ НА
БУДУЩЕЕ. А В ДЕЛЕ
ВОСПИТАНИЯ НОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ БЕЗ ОГЛЯДКИ НА
УРОКИ ПРОШЛОГО ПРОСТО НЕ
ОБОЙТИСЬ.

ПАРАДОКСЫ РАСТРАТНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Тамара АФАНАСЬЕВА

Однако именно в педагогике мы нередко действуем так, словно бы каждый раз жизнь начинается с нас, и мы призваны заново изобретать и велосипед, и самовар, и прочие необходимые вещи. Кроме того, на словах признавая теснейшую связь семьи и школы со всем общественным укладом, на деле требуем, чтобы эти самые семья и школа были чище, выше, лучше, граждански более зрелы и последовательны, чем само общество, в котором они существуют. То есть искусственно расчленим жизнь детей и взрослых. А они нерасторжимо, соединены родовой пуповиной раз и навсегда.

Оттого справедливым будет утверждение, что общество имеет такую школу (семью), какую оно заслуживает. В этом убеждаешься, когда изучаешь этапы реформы школы со времен Октябрьской революции и соотносишь их с преобразованиями в социальной, экономической, нравственной сферах общества. Анализ этот необходим именно сегодня для того, чтобы уяснить: отчего буксует нынешняя реформа и куда грести завтра.

Итак, совершим небольшой экскурс в историю нашей системы образования. В послереволюционные, яростные, озорные и безоглядные годы школа кипела, бурлила, испытывала самые непривычные и рискованные формы обучения и самоуправления. Демократизм ее порой докатывался до лохматой анархии. Школа заражала своих воспитанников верой во всемогущество Человека, в его право и обязанность «весь мир насилья разрушить». Правда, и воспитатели, и их подопечные слабо себе представляли, чем, кроме насилия, можно одолеть «мировое зло». Оттого нередко сбрасывали с корабля современности добрые традиции и общечеловеческие ценности, достояния культуры прошлого.

В 20-е годы школа формировалась как единая трудовая политехническая самоуправляющаяся. Если бы развивались и совершенствовались эти установки, выросли бы поколения трудолюбивых, инициативных, разносторонне образованных, граждански зрелых людей. Если бы, если бы... Исподволь велась борьба трех течений в педагогике. Одни точкой отсчета брали личность ребенка, его наследственные задатки, свойства,

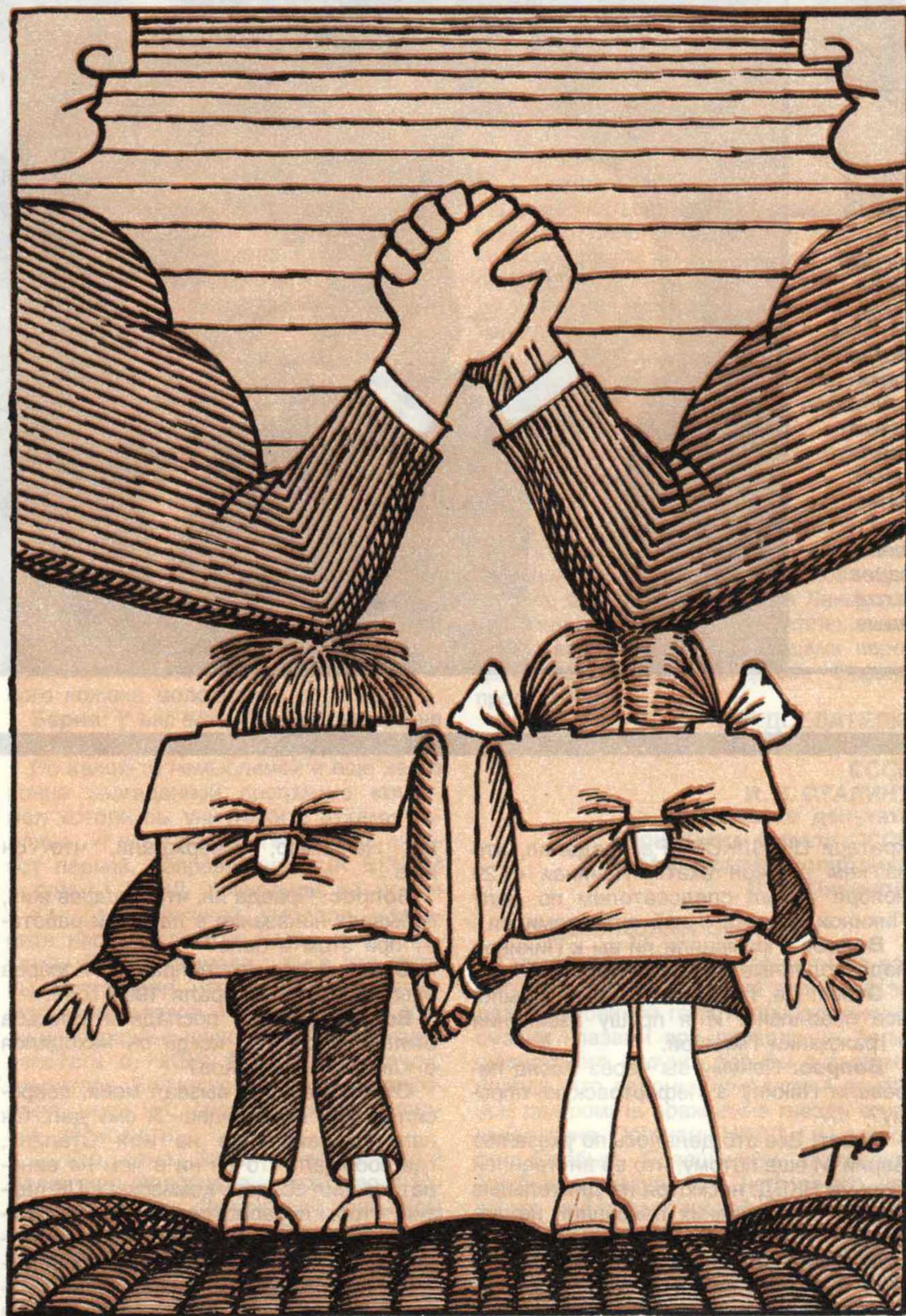

Рисунок Сергея ТЮНИНА

тились в своего рода «инкубаторы» для нового руководящего состава промышленности и хозяйства взамен уничтожаемых или отстраненных старых специалистов и интеллигенции ленинской ориентации. Гуманитарные науки в них сводились к политграмоте под разными «соусами» и элементарным, нередко фальсифицированным знаниям основ наук. Обучение было политизировано и утилизировано до предела. Начальная и средняя школа, по сути, ориентировалась на подготовку детей к рабфаку и ФЗУ.

Из стен учебных заведений постепенно выветривается дух дискуссий, творчества. Человек из высшей цели социальных преобразований превращается в средство, в «винтик» государственного механизма. А «винтику» ни к чему самостоятельность мысли. В 1936 году особым постановлением было разгромлено направление, требовавшее при обучении и воспитании учитывать наследственные свойства индивида и характер условий жизни ребенка, так называемая педология. Она, как позже генетика, была заклеена как чуждое социализму направление. Лысенковский подход, еще задолго до торжества в биологии «народного академика», уже одержал победу в педагогике. Безусловным было признано мнение: из любого семени (т. е. из любого ребенка) можно вырастить «ветвистую пшеницу».

У педологов были очевидные грехи и просчеты. Однако когда выливали из школьного корыта воду, выплеснули и ребенка. Ни в каком другом случае эта пословица не была столь буквально применима. Ребенок, его природа, его потребности перестали интересовать воспитательное учреждение.

Предвоенная школа во многом была ориентирована на выпуск энтузиастов — исполнителей руководящих указаний, которые при этом нередко искренне верили, что любое такое указание продиктовано высшими интересами государства. Этой светонесной и одновременно ослепляющей верой оно и отмечено — поколение, выигравшее войну, вынесшее на своих плечах нечеловеческие тяготы восстановительного периода. Но не эта ли вера сыграла с некоторыми злую шутку, когда по инерции они принимали как непререкаемый приказ любое, самое нелепое и губительное решение, исходящее «сверху».

Впрочем, я несколько опережаю события. Совсем недавно я сделала открытие, ошеломившее меня: важнейшая реформа народного образо-

приобретенные в результате воздействия всей окружающей среды. А специальные, педагогические усилия считались малоэффективными. Другие — принимали ребенка за «чистую доску», на которой умелый педагог начертает те письмена, кои только пожелает. Третьи (Н. К. Крупская, С. Т. Шацкий, П. П. Блонский, А. С. Макаренко и др.) искали пути диалектического соединения интересов, потребностей и возможностей личности с требованиями времени, с воспитательными задачами школы, общества.

Читая статьи, книги 20-х, 30-х годов, кончиками нервов ощущаешь

силу противостояния. Видишь, как сторонники старой системы обучения и воспитания, заимствованной у дореволюционной школы, теснят сторонников новой, демократичной. Ситуация усугублялась тем, что в стране остро не хватало учителей, грамотных и профессионально, и политически. Разруха и нищета низводили все благие намерения до уровня забот о хлебе для учительства, о дровах для школ, о бумаге, карандашах. Как говорится: не до жиру, быть бы живу.

В этих условиях главными учебными заведениями стали рабфаки и ФЗУ. Первые впоследствии превра-

вания осуществлялась во время войны. Точнее: в момент ее перелома в нашу пользу. Под грохот салютов, возвещающих очередную победу на фронте, в тылу произошла никем не замеченная реставрация дореволюционной системы образования: появились отдельные мужские и женские школы. Открытие это тем более странно, что я сама в блокадные дни Ленинграда училась в женской школе. Но как-то до сей поры не вдумывалась в суть тех перемен. Отчего разделили, отчего в 1954 году, после смерти Сталина, вернулись к совместному обучению? Теперь вижу: и по форме, и по набору, содержанию учебной программы воспроизводились худшие гимназические установки. И «Правила поведения» возрождалась те, про которые читали в романах из прошлой жизни. Кондуиты. Слежка за учениками, чтобы вечером не ходили в кино и театры...

Считалось, что равноценное среднее и высшее образование может получить любой желающий: для этого множились вечерние и заочные школы, курсы и т. п. заведения. Но уровень этого «заушного» образования нам всем хорошо известен. В реальности произошло нарушение основного принципа социализма «От каждого — по способностям» на первом и важнейшем этапе жизни человека — в школе, в доступности образования для всех, независимо от социального и имущественного положения ученика. Эта несправедливость, видимо, повлекла за собой определенное расслоение общества, возникновение тех самых управляющих, которых великий прозорливец А. Платонов назвал «заместителями пролетариата», а мы сейчас именуем Административно-бюрократической Системой, механизмом торможения.

Попытка вернуться к принципам и основам послереволюционной школы была предпринята на XXI съезде. Программа снова провозглашала школу единой трудовой политехнической, самоуправляемой (по давним замыслам Макаренко — и хозрасчетной). Позже школу нацелили на всеобщее обязательное среднее образование. Но... как и другие важнейшие социальные планы, принятые в те незабываемые годы возрожденных надежд и мечтаний, школьная программа не была осуществлена.

Среднее образование — пожалуй, даже очень среднее, чтобы не сказать — посредственное. А вот трудовое, политехническое, хозрасчетно-демократическое — не выйдет! По тем же причинам, по которым не осуществилась и экономическая реформа 1965 года: демократизм хозрасчета выбивал почву из-под кресел многочисленных управленцев всех мастей и рангов, плодившихся с быстротой синих водорослей и не собиравшихся добровольно сдавать свои позиции нигде: ни в поле, ни в школе...

Незамеченной прошла-проехала школьная реформа 70-х годов. Уже накопились душевная усталость и неверие по отношению ко всякого рода проектам преобразований, на которые был щедр и «застойный» период. Горячие головы все же рвались использовать «смутные» времена и моменты для осуществления заветных надежд на подлинные, не бумажные перемены. Но бдительное чиновное око — словно того и ждало — тут же давало укорот душевным порывам учителей-новаторов. В недрах Министерства просвещения РСФСР родилось печально-знаменитое директивное письмо, запрещающее любые эксперименты в школе без ведома и санкции министерства. Вот так вот! Знай сверчок свой шесток! Отменили это решение только в конце 1986 года.

Школа, самой своей природой — работой с таким быстро меняющим-

ся «материалом», как дети, — предназначенная для нескончаемого экспериментаторства, официально лишилась прав на поиск, на творчество. При этом с самых высоких трибун раздавались призывы к учительству: творчески относиться к своим обязанностям, осуществлять индивидуальный подход к каждому ребенку, создавать ему условия свободного развития всех способностей. Словно бы и неведомо было, что несвободный в своих действиях учитель, спеленутый, скрученный по рукам и ногам бесконечными инструкциями, не может, не в состоянии при всем желании вырастить «свободного, разносторонне развитого» человека.

Двойная система измерений — для трибуны, отчета и для реального дела — развращала не только работников промышленности и сельского хозяйства. Учителю, в подавляющем большинстве своем состоящему из исполнительных, законопослушных женщин, да еще и плохо оплачиваемых, житейски не устроенных, стоящих на нижней ступеньке лестницы социального преуспеяния, пропиталось отравой двойной морали до мозга костей.

Если свести воедино причины предкризисного состояния нашего хозяйства, то сложится такой реестр: экстенсивное развитие, сковывание инициативы масс, бюрократизация управления, оценка труда «по валу», а не по конечной полезности, показуха вместо реальной информации, утрата нравственных ориентиров, проникновение меркантильных интересов во все поры общества. То же самое в школе. «Все, как у людей».

Давно и исподволь вызревало в обществе сознание: экономика, опирающаяся на бессловесного исполнителя начальственной воли, — разорительная, затратная, как нынче говорят. Естественно, что и казенная, обезличенная педагогика оказалась расточительной по отношению к главному национальному, стратегическому достоянию народа — к человеку, его способностям, его духовным силам. Не хочу выглядеть неблагодарной и несправедливой по отношению к школе — альма-матер всех нас, ныне живущих и действующих. Рывок, сделанный безграмотной, лапотной, «немойтой Россией» и национальными республиками к знаниям, к наукам и искусствам, не был бы возможен без усилий огромного числа добрых учителей, в тяжелых условиях «прорубавших окно» в мир просвещения. В пятидесятые годы успехи нашей системы образования были общепризнаны, их называли «эффектом спутника». Но никто не посчитал, каких высот мы достигли бы, не опутай нашу школу цепи ограничений, сковывающих горячее стремление к грамоте, к науке, которыми была заражена молодежь прежних поколений. Постепенно изменилась шкала ценностей: бескорыстная тяга к учебе уступила место соображениям личной пользы, престижа, дальнейшей карьеры, невозможной без диплома. Свет в окне потускнел и замутился.

Не было бы нужды совершать этот экскурс, если бы не была так коротка память и у нас, свидетелей, очевидцев, и если бы не способствовали этому «беспамятству» специальные книги, учебники, по которым учится новое поколение будущих педагогов. Прочитайте учебник «История педагогики» выпуска 1981 года, именные и коллективные труды по педагогике, и вы обнаружите сплошные «белые пятна». Не было разделения школ, не было их последующего соединения. Нет анализа причин и последствий превращения единой трудовой — в элитарную школу. Не найдете вы признания, что постановление 36-го года нанесло непоправимый

урон науке о воспитании. Это постановление до сих пор оценивается в ряду других, которые, конечно же, способствовали «дальнейшему развитию и совершенствованию советской системы просвещения».

Можно отнести сии казусы на счет сонно-застойных (или застойных) лет. Но ведь, поди ж ты, и в эти дни мы находим традиционный набор суждений по истории нашей школы в статьях представителей официальной педнауки.

Наверное, и далеким от школьных забот читателям известны имена учителей-новаторов, история их противостояния официальной науке и чиновникам из Минпроса РСФСР и СССР. И в газетах читали, и по телевизору видели их самих, и тысячи откликов написали по поводу необходимости широкого внедрения их методов обучения для раскрепощения перегруженных заданиями и зубрежкой современных школьников.

Так вот, в декабре 1986 года была созвана первая Всесоюзная научно-практическая конференция по изучению и распространению опыта новаторов. Как мне радостно сообщил сотрудник одного НИИ Академии педнаук СССР: «Наука с новаторами брататься будет!» Потом эту конференцию в газетных отчетах назовут «странной». Вот, мол, раньше официальная наука не пускала на свой порог педагогов-новаторов, таких, как Е. Н. Ильин, В. Ф. Шаталов, С. Н. Лысенкова, М. П. Щетинин, и др., а теперь посадили их в президиум высокого собрания, дали слово для доклада. Однако «братанье» было так блистательно подготовлено и обставлено, что новаторы еле-еле живыми вылезли из «объятий» научных оппонентов.

— Не называйте меня новатором! — взмолился с трибуны Е. Н. Ильин, известный преподаватель литературы из Ленинграда. Он-то на своей судьбе проверил, что означает для учителя такое звание — все равно, что бубновый туз на спине. Своего рода знак для отстрела. После, побывав на уроках Ильина, я убедилась, какого огромного мужества требует от первопроходцев встреча даже со своими коллегами, рядовыми учителями, воспитанными на розово-сиропной истории педагогики. Для них он своего рода «трудновоспитуемый» школяр, нарушающий благородные правила поведения в школьных стенах.

На той же конференции досталось по первое число и защитникам новаторов — публицистам, газетчикам, телевизионщикам. Ведущий методист по литературе, немало не смущаясь, заявила: надо запретить по центральному телевидению показывать уроки Ильина и иже с ним. Ученики и родители сравнивают характер преподавания своих учителей с новаторскими и предъявляют претензии: отчего в нашей школе уроки идут так скучно и неинтересно, отчего их не учат «по Ильину»? И своим пафосом, представьте, вызвала овацию в зале и одобрительные аплодисменты президиума, в котором сидели вершители судеб отечественного образования и воспитания. И именно эта, не прикрытая дипломатией ярость против средств массовой информации за предпочтение, отдаваемое новаторам, выдала устроителей фарса с «братаньем» с головой. Если бы ими по-настоящему признавался полезным опыт новаторов (а это признание было зафиксировано в официальном документе Минпроса СССР и в докладах), то надлежало бы сказать спасибо журналистам, которые сражались за распространение новшеств, как прежде и нынче сражались за распространение идей Макаренко и Сухомлинского. «Агрессивные дилетанты», «шельмующие науку любители сенса-

ций!» — это все «добрые слова» о журналистах...

Весь минувший 1987 год в журнале «Народное образование», органе Минпроса СССР, печатались одна за другой статьи, стреляющие прямой наводкой по всем вышеозначенным новаторам. Прежде всего досталось Щетинину, Шаталову, их пропагандисту С. Л. Соловейчику.

Самый тревожный симптом: и на конференции, и в статьях «Народного образования» густо и удушливо потянуло терминологией 30-х годов: здесь и обвинения в низкопоклонстве перед Западом, и уверения в несомненном превосходстве советской образовательной системы перед всеми прочими. (Кстати, один раздел в учебнике по педагогике так и назван: «Советская педагогика — высший этап развития педагогической мысли». Куда и зачем двигаться, расти, если и так вершина уже достигнута?!) Впрочем, приведем суждения из статьи, опубликованной в № 11 за 1987 год «Народного образования»:

«Была официальная школа — школа муштры, школа зубрежки, школа подавления личности и т. д. Ее упразднили в первые дни Советской власти». Упразднили, и все тут. И не слышит автор статьи аспирант МГПИ В. Меньшиков, как вопиет подрастающее поколение от казенщины, зубрежки, от подавления личности в стенах современных учебных заведений. По его мнению, необходимо «теоретически осмысливать» историю советской школы, однако «единственно, что не нужно, — это переосмысливать вещи, которые не нужно переосмысливать. Как, например, вопрос, по какому пути должна была развиваться наша школа, как должно было строиться содержание нашего образования, за какой вариант ратовали Ушинский и Крупская». «Не нужно переосмысливать» потому, что все было в деятельности просвещения правильно и разумно. И идут ссылки на достижения отечественной педагогики без тени смущения за откровенную фальсификацию, вроде утверждения, будто на опыт А. С. Макаренко, «как известно, никто запрета не налагал, а именно он наиболее значителен для строительства новой школы». И дальше приводится длинный перечень фамилий, которыми действительно гордится советская педагогика, при этом делается вид, что автору не известна плачевная судьба и самих названных им ученых, и их научных разработок: А. И. Мещеряков, В. В. Давыдов, Д. Б. Эльконин, Л. В. Занков...

Застенчиво «опущен» общеизвестный факт, что теоретические работы Занкова, к примеру, не имеют доступа в массовую школу, хотя проверены-перепроверены его последователями на тысячах классов и получили блистательное воплощение в практике Ш. А. Амонашвили. Больше того, лаборатория ученого закрыта, преемники Занкова изгоняются из НИИ общей педагогики.

Никак не вяжется, не стыкуется в статье В. Меньшикова признание «кризисного состояния нашей школы», ее слабой теоретической оснащенности с уверениями в невинности перед школой и обществом Академии педнаук.

Да, видать, ни автор, ни редакция журнала не озабочены справедливостью или логической последовательностью изложения. Здесь не рождением исторической истины озабочены: идет сведение счетов с непокорными. В ход пускаются обвинения такого рода: суждения критикуемого «есть некий эталон невежества в области истории советской педагогики, а потому — и самой дешевой демагогии, а то и клеветы». Это говорится об известном ученом и публицисте, четверть века отдавшем шко-

ле в качестве учителя, директора, а теперь — зав. кафедрой педагогики профессоре Ю. П. Азарове. Как видите, почерк хорошо отработан.

Хочу быть правильно понятой: я не за тепличные условия для борцов с педагогической схоластикой и рутинной. Все мы люди, всех нас заносит на поворотах. Но спасительный скальпель и яд в руках В. Меньшикова и его идейных вдохновителей и нынче весьма опасная штука.

Обратите внимание еще на одну подробность: в дискуссиях все чаще на просцениум выпускают «рядовых от науки и практики». Здесь — аспирант. На конференции, Всероссийском съезде учителей прямо-таки неистовствовал директор базовой школы Академии педнаук В. Х. Хадаев. «Сегодня наша педагогическая критика — это околорелигиозная тля, это критика злого невежества. (Удивительное совпадение текста и пафоса у разных людей, не правда ли? — Т. А.) Это критиканство для критики, из доморощенного вкуса, самодельных поделок и привычек. (Каковы стилистические экзерсисы у «заслуженного учителя РСФСР»! — Т. А.) Это бескровное и бесплодное пустословие, что рождает холодные тени, а тени — ложь!»

Эти «околорелигиозные» выкрутасы то и дело прерывались оациями, так искусно снова был подобран контингент делегатов Всероссийского съезда, на который не попал ни один из новаторов (из ученых ли, из практиков), не пустили туда и известных публицистов, занимающихся педагогикой.

Когда этого борца с «тлей критики» (сразу вспоминается муха дроздофила) увидели по Всесоюзному телевидению, свершилось пророчество: «из тени вышла ложь». Бывшие земляки Хадаева узнали его и раскрыли секреты его прежних «достижений» на ниве воспитания подрастающего поколения. Оказывается, в городе Орджоникидзе Хадаева дважды увольняли из школы и ПТУ за аморальное поведение и подлог. И при проверке документов вылезла личность обыкновенного мошенника, такого Остапа Бендера, «переквалифицировавшегося» в учителя. (См. «Литературная газета» № 3, 1988 г.) Сращение псевдочеловека, как и любых прочих псевдо — хозяйственников, юристов, врачей с уголовными элементами, — не сегодня изобретено. И, кажется, завтра не исчезнет.

Разоблачение последовало после того, как этому «выразителю чаяний учительских масс» была предоставлена возможность перед многомиллионной аудиторией «освистать» проект перестройки школы, выдвинутый известным ученым, лауреатом Ленинской премии М. М. Постниковым. Проект этот, наверное, не бесспорен. Однако основная идея его — разрозненные учебные предметы сгруппировать в блоки, выстроить школьную программу по законам современной науки, комплексно и системно, — заслуживала самого уважительного и серьезного осмысления. Истины ради следует признать: такой подход уже испытывался в первые годы строительства советской школы. За него особенно активно ратовала Н. К. Крупская. Она считала, что «комплексная система обучения поможет установлению диалектической связи между отдельными предметами». Но, как это часто случается, разумная идея была искажена до неузнаваемости, до глупости, и от нее пришлось отказаться. Крупская отнесла неуспех на счет недостаточной марксистской подготовленности деятелей Наркомпроса.

Автор этих строк еще 10 лет назад в книге, посвященной проблемам школьной реформы 70-х годов «Главная привилегия», предлагал

вернуться к этому принципу и приводил примеры возможного комплексного и системного подхода к изучению гуманитарных наук.

Но вот мы читаем уже цитируемую статью В. Меньшикова и, опять «роковые совпадения»: он тоже против комплексного подхода, который называет принципиальной ошибкой А. В. Луначарского и Н. К. Крупской. «Разумеется, были в этих экспериментах и положительные стороны, но в целом выявилась их полная несостоятельность. И Н. К. Крупская, как и положено честному ученому, об этом писала. Может быть, даже с излишней долей самокритичности».

Вот так фальсифицируется опыт прошлого и закрывается дорога к школе будущего подрастающей сменой Академии педнаук. Снова «не замечены» подлинные причины неуспеха, игнорируется настойчивое повторение: постигать знания необходимо не россипью, а в диалектическом единстве, чтобы вырабатывалось марксистское понимание законов природы и общества, мысль, которую мы находим во многих статьях Крупской и после отказа школы от комплексной системы.

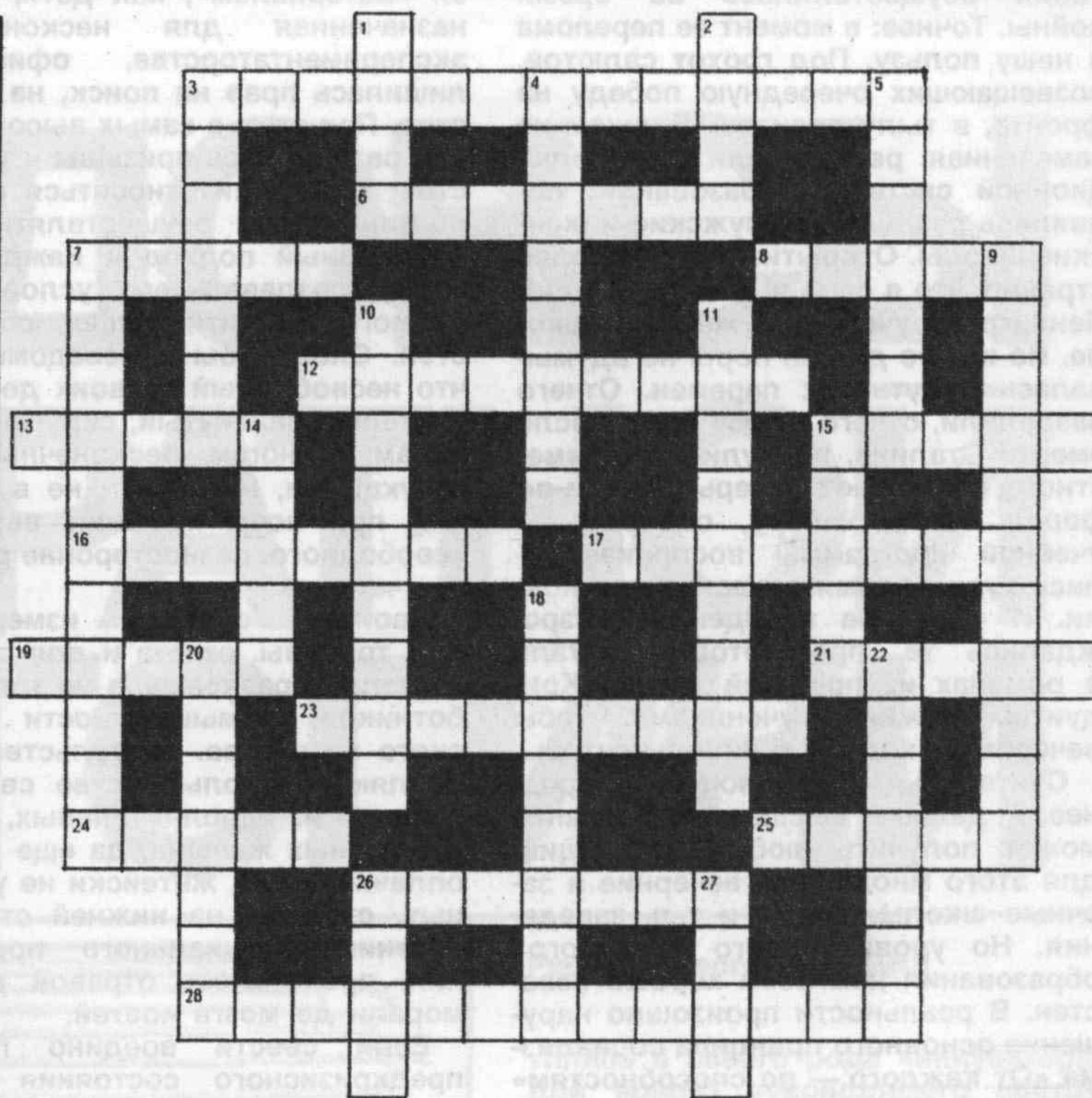
В подобного рода дискуссиях о достижениях и просчетах Макаренко и Сухомлинского извращалась важнейшая идея соединения обучения с производительным трудом, устройства школы как самоуправляющегося хозяйства.

Справедливо обнаруживая корни нынешнего кризиса в роковых 30-х, мы по привычке именуем их годами культа личности. На мой взгляд, это только часть истины. Самая страшная правда заключается в том, что «гениальная посредственность» (я бы сказала всемогущее Ничто), призвала на помощь и подняла наверх свою духовную родню: беспринципную, себялюбивую, всеядную посредственность и создала культ ее. Только при наличии многочисленной рати рьяных помощников можно было осуществлять перманентное истребление, а потом — преследование и угнетение всего неординарного, талантливого в стране. И когда мы теперь исчисляем беды и потери, мы не всегда сознаем, что их масштабы были predeterminedены условиями школьного образования, которое было отдано на откуп их владычеством Посредственности и Стандарта. «Не высовывайся!» — главная ее заповедь и в нынешние поворотные времена.

Недавно в телепередаче из цикла «Экспедиция в XXI век» приводились результаты опроса школьников по такому неожиданному вопросу: кто больше нужен будущему, Моцарт или Сальери? (Исключая, конечно, злодейский поступок, который ему вменялся в вину Пушкиным.) В ответах большинства предпочтение было отдано Сальери (!!!). Вот такая установка сформирована школой и окружающей ее действительностью. Ясно, какое лучезарное грядущее поджидает наших Моцартов в новом веке!

И. П. Павлов назвал важнейшими социальными рефлексом «рефлекс свободы» и «рефлекс рабства». Как и любые иные рефлекс, они закладываются и формируются в раннем детстве. Надо наконец нам понять: борьба за право учительства на поиск, на творчество, борьба против стандартизации школьной системы обучения не частное дело Минпроса и Академии педнаук, учителей-новаторов, писателей и публицистов. Это, если хотите, борьба за выживание нашей страны, за осуществление нашей социальной мечты: создание общества, где «свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех». А значит, за оздоровление школы браться надо всем честным людям.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Адмирал, руководитель первой русской антарктической экспедиции. 6. Музыкальный ансамбль, объединяющий певцов и инструменталистов. 7. Материковая отмель. 8. Трубочка для мази, клея, пасты. 12. Горноклиматический курорт в Грузии. 13. Стебель и листья корнеплодов. 15. Грамматическая категория, выражаемая в формах склонения существительного. 16. Краски, разводимые в воде. 17. Войсковое подразделение. 19. Река, впадающая в Белое море. 21. Шелковая или хлопчатобумажная ткань с поперечными рубчиками. 23. Участок, где в открытом грунте культивируются древесные растения. 24. Деньги, выдаваемые в счет заработка. 25. Двуглавая вершина в центральной части Большого Кавказа. 26. Выдающийся итальянский композитор XIX века. 28. Народный поэт Литвы.

По вертикали: 1. Автор первой советской поэмы о революции. 2. Хищная пресноводная рыба. 3. Выдающийся русский живописец и рисовальщик XIX века. 4. Литературное произведение, на основе которого создается фильм. 5. Река в Индии. 7. Картина Ж. Э. Лиотара. 9. Наука об управлении, связи и переработке информации. 10. Опера Р. Вагнера. 11. Краткая характеристика содержания книги, рукописи. 14. Залив Красного моря. 15. Подставка для нот. 18. Центр автономной области в Ставропольском крае. 20. Персонаж повести И. С. Тургенева «Муму». 22. Яркая звезда в созвездии Скорпиона. 26. Озеро в Абхазии. 27. Сорт конфет.

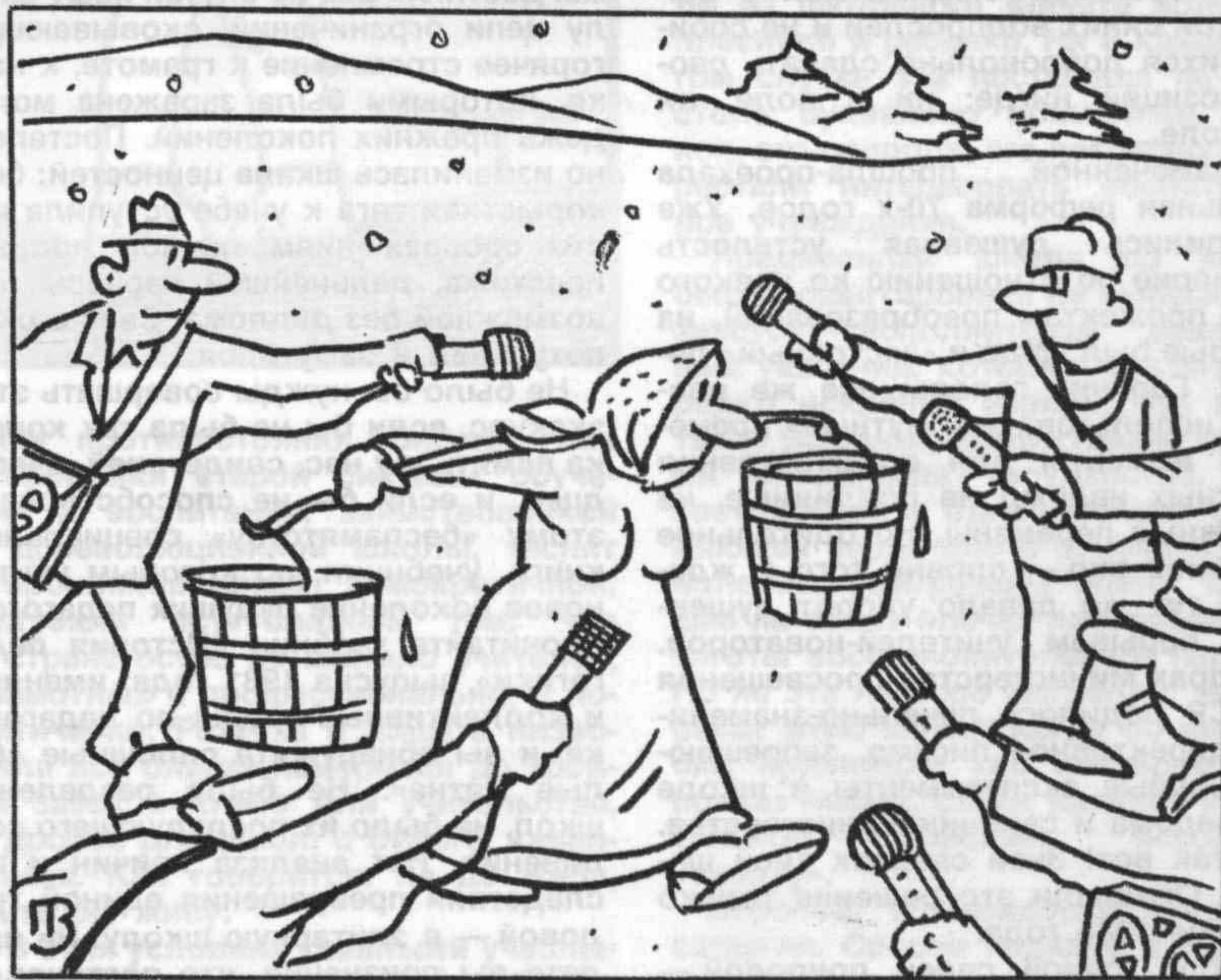
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 5. Краковяк. 7. Северцов. 8. Гвадалахара. 10. «Кукла». 11. Свирь. 12. Грабарь. 16. Амга. 17. Борн. 18. Биешу. 19. Галс. 20. Цирк. 22. Веранда. 25. Спица. 27. Ферма. 28. Александрит. 29. Фонвизин. 30. Цирконий.

По вертикали: 1. Арматура. 2. «Москва». 3. Ресурс. 4. Лонжерон. 6. Канада. 7. Соната. 8. Глаголица. 9. Авторитет. 13. Рабле. 14. Бреша. 15. Раунд. 19. Гиперион. 21. Кампучия. 23. Руслан. 24. Нанаец. 26. Алехин. 27. Физика.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Виталия ПЕСКОВА.

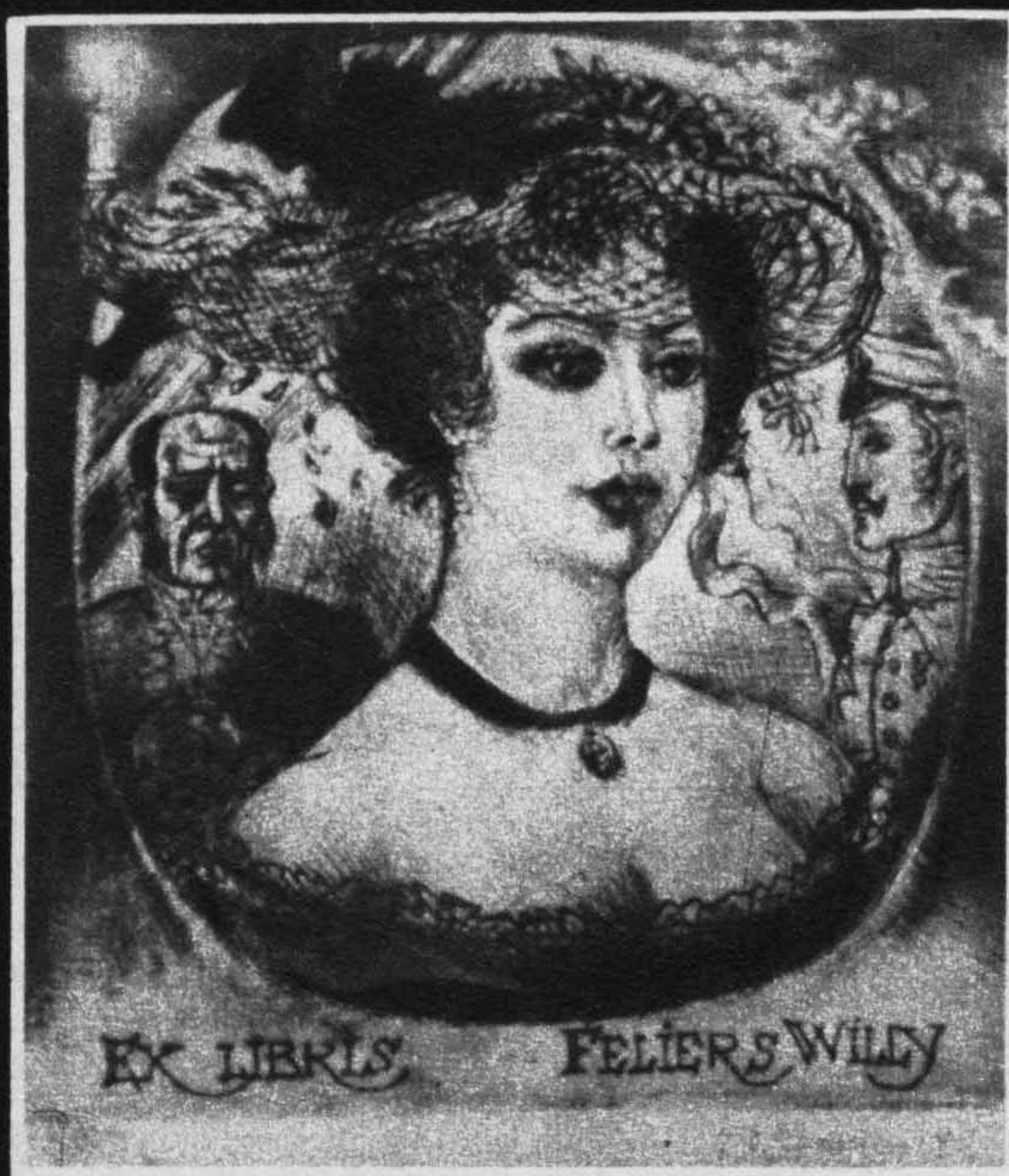
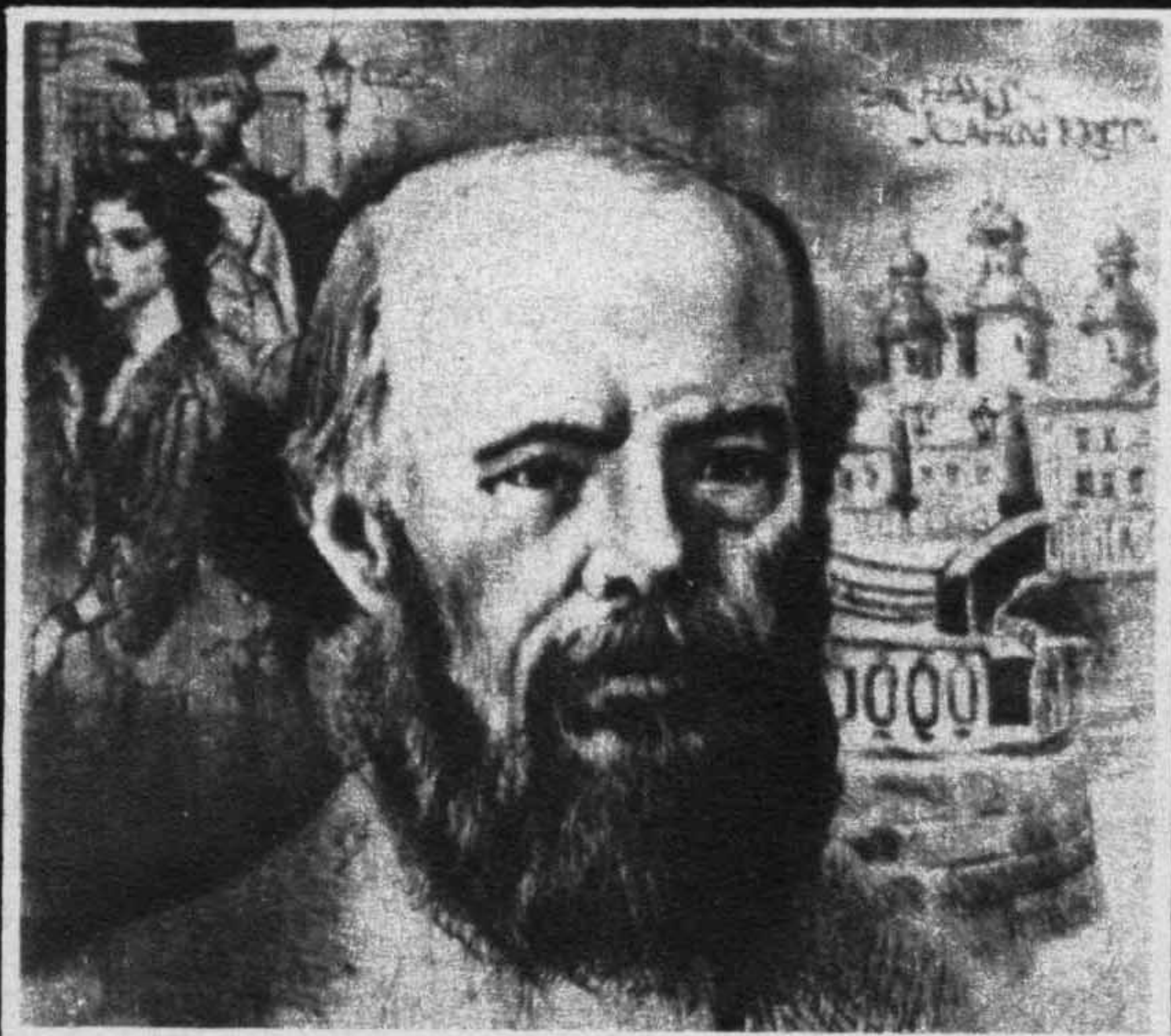
ЕСЛИ ГЛАЗ ВЕРЕН И ЧУВСТВО ЖИВО...

Экслибрисы одесского художника Дмитрия Беккера завораживают не сразу. С первого взгляда они — при всей их изобретательности, затейливой срифмованности — кажутся обычными, мастеровито сработанными графическими ребусами для книголюбов, где безошибочно прилажены, ловко подогнаны друг к другу детали-символы, отчетливо иллюстрирующие идею заказчика, владельца библиотеки. Да, среди многочисленных работ художника есть, конечно, и такие — стандартные, хотя и филигранно исполненные книжные знаки. Однако куда больше у Беккера иных произведений, заставляющих забыть об утилитарном назначении щедро разрисованных квадратиков и прямоугольников плотной бумаги. Стоит всмотреться в них внимательно, и они начинают втягивать в свое внутрисюжетное пространство, хотя никакого связного сюжета им, казалось бы, и не положено.

Жизнь этих экслибрисов не может быть ограничена узким плацдармом книжного титула. Они, чуть увеличившись в сравнении с традиционными в размерах, давно приобрели в глазах Беккера и тех, кого интересует его искусство, станковое значение. И надписи «из книг такого-то», разнообразные приличествующие случаю изречения и премудрости, выведенные тщательно «историческими шрифтами», выступают здесь выразительными элементами графических новелл, к которым может быть приравнен каждый из таких экслибрисов. О чем они? О том, что прошлое властно входит в наше бытие, и его руины, получив в современных обстоятельствах новый смысл, напоминающая о величии и драмах прошедших эпох, преподносят неоценимый нравственный урок нам, живущим. О том, что любовь восхитительна и прекрасна и любая минута, проведенная в любви, равна годам, ею не согретым. О том, что слово человеческое переживает века и рукописи действительно не горят. О том, что честь и правда, трудолюбие и вера в справедливость — залог человеческого бессмертия...

Экслибрис за экслибрисом процарапывает Беккер на изящно выкроенных латунных пластинках, пользуясь резцом легко и бегло, как пером. Импровизирует. Пробует. Напускает на себя серьезность. Веселится. Всерьез печалится. Озорно и улыбочиво вплетает в духовную биографию библиофила свою, и гравюры — монохромные и раскрашенные кистью, наподобие лубка, — начинают собственное полноценное существование, независимое от художника, как и должно быть, если мысль ясна, рука тверда, глаз верен и чувство живо.

Валерий БАРАНОВСКИЙ

ЗНАКИ ТРУДОВОЙ ДОБЛЕСТИ

Ударник. Стахановец. Новатор. Эти слова запечатлены на значках, которыми отмечались заслуги передовиков производства, начиная с первых пятилеток.

Память двадцатых годов — наградной знак «Ленинцу-ударнику», выпущенный к 10-летию Союза горнорабочих СССР.

В 1935 году возникло стахановское движение, которое стало одной из самых массовых форм социалистического соревнования. Знаков этого времени мало, но они имеют большую историческую ценность. Одним из них является нагрудный знак «Стахановцу золотоплатиновой промышленности». Он интересен

и как образец награды, и как произведение искусства.

Значки «Ударник...» появились в первую пятилетку. К одной из ранних наград того времени относится нагрудный знак «Ударник-горняк». К числу трудовых наград периода восстановления народного хозяйства и первых пятилеток относится наградной знак строителю гиганта Магнитки. В 1929 году лозунг «Товарищ, тебя ждет Магнитострой» увлек на стройку тысячи юношей и девушек. Лучшие из них были отмечены этим знаком.

Со второй половины 30-х годов утвержден значок «Отличник социалистического соревнования». Качество значков было очень высокое. Изготавливались они на Монетном дворе по заказам различных наркоматов, впоследствии министерств.

В. ЛЯХОВИЧ